

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ТЕНЬ УШЕДШЕГО

ДЖЕЙМС АЙЛИНГТОН

Шедевры фэнтэзи

Джеймс Айлингтон

Тень ушедшего

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821. (94)
ББК 84(8Авс)

Айлингтон Д.

Тень ушедшего / Д. Айлингтон — «Издательство АСТ»,
2015 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-103580-8

Прошло двадцать лет после свержения авгуров, правителей, что черпали силу в предвидении будущего. Однажды грядущее закрылось перед ними, и, не желая терять власть, постепенно они сошли с ума от собственной беспомощности. Теперь авгуров нет, а все люди, у которых есть хотя бы подобие магических способностей, находятся под постоянным контролем, скованные четырьмя доктринами. Давьян – один из таких одаренных, жертва войны, которая закончилась еще до его рождения. Будущего у Давьяна нет, он обречен на вечное презрение и рабство. К тому же, как выясняется, из всех возможных способностей у него есть только одна: то самое предвидение, которое уже чуть не разрушило мир, а потом исчезло. Но будущее коварно, изменчиво, и это открытие запускает цепь событий, которые приведут к самым неожиданным последствиям и множеству смертей. А на западе, в лесу, приходит в сознание странный человек. Он не помнит, кто он; не помнит, как его зовут, его одежда залита чужой кровью и, кажется, даже собственные мысли временами ему не принадлежат... Пути незнакомца и Давьяна вскоре пересекутся, и вместе им предстоит выяснить, что на свете есть опасность гораздо страшнее правления обезумевших авгуров.

УДК 821. (94)

ББК 84(8Авс)

ISBN 978-5-17-103580-8

© Айлингтон Д., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	67
Глава 11	78
Глава 12	86
Глава 13	91
Глава 14	96
Глава 15	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Джеймс Айлингтон

Тень ушедшего

Соне

Без твоего энтузиазма, любви и поддержки я бы не справился

© 2015 by James Islington

© Галина Соловьева, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Молния.

Воды Эрис Мморга на миг осветились, бурля и кипя, будто в сумрачное сердце озера вошел огромный нож. Темная волна разбилась о едва видимый выступ черных утесов, зашипела, выплюнула брызги на сто футов вверх и опала. Мир, моргнув, погас, но волны стали только выше. Еще одна взревела, зашипела, вздохнула яростнее раздавшегося следом громового раската. Еще одна.

Тал бесстрастно смотрел на них с утеса, куда не доставали брызги. Только плащ его метался – вздувался и хлопал за спиной под порывами ветра. Старые глаза, не мигая, взирали с юношеского лица, устремляясь в ночь, туда, где – он знал – разверзалась пасть Эрис Мморга. Еще одна вспышка высветила овал зазубренных скал: волны жадно лизали их, зарясь поглощать каждого, кто подошел бы слишком близко.

За ним лежала плоская скальная площадка пика Тааг. Ничто живое не росло на ней, даже та жесткая ядовитая трава, что выживает в любой пустыне. Вечные ветра выгладили обсидиановую поверхность; в двадцати футах за Талом она обрывалась пропастью, такой же крутой, как обрыв, с которого он смотрел сейчас. Немногие могли добраться до пика Тааг, и у немногих возникало такое желание.

На севере, на горизонте за озером, тусклое красноватое свечение вдруг разбило тьму. Взгляд Тала на миг прояснился, метнулся к свету. Маяк словно бы померк и тут же расцвел ярким рыжим пламенем, послал пронзительный луч через пустыню, обжег Талу лоб. Тот ахнул, зажмурился было, но тут же взял себя в руки.

Давно ли он вглядывается в эти глубины? Слишком давно: его побег обнаружен, поднялась тревога. Холодная острая боль когтила ему грудь: полузабытое чувство – страх.

– Держись, – прошептал он себе, снова устремляя взгляд на гневные волны. – Держись.

Цель была почти достигнута, хоть он и отвлекся на миг.

– Ты бежишь, Тал'камар. Я предостерегал тебя от бегства, – зарокотало вокруг скорее присутствием, нежели голосом.

У Тала свело живот, он обернулся, ища преследователя взглядом.

– Я знаю правду, – тихо ответил он. Он уже разглядел на дальнем краю площадки ползущую к нему тень, что была темнее остальных. Существо, присутствующее здесь лишь отчасти. Его хозяин.

Существо захихикало, и тошно было слышать этот звук.

– Ты уже не знаешь, что есть правда. Он был человеком, Тал'камар. Он лгал, ты сам так сказал. Ты насадил его голову на пику. Ты выставил ее напоказ перед Дверью Иладриель в напоминание всем видящим. Разве ты забыл?

Тень задержалась, следя за Талом, выжидая.

Тал медлил, вглядываясь во мрак.

– Да, – хрипло зашептал он. Присутствие хозяина подавляло, сейчас ему хотелось одного – простереться ниц перед повелителем, молить о прощении.

Слабость духа.

Он продолжал, с каждым словом обретая уверенность.

– Да, – медленно повторил он. – Но меня ввели в заблуждение. Я шел по проложенному пути. Я нашел доказательство. – Он помолчал, голос его окреп. – Я побывал в Рес Карте. Я спрашивал литов. – И еще уверенней: – Я ходил в Колодцы Мор Арвила и говорил с хранителем. Я отыскал на перекрестке дорог Нетгаллу и вымучил из нее все, что она знала. – Он уже кричал, высвобождая копившийся много лет гнев, и мощный рев разносился эхом по всему Талан Голу и за его пределы. – Я пробрался в глубины под горами, под скалами Илин Тор. Я

нашел зеркала. Я заглянул в них и увидел одно! – Он задохнулся, лицо его исказилось в диком торжестве. – Одну правду превыше всех других!

Тень подползла ближе, стала угрожающей, из голоса ее пропал звон.

– Что же ты нашел, Тал'камар? – насмешливо прошипела она.

Тал глубоко вдохнул.

– Ты – лжец, – это было сказано спокойно, без страха перед наступающей темнотой. –

Полный, законченный лжец.

Он отвернулся, указывая вниз, на волны. Прямо над ними, быстро расширяясь, засветился ярко-голубой круг. Когда Тал развернулся обратно, тень бросилась ему в лицо, затмила взгляд, наполнила воздух зловонным дыханием. И рассмеялась гнусным издевательским смехом.

– Отсюда тебе некуда бежать, – прорычала она. – От меня не убежишь!

Впервые за многие годы Тал улыбнулся.

– Ошибаешься. На сей раз я уйду туда, куда Ааркайн Девэд за мной не последует, – тихо проговорил он.

И шагнул назад, за край. Он упал.

Тень метнулась вперед, провожая уходящего во врата, недостижимого уже Тала. Вращающееся кольцо голубого огня полыхнуло белым и погасло, не оставив и следа, словно ничего не было.

Тварь устала туда: в притихшие, будто присмирившие волны.

И вдруг поняла.

– Воды Обновления, – прошипела она.

И ее вопль наполнил мир.

Глава 1

Клинок медленно прочертил на его щеке огненную полосу. Он захлебнулся криком, хотел отдернуться, но не пускала зажимавшая ему рот ладонь. Сталь загородила свет, серая грязная сталь. Теплая кровь ручейком стекала по левой щеке на шею, под рубаху.

Остальное разлетелось осколками.

Смех. Горячая винная вонь в дыхании мучителей. Боль слабеет, крики – не его крики.

Голоса – пронзительные от страха, молящие.

И молчание. Темнота.

Давьян распахнул глаза. Посидел, слушая, как колотится сердце, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Потом отодвинулся от стола, за которым задремал, растер лицо, рассеянно ощупал выпуклый шрам, протянувшийся от уголка левого глаза до подбородка. Шрам давно зажил, стал бледно-розовым, но иногда ныл, когда давние воспоминания грозили всплыть на поверхность.

Он встал, потянулся, разминая онемевшие мускулы и, скривившись, выглянул в окно. Из его комнатки в Северной башне открывалась почти вся школа, и во всех окнах под ним было темно. Факелы во дворе метались и плевались, догорая.

Стало быть, минул еще один вечер. Время утекало куда быстрее, чем ему бы хотелось.

Давьян вздохнул, поправил светильник и принялся перебирать великое множество книг, разбросанных на столе. Он, конечно, прочел все, многие по нескольку раз. И ни в одной не нашел ответов; но он все-таки вернулся на место, наугад выбрал том и устало принялся листать.

Немного погодя тяжелую ночную тишину прорезал отрывистый стук в дверь.

Давьян съежился, потом смахнул с глаз завиток черных волос и, подойдя к двери, открыл щелочку.

– Вирр? – удивился он, шире раскрывая дверь перед плечистым светловолосым другом. – Ты что здесь делаешь?

Вирр не спешил входить. Его улыбочное лицо было сейчас встревоженным, и у Давьяна, угадавшего, с чем пришел его приятель, ком встал в горле.

Вирр, увидев, как изменилось лицо друга, горестно кивнул.

– Нашли его, Дав. Он внизу. Нас ждут.

Давьян сглотнул.

– Они хотят сразу это сделать?

Вирр только кивнул.

Давьян помедлил, но тянуть не было смысла. Глубоко вздохнув, он погасил светильник и следом за Вирром потащился вниз по винтовой лестнице.

Когда подростки вышли из башни и направились через смутно освещенный двор, холодный воздух заставил его вздрогнуть. Школа занимала громадный замок даресийской эпохи, хотя его первоначальное величие за две тысячи лет отчасти потерялось между пестрыми пристройками и заплатами. Давьян прожил в замке всю жизнь и знал здесь каждую пядь, от комнат прислуги рядом с кухней до приземистого бастиона, занятого старшими, и стертых ступеней четырех шестиугольных башен, устремлявшихся к небу.

Сегодня знакомые места не утешали его. Высокая наружная стена зловеще маячила над головами.

– Ты знаешь, как он попался? – спросил Давьян.

– Разводил костер с помощью сути. – Вирр покачал головой, почти незаметно, потому что факелы на стене догорали. – Может, всего-то струйку использовал, но блюстителю со щупом оказался на дороге совсем рядом. Вышли старшие, и вот... – Вирр пожал плечами. – Пару часов назад его передали Талену, а Тален решил не затягивать дольше необходимого. Так лучше для всех.

– Смотреть от этого легче не будет, – буркнул Давьян.

Вирр придержал шаг, оглянувшись на друга.

– Аша ведь предлагала тебя заменить. Еще не поздно согласиться, – негромко напомнил он. – Знаю, очередь твоя, но... скажем прямо. Блюстителю принуждают учеников на это смотреть, чтобы напомнить, что такое может случиться с каждым. А тебе, всякий скажет, это сейчас ни к чему. Никто не стал бы тебя винить.

– Нет, – решительно покачал головой Давьян. – Я выдержу. К тому же Лихим ее одногодок, Аша его знает лучше нас. Не надо ей этого видеть.

– А кому из нас надо? – пробормотал Вирр, однако согласно кивнул и зашагал дальше.

Они вошли в западное крыло замка и добрались наконец до кабинета блюстителя Талена; дверь его уже была открыта, свет лампы лился в коридор. Давьян опасливо постучал по косяку, заглянул внутрь, и мрачный учитель Олин поманил их войти.

– Закройте дверь, мальчики, – сказал седой мужчина, ради них вымучив ободряющую улыбку. – Все уже здесь.

Пока Вирр затворял дверь, Давьян обвел взглядом собравшихся в тесном помещении. Здесь была старшая Сеандра, утонувшая в угловом кресле: самая молодая из школьных учителей, она всегда была весела и улыбочива, но сейчас выглядела усталой, чужой.

Присутствовал, разумеется, и блюститель Тален, плотно стянувший на плечах голубой плащ, – как видно, мерз. Он молча кивнул мальчикам, вид у него был мрачный. Давьян кивнул в ответ – за три года он так и не привык и все еще удивлялся, что блюститель не наслаждается происходящим. Нелегко было удержать в памяти, что Тален, в отличие от своих соратников по всей Андарре, не питает ненависти к одаренным.

И, наконец, посреди комнаты, привязанный к стулу, сидел Лихим.

Пятнадцатилетний паренек был всего годом моложе Давьяна, но сейчас, связанный и беззащитный, выглядел совсем ребенком. Темно-каштановые волосы падали ему на глаза, он повесил голову и не шевелился. Давьян поначалу решил, что пленник без сознания.

Потом он заметил руки Лихима. Даже крепко связанные за спиной, они дрожали.

Когда дверь щелкнула, закрывшись, Тален вздохнул.

– Так, кажется, все готовы, – тихо проговорил он и переглянулся со старшим Олином, а потом шагнул к Лихиму и встал так, чтобы мальчик мог его видеть.

Все молча сосредоточились на пленнике: тот теперь смотрел на Талена и, как ни старался, не мог скрыть страха.

Блюститель глубоко вздохнул.

– Лихим Претар, три ночи назад ты покинул школу без оковы и не связанный четвертой догмой. Ты нарушил договор, – он говорил сухо, но в тоне было и сочувствие. – За это, в присутствии этих свидетелей, ты должен быть по закону лишен способности использовать суть. С этой ночи ты не будешь принят среди одаренных Андарры, ни здесь, ни в ином месте, без особого дозволения одного из Толлов. Ты понял?

Лихим кивнул, и на долю секунды Давьяну подумалось, что все обойдется легче обычного.

Но тут Лихим заговорил, как рано или поздно заговаривал каждый, оказавшийся на его месте.

– Прошу, – сказал он, обводя комнату молящим взглядом. – Прошу, не надо. Не делайте меня тенью. Я ошибся. Это не повторится.

Старший Олин грустно взглянул на него, подходя с маленьким черным диском в руках.
– Поздно, мальчик.

Лихим мгновение смотрел на него непонимающими глазами, потом замотал головой.

– Нет! Подождите! Ну подождите! – По щекам его текли слезы, он беспомощно дергался, натягивая веревки. Давьян отвел взгляд, услышав просительное: – Прошу, старший Олин! Я не смогу жить тенью. Старшая Сеандра, подождите, я...

Краем глаза Давьян видел, как старший Олин протянул руку и прижал диск к шее мальчика.

Давьян заставил себя обернуться к замолчавшему на полуслове Лихиму. Теперь двигался лишь его взгляд, тело же застыло. Паралич.

Старший Олин почти сразу отпустил диск – кружок, как приклеенный, держался на коже. Старший выпрямился и кинул взгляд на Талена, который согласно кивнул.

Старший вновь наклонился, но в этот раз только пальцем коснулся диска.

– Прости, Лихим, – пробормотал он, закрывая глаза. Свет одел ладонь старшего Олина и, изливаясь из его протянутого пальца, ушел в диск.

Лихим затрясся всем телом.

Сперва дрожь была чуть заметной, но скоро усилилась, сводя судорогами все мышцы. Тален мягко придержал мальчика за плечо, чтобы стул не опрокинулся.

Старший Олин очень скоро оторвал палец от диска, но Лихим все бился в судорогах. Когда от его глаз стали расплзаться черные полосы, Давьян сглотнул подступившую к горлу желчь. Лихим останется обезображенным на всю жизнь.

Потом мальчик обмяк, и все кончилось.

Тален убедился, что Лихим дышит, и помог старшему Олину его отвязать.

– Бедняга вряд ли вспомнит даже, как его поймали, – тихо предупредил он и, поколебавшись, глянул на старшую Сеандру, не сводившую с обмякшего мальчика пустого взгляда. – Мне жаль, что до этого дошло. Знаю, что паренек тебе нравился. Когда очнется, я дам ему еды и несколько монет на дорогу.

Сеандра помолчала и кивнула.

– Благодарю, блюстителю, я ценю это, – тихо отозвалась она.

Давьян поднял взгляд, когда старший Олин, закончив то, чем занимался, встал перед мальчиками.

– Как вы? – спросил он, явно обращаясь больше к Давьяну, нежели к Вирру.

Давьян сглотнул подступивший к горлу ком и кивнул.

– Ничего, – солгал он.

Старший ободряюще сжал его плечо.

– Спасибо, что присутствовали. Знаю, это было нелегко. Теперь, – он кивнул на дверь, – вы оба можете идти отдыхать.

Вирр на ходу устало потирал лоб.

– Тебе нужна компания? Я точно после такого сразу не засну.

– Как и я, – кивнул Давьян.

Они шли в Северную башню в задумчивом, тревожном молчании.

* * *

Вернувшись в комнатушку Давьяна, оба долго не заговаривали. Наконец Вирр шевельнулся, сочувственно взглянул на друга.

– Ты правда ничего?

Давьян помедлил, силясь разобраться в водовороте чувств, бушевавших в нем последние несколько минут. И в конце концов просто пожал плечами.

– По крайней мере, знаю, что меня ждет, – сухо заметил он, справившись с дрожью в голосе.

Вирр поморщился и пристально взглянул на него. – Не говори так, Дав. Время еще есть.

– Время? – Прежде Давьян в ответ на дружескую поддержку вымучил бы улыбку, но сегодня слова Вирра прозвучали слишком фальшиво. – До праздника Воронов три недели, Вирр. Три недели до испытания, и если я до тех пор не научусь использовать суть, кончу так же, как Лихим. Тенью. – Он покачал головой, в голосе прорвалось отчаяние: – Три года, как я получил Элом клятую метку, а до сих пор и коснуться не сумел сути. Не знаю даже, есть ли во мне, к чему тянуться.

– Все равно, ты не должен сдаваться, – заметил Вирр.

Давьян поколебался, но ответил с досадой:

– Ты правда веришь, что я пройду испытание?

Вирр напрягся.

– Дав, это нечестно.

– Значит, не веришь? – не отступался Давьян.

Вирр поморщился.

– Ладно! – мальчик собрался с силами, подался вперед, заглянул Давьяну в глаза. – Я думаю, ты пройдешь испытание.

В голосе друга звучала полная убежденность, но это не помешало Давьяну увидеть черную струйку дыма, вырвавшуюся из его губ.

– Я же говорил, – тихо бросил Давьян.

Вирр глянул на него и вздохнул.

– Судьбы, как я иногда ненавижу эту твою способность! – Он покачал головой. – Слушай, я действительно верю, что надежда есть. А пока есть надежда, глупо было бы не делать всего возможного. Ты сам знаешь.

На сей раз Вирр не лгал, и Давьян смутился: стыдно загонять друга в угол. Он тяжело вздохнул, потирая лоб.

– Прости. Ты прав. Это было нечестно, – признался он, заставляя себя смирить бушующие чувства. – Я понимаю, ты просто хотел помочь. Да я и не сдаюсь... просто не знаю уже, что делать. Я перечитал все книги о даре, перепробовал все мысленные техники. Старшие говорят, что теорию я постиг в совершенстве. Не представляю, что еще можно сделать.

Вирр склонил голову.

– Не грусти, Дав. Мы что-нибудь придумаем.

После затянувшейся паузы Давьян нерешительно заговорил.

– Я помню, что мы это уже обсуждали, но, может быть, если бы я сказал кому-нибудь из старших, что вижу чужую ложь, они сумели бы помочь? – Он сглотнул, пряча от Вирра глаза. – Может, мы не того от них ждем? Может, им известно что-то, неизвестное нам. Ты же понимаешь, это не совсем способность читать людей.

Вирр несколько секунд обдумывал эту идею и мотнул головой.

– Не настолько «не совсем». С точки зрения старших и тем более блюстителей, если те проведуют. – Он сочувственно смотрел на друга. – Судьбы знают, я не хотел бы видеть тебя тенью, Дав, но это ничто в сравнении с тем, что будет, если хоть шепоток просочится о твоём умении. Приди им в голову, что ты способен читать людей, и тебя назовут авгуром, а договор на этот счет высказывается вполне ясно. Как бы ни любили тебя старшие, в этом случае мигом передадут блюстителем.

Давьян скривился и нехотя кивнул. Об этом говорилось не в первый раз, и все обсуждения кончались одинаково. Оба они понимали, что Вирр прав.

– Тогда, наверно, надо дальше заниматься, – Давьян уставился на грудку книг, сваленных на столе.

Вирр, проследив его взгляд, насупился.

– Тебе не приходит в голову, что ты себя загоняешь, Дав? Понимаю, тебе неспокойно, но, лишив себя сил, ничего не добьешься.

– Я должен использовать все время, что мне осталось, – сухо ответил Давьян.

– Но чтобы использовать суть, надо спать не час-два в сутки. Не диво, что ты даже свечи зажечь не в силах: весь тайник мог уйти только на то, чтобы так долго продержаться без сна.

Давьян устало отмахнулся. За последние недели он не раз слушал эти соображения от желающих помочь, но впервые слышал подобное от Вирра. Беда в том, что он знал: все они правы. Одаренные, требуя от своего тела запредельных усилий, инстинктивно обращаются к потаенному запасу сути, поддерживая ею силы взамен сна. А если он истощил тайник, все попытки до него дотянуться напрасны.

И все же три года разумного распорядка тоже не помогли. Что бы ни препятствовало ему в использовании сути, причина крылась не в бессоннице.

Вирр, посмотрев на друга, со вздохом поднялся на ноги.

– Ну, если ты не собираешься спать, я точно засну. Старшая Кэн ждет от меня анализа основных мотивов половины Ассамблеи, а урок с ней у меня с самого утра. – Он выглянул в окно. – Всего через несколько часов.

– Ты не засыпаешь на своих дополнительных по политике? Я думал, ты на них и пошел, чтобы отсыпаться. – Давьян выдавил усталую улыбку, показывая, что шутит. – Но ты прав. Спасибо, что составил компанию, Вирр. Увидимся за обедом.

Давьян подождал, пока уйдет Вирр, и скрепя сердце обратился к заглавию очередной отложенной для занятий книги: «Принципы извлечения и восстановления». Он прочел ее неделю назад, но мог что-то упустить. Должна же быть причина, почему он не может дотянуться до сути. Наверняка он чего-то недопонял.

Старшие считали, что он отгородился, что подсознательно сопротивляется своим силам после первого знакомства с ними в тот день, когда обзавелся шрамом. Но Давьян в этом сомневался: та боль давно погасла. Вот если он действительно авгур, одно это могло послужить причиной... Хотя сведения о былых правителях Андарры скрывались теперь так надежно, что искать их было мало толку.

К тому же... Возможно, дело просто в технике. Возможно, если прочитать все, написанное о природе дара, он сумеет решить задачу.

Вопреки собственной решимости, оставшись один, Давьян заметил, что слова на обложке расплываются перед глазами, а челюсти растягивает зевота. Может быть, в одном Вирр был прав. Изнеможением дела не поправишь.

Давьян нехотя встал, дотянулся и погасил светильник.

И сел на кровать, уставившись в темноту. Мысли все еще бурлили. Несмотря на усталость, несмотря на поздний час, уснул он не скоро.

Глава 2

Давьян вздрогнул и проснулся.

Разбудивший его звук – настойчивый стук в дверь – повторился. Мальчик очумело оглядывался, в голове стоял сонный туман. Который час? Отдаленный гомон снизу, со двора, означал, что уже начались уроки. В луче из оставшегося открытым окна медленно проплывали пылинки: по тому, как круто падал луч, он сообразил, что теперь середина утра, если не позже.

Ругаясь под нос, Давьян вскочил на ноги. Обычно он просыпался с рассветом и надеялся, что его тело само будет соблюдать расписание, но, как видно, слишком уж много ночей оно провело без сна. Снова постучали;

торопливо накинув какую-то одежду, мальчик бросился к двери, открыл.

У стоявшей за дверью девушки светлые волосы падали на плечи, а на скулах погожие дни оставили еле заметную россыпь веснушек. Она бесхитростно улыбнулась, в ее зеленых, как море, глазах плескался смех.

– Привет, Аш, – неловко поздоровался Давьян, сразу вспомнив, каким растрепой он выглядит.

– И тебе, Дав. Вид у тебя...

– Знаю. – Он пятерней расчесал густые, непокорные черные волосы, хоть и знал, что не поможет. – Похоже, я заспался.

– Похоже, что так. Самую малость. – Аша бросила многозначительный взгляд в окно. Потом тщательно оглядела коридор, убедилась, что они в самом деле наедине, и понизила голос. – Госпожа Алита с утра заставила меня побегать, но я зашла, едва смогла отпроситься. – Улыбка ее погасла. – Мне сказали про Лихима.

Память о прошедшей ночи обрушилась на Давьяна – должно быть, это отразилось и на лице, потому что Аша шагнула к нему. В ее глазах светились мягкое сочувствие и забота.

– Ты ничего?

– Ничего. – Он лгал: на самом деле страх нахлынул заново при воспоминании о бьющемся в судорогах мальчике и черных жилах, расплзающихся по его лицу. Но не признаваться же Аше. – Я... ничего подобного раньше не видывал. Просто... наверно, мне это напомнило, как близки испытания.

Аша, поморщившись, кивнула, но промолчала.

В груди у Давьяна при взгляде на нее становилось тесно. За пролетевшие несколько месяцев он не раз сталкивался со страхом превратиться в тень, но только сейчас понял, что сильнее всего боялся никогда больше не увидеть Ашу. Потому что их дружба за последние пару лет превратилась в нечто большее, по крайней мере для него.

Но заговорить об этом он не мог. Пока не мог. Признание сделало бы оставшиеся несколько недель еще тяжелей для обоих, даже если Аша его чувств не разделяет.

Оба помолчали: Давьян оглянулся на косой луч солнца – оно поднялось уже так высоко, что почти не заглядывало в выходящее на восток оконце.

– Я все расскажу тебе потом, – пообещал он, вспомнив вдруг, что его ждут и другие обязанности, и выдал улыбку. – Мне сегодня полагалось доставить припасы из Каладеля.

– Доставить припасы из Каладеля тебе полагалось бы часа два или три назад, – уточнила Аша. – Собственно... Не хочу окончательно портить тебе настроение, но я затем и пришла. Госпожа Алита спохватилась, что ты не явился за списком покупок.

Давьян застонал.

– Что она сказала?

Госпожа Алита следила за учениками строже любого старшего. Хуже того, Давьяна она почитай что вырастила и потому любое уклонение им от своих обязанностей воспринимала как личное оскорбление.

Аша пожала плечами.

– Сам знаешь – как всегда. Что-то насчет тебя, кипящего котла и ножичка, который у нее висит над столом. Всех подробностей не упомяну. – Аша горестно улыбнулась. – Но уверена, она не откажется тебе повторить.

– Замечательно... – Давьян помялся. – Наверно, не стоит просить тебя... умолчать в разговоре с ней, какой я соня?

– Она спросит.

– Соври, – Давьян вздернул бровь. – Я прошу тебя соврать.

– Вот уж от кого не ожидала! – насмешливо улыбнулась Аша.

Давьян вздохнул, пряча улыбку.

– Я буду у тебя в долгу.

– Не первый раз, – напомнила девушка.

Давьян прищурился, но улыбка наконец прорвалась наружу.

– Спасибо, Аша.

Когда Аша скрылась на лестнице, он притворил дверь куда в лучшем настроении. Как ни мало радовала его предстоящая выволочка от госпожи Алиты... и как ни тяжело легло на плечи вернувшееся воспоминание о прошедшей ночи... если тебя будит Аша, значит, день начался далеко не худшим образом.

Он постоял перед зеркалом, стирая сон с глаз и оправляя одежду, расчесывая пальцами волосы, пока не привел их в пристойный вид. Старшие настаивали, чтобы всякий выходящий за стены школы выглядел прилично. Он все равно опоздал, так что не стоило усугублять дело, выскочив на улицу растрепой.

Уверившись, что выглядит достойно, Давьян поспешил спуститься по винтовой лестнице Северной башни во внутренний дворик. Несколько учеников обступили стоящего у дальней стены старшего Джарраса, кое-кто хихикал над его рассказом. Давьян полюбовался на бородача, который картинно жестикулировал, взмахивая красным плащом одаренного, и потешно округлял глаза, вызывая среди малышни новые взрывы смеха. Улыбнулся и Давьян. Джаррас нравился всем.

Он двинулся дальше, проскочил через узкий проход к задней двери кухни. Большинство учеников вошло бы через главную дверь из столовой, но Давьян служил здесь поваренком задолго до того, как стал учеником, и не мог так просто избавиться от вьезшейся привычки.

Он пробрался внутрь тише мыши, вдохнул знакомые запахи. Тепло огня, деловито кипящий над потрескивающими дровами котел. Смешение пряных ароматов, веселая болтовня Тори с Гундером, кухарки и ее подручного, рубивших овощи спиной к нему. Даже три года спустя он чувствовал себя здесь дома больше, чем в собственной башенной комнате.

Давьян замаялся. Госпожи Алиты нигде не было видно. А вот Тори, немолодая и неряшливая женщина, вечно баловавшая его, пока в Давьяне не обнаружился одаренный, наконец заметила постороннего. Она сразу отвернулась, узнав вошедшего, и их разговор с Гундером замер, когда и тот тоже увидел Давьяна.

Он вспыхнул, почувствовав себя лишним. Как всегда. Они с Гундером вместе работали поварятами и вместе жили, пока в Давьяне не открылся дар. Теперь они стали чужими. Пусть слуги работали на одаренных, но война оставила слишком много шрамов, не дающих забыть, что представляют собой их хозяева. Что *он* собой представляет.

Иногда Давьян ловил в знакомых взглядах грустный укор. Как будто он их предал, как будто сам выбрал этот путь, а не был вытолкнут на него силой.

Сегодня Давьян заставил себя не замечать пристальных взглядов и зашарил глазами по кухне в поисках листка с записями, что следует купить в городке. Если найти список и сбежать прежде, чем вернется госпожа Алита...

– Ты не это ли ищешь?

Знакомый голос прозвучал за спиной. Сердце у него ушло в пятки. Обернувшись, мальчик увидел главную повариху, нарочито хмурившуюся и размахивающую листком у него перед носом.

Давьян растерянно поморщился.

– Извини.

Тучная повариха сердито покачала головой.

– Не передо мной извиняйся. Это старшие за обедом окажутся перед пустыми тарелками. И не сомневайся, я им объясню, в чем причина.

Госпожа Алита готова была разразиться очередной тирадой, но вдруг осеклась, присмотрелась к нему, сощурилась глазами.

– У тебя усталый вид. – Она не забыла о недовольстве, но в голосе ее теперь звучал вопрос. – Я тебя не видела последние дни?

Давьян покосился на Тори с Гундером, но те уже занялись делом и тихонько разговаривали между собой. Ученикам не полагалось обсуждать занятия с неодавленными, но с госпожой Алитой они не раз пренебрегали правилом. Она заботилась о нем много лет, с тех пор как младенцем его оставили на попечение школы, и имела право хоть кое-что знать о его жизни.

– Скоро испытания, – отозвался Давьян вместо объяснений.

Главная повариха насупилась и понизила голос, чтобы не долетал до других.

– Так и не продвинулся? – Всмотревшись в его лицо, она помрачнела еще больше. – Все еще не уверен, что пройдешь?

Давьян закусил губу. Не хотелось ему тревожить госпожу Алиту.

– Ну... риск есть, – со старательным безразличием произнес он.

– И тебе страшновато. – Госпожа Алита утверждала, а не спрашивала. Она слишком хорошо его знала.

– Я в ужасе, – помедлив, признался Давьян.

Госпожа Алита сочувственно улыбнулась, по-матерински обняла за плечо, чуть прижала.

– Эл каждому дает ношу по его силам, Давьян. Всегда об этом помни.

– Запомню, – кивнул Давьян, хотя его эти слова не утешили. Госпожа Алита растила найденыша в правилах старой веры, но все знали, что вера в Эла и его Великий Замысел скончалась двадцать лет назад вместе с авгурами. Давьян – как и большинство нынешних андаррцев – не мог верить в то, что так очевидно было опровергнуто. Но веру госпожи Алиты он всегда уважал.

Главная повариха сунула ему в ладонь листок, несколько тяжелых монет и наградила легким, но основательным подзатыльником.

– Пошевеливайся, блюстителю Тален тебя ждет. И чтобы такого не повторялось, не то я придумаю, как тебя проучить, испытания там, не испытания... – Она подалась вперед и заговорщицки понизила голос: – И будить тебя в следующий раз будет не Аша. На мой вкус, ты ей слишком радуешься.

Она вытолкала растерянного и покрасневшего парня за дверь.

Уходя, Давьян кусал губу. Что, это так бросается в глаза? Аша много времени проводила на кухне: оставалось надеяться, что госпоже Алите хватит деликатности ни с кем не делиться своими подозрениями.

Он свернул к кабинету блюстителя. Во дворике было тихо: Джаррас уже увел учеников. В стороне под присмотром мрачной Сеандры вели учебный бой двое младших учеников, но в остальном все замерло.

Давьян задержался, чтобы посмотреть на поединок. Вопреки всем усилиям его уколола зависть: из пальцев учеников вырывались тонкие язычки света и, метнувшись к противнику, разбивались о яркие, переливчатые щиты сути, потрескивающие от столкновения двух сил.

Он вдумчиво наблюдал за состязаниями. Дети – не старше двенадцати лет – были, видимо, равны по силам, но Давьян сразу определил, что щит у того, кто меньше ростом, тверже очертаниями и плотнее. И как раз в эту минуту игла яркой сути пронзила щит высокого и ужалила того в плечо, заставив мальчика вскрикнуть от неожиданной боли. Поединок скоро закончится.

Давьян оторвал взгляд и пошел дальше, давя в себе досаду, которую всякий раз ощущал при виде использования дара. «Шевелись! Заканчивай с делами и пробуй еще раз. Ничего другого не остается».

На подходе к кабинету блюстителя в животе у него все перевернулось – память о прошлой ночи была еще свежа. Сквозь приоткрытую дверь Давьян, едва собравшись постучать, услышал голоса, среди которых был незнакомый. В их маленькой, насквозь знакомой школе это было так непривычно, что он задержался.

– Так ты знаешь, зачем мы здесь на самом деле? – спрашивал незнакомый голос. После короткого молчания последовал ответ:

– Вы явились за мальчиком.

– Да. Страж Севера считает, что пора.

Давьян нахмурился. Страж Севера – брат короля и глава Надзора. О чем они говорят? Снова заговорил Тален.

– Надеюсь, он не опоздал. Я слышал о школе в Ар-рисе.

– И в Даззари тоже. – Этот женский голос был ему также незнаком и звучал мрачно. – Около сотни погибших, и никто ничего не видел.

Тален протяжно выдохнул.

– Грустно слышать.

Кто-то хмыкнул, очевидно, сомневаясь в искренности блюстителя.

– Скажи мне, как вы здесь защищены?

– Трое все время охраняют ворота. Обычно старший с двумя умелыми учениками, а при нужде учеников бывает и трое. Стены *под охраной*: если кто-то попытается перебраться, старшие немедленно узнают. – И после паузы: – Вы опасаетесь повторения?

– Предполагаем, – равнодушно произнес первый незнакомец. – Пока этого должно хватить.

– Хорошо. – Опять пауза. – Так ты думаешь, это охотники? Я слышал, что...

Шаги прошуршали неуютно близко, у самой двери. Давьян шмыгнул прочь. О чем бы ни шел разговор, он не предназначался для его ушей, а звучал слишком серьезно, чтобы так просто перебивать.

Несколько минут Давьян побродил по коридорам, беспокойно ломая голову над услышанным. Нападения на школы? Он знал, что такое случается – охотники выслеживали и убивали одаренных поодиночке, поймав на нарушении закона, но, случалось, били и по крупным мишеням. Иной раз нападали местные жители, решив избавиться от близкого соседства с владеющими сутью. Однако в последние месяцы Давьян не слышал о крупных побоищах, о каких толковал незнакомец.

Наконец мальчик со вздохом признался себе, что услышал слишком мало. Конечно, если это касается его и других учеников, старшие их предупредят.

Вскоре Давьян решил, что выждал достаточно и можно повторить попытку, и действительно, вернувшись к блюстителю, нашел дверь широко открытой. Тален был один – перебирал какие-то записи, закатав рукава и сбросив голубой плащ блюстителя на спинку соседнего стула. Когда Давьян остановился перед его столом, Тален снял очки для чтения и выпрямился.

– А, так госпожа Алита тебя все-таки отыскала? И, как я вижу, не порвала в клочки, – с улыбкой в голосе заговорил он.

Уголки рта у Давьяна полезли вверх, едва он с облегчением понял, что Тален не станет возвращаться к событиям прошлой ночи.

– Я подожду радоваться, пока учителям не будет сказано, почему пусты обеденные тарелки, – сдержанно отозвался мальчик.

– Разумно, – усмехнулся Тален и жестом подозвал Давьяна к сундуку в углу комнаты. Этот жест открыл взгляду татуировку на его правом предплечье. Давьян, как всегда при виде метки блюстителя, сдержал дрожь. Выглядела она так же, как у него: мужчина, женщина и ребенок в круге, но если у одаренных метка возникала сама собой при первом же применении сути, то блюстителю свою выбирали добровольно. И метки блюстителей всегда были окрашены в красный, а не в черный цвет. От этого они походили на клейма, словно были выжжены на коже.

– Давно мне не приходилось их на тебя надевать, – заметил Тален, открывая верхний ящик.

Давьян содрогнулся.

– Меня реже других посылают за стены... Ума не приложу почему, – добавил он, не скрывая сарказма.

Тален оглянулся на него через плечо.

– Из желания тебя защитить, Давьян. Я бы на их месте поступал так же. Тут нечего стыдиться. – Он поскреб у себя в бороде. – Кстати говоря, ты, насколько я знаю, обычно ходишь не один. Если хочешь, я мог бы попросить старшего Олина найти тебе спутника.

Давьян замотал головой.

– Три года прошло. Мне уже не требуется особого обращения. Ни от кого, – с намеком добавил он.

Тален вздохнул.

– Верно. В общем, верно. – Он вытащил из ящика руку, в которой зажал незамкнутый обруч из скрученных ониковых полос, отполированных так, что Давьян видел в них искаженное отражение своего лица. – Протяни руку. Только прежде лучше сядь.

Давьян пожал плечами.

– Никогда не замечал, чтобы она на меня особенно действовала.

Тален усмехнулся.

– И все же. Я не раз слышал эти слова от учеников, удивлявшихся потом, почему я не потрудился поймать их, когда они падали. И от старших тоже не раз, только им не рассказывай, что я сказал.

– Согласен, – ухмыльнулся Давьян и послушно сел на стул, вытянув левую руку и подставив запястье с татуировкой. Он поежился, когда Тален прижал к его метке открытые концы дуги, и вздрогнул, чувствуя, как обруч вплавляется в тело, как ледяной металл ползет по коже и смыкается в кольцо, обхватив предплечье. Все это заняло лишь несколько секунд.

Давьян встретил пристальный взгляд блюстителя. – Не спеши, – посоветовал тот.

Мальчик покачал головой.

– Всё в порядке.

Большинство одаренных довольно мучительно переносили окову: она вызывала сонливость, головокружение, у некоторых – тошноту. Давьян же ощутил лишь небольшую слабость и утомление, словно холодный металл отобрал час или два ночного сна. И даже это могло быть игрой воображения, учитывая, как он вымотался.

Прежде мальчик всегда считал это даром судьбы, но сегодня поймал себя на мысли, что такое отличие – совсем не подарок.

И все же... Давьян чувствовал, как холодный слой *чего-то* под кожей охватывает его и вытягивает силы. Устройство наконец заработало.

Он встал под пристальным взглядом Талена и провел по оковке пальцем, проследив врезанный в холодную сталь узор.

– Я иногда удивляюсь, зачем она мне, – проговорил он с тенью обиды в голосе. Тален поднял бровь, и Давьян, заметив это движение, фыркнул:

– Не волнуйся, я не оспариваю договора. Я просто о том, что и так не могу использовать дар. Все эти догмы пока не имеют ко мне отношения.

Тален поморщился, но лицо его разгладилось так быстро, что мальчик усомнился, не померещилось ли. Затем блюстителю сочувственно кивнул.

– Конечно. И все равно, – он опустил ладонь на плечо ученика. – Именем четвертой догмы, вернись в школу, как только закончишь дело.

Давьян закатил глаза, ощутив слабое тепло в левом запястье: догма возымела действие. Сам договор был довольно сложен: ряд поправок и дополнений к законам Андарры, но по настоящему связывали одаренных не он, а догмы. После того как на коже у них проступала метка, они оказывались физически неспособными нарушить клятву, принесенную пятнадцать лет назад Стражу Севера. Тален, воззвав к четвертой догме, вынудил Давьяна исполнить приказ.

– Это обязательно? Тален поднял бровь.

– А ты ждал, чтобы я дал такому баламуту шанс сбежать?

Давьян слабо улыбнулся и покачал головой.

– Хорошо, я зайду после возвращения.

Слабое беспокойство ужалило его уже во дворе: с утра у мальчика не было времени задуматься, но сейчас он впервые за много месяцев остался один. И, как бы ни храбрился он перед Таленом, со спутником ему было бы спокойнее.

Так, впрочем, бывало всегда. Нельзя, чтобы его прошлое – его страхи – без конца доставляли всем неудобства.

Он впряг школьную лошачиху Джени в шаткую старую тележку для припасов. Джени была смирной и, как всегда, покорно дала себя запрячь. Давьян рассеянно отметил, что во дворе привязаны еще три лошади, а обычно не бывало ни одной. Кони принадлежали таинственным гостям, чей разговор с Таленом он, по всей видимости, и подслушал.

Быстро собравшись и набрав в грудь воздуха, чтобы овладеть собой, он мягко дернул вожжи и направил Джени к Каладелю.

Глава 3

На дороге было тихо.

Давьян не погонял Джени и шел шагом, пиная подворачивающиеся под ногу камешки и наслаждаясь греющим спину солнцем. Эту – одинокую – часть пути он любил больше всего. Стежка над обрывом была до войны большой дорогой, но с тех пор запустела, камни мостовой растрескались и раскрошились – природа брала свое, – в каждую трещинку лезла трава. Правда, она оставалась кратчайшим путем на север и для горожан, но проходила всего в сотне шагов от школы, и потому этой дорогой ходили одни одаренные.

Впрочем, скоро Давьян свернул, и за поворотом открылся вид на живописный городок Каладель, примостившийся между искрящимся морем и холмами.

Давьян вздохнул.

Его, спускавшегося по улицам с Джени и тележкой, сторонились прохожие. Несколько соколятников и купцов торговали на улице, но его не окликали. Знали, что у него нет для них денег – и, хуже того, заприметь его кто у прилавка или в лавочке, другие клиенты стали бы обходить заведение стороной.

Давьян и сам не поднимал глаз, старался не встречаться взглядами с обходившими его горожанами. Он много раз бывал в Каладеле, но настороженные, а порой и презрительные взгляды все еще причиняли боль. Вскоре мальчик поймал себя на том, что сутулится, как будто улицы давят ему на плечи. Он поспешал от цели к цели, стараясь держаться как можно незаметнее.

С покупками сегодня все шло гладко. Прежде случалось, ему отказывались продавать или запрашивали непомерную цену. В таких случаях Давьян знал: лучше вернуться в школу с пустыми руками, чем поднимать шум. Но в это утро, к его облегчению, торговцы хоть и держались холодно, но не отказывались торговать. Мало кому хотелось быть пойманным на торговле с одаренными, но школа была крупным закупщиком, а когда под конец дня подсчитываешь выручку, монетка от одаренного оказывается не хуже других.

И все равно Давьян не без облегчения подвел Джени к маленькой темноватой лавке, последней в его списке. С ее хозяином он не раз имел дело и не ждал неприятностей.

– Добрый день, хозяин Дэль, – почтительно поздоровался он, входя.

Мясник был тощ, не старше сорока и отрастил пушистые усы, скрывавшие его узкое лицо.

– Доброго утречка, парень, – равнодушно отозвался он. Никто из лавочников не трудился запоминать имена одаренных, с которыми имел дело, но Дэль был неизменно вежлив, чем выгодно отличался от большинства.

Давьян протянул ему листок.

– Здесь все перечислено.

– Все имеется, – кивнул хозяин, изучив список. За спиной у Давьяна звякнул колокольчик над дверью – вошел новый покупатель. Мясник поднял взгляд и мигом переменился.

– Убирайся, – рыкнул он, став будто вдвое выше ростом. – Мы тут таких не обслуживаем.

Давьян подумал было, что приказ относится к нему;

кое-кто из торговцев обслуживал одаренных, только если никто этого не видел. В таком случае Давьян попросту обошел бы с Джени лавку и ждал хозяина у черного хода.

Но мясник смотрел ему за спину. Оглянувшись, Давьян увидел незнакомого юношу годами пятью старше него, застывшего в дверях. Даже в полумраке видна была черная паутина жил, разбегавшаяся по его лицу от глаз.

Незнакомец не двинулся с места, и хозяин помрачнел пуще прежнего.

– Ты меня слышал! – зло бросил он.

– Я хотел только...

Не успел Давьян опомниться, как в руке хозяина возникла крепкая дубовая палица и тощий мясник выдвинулся из-за прилавка.

Тогда тень повернулся и рванул – только колокольчик звякнул вслед.

Хозяин Дэль тут же стал деловитым, словно ничего и не случилось.

– Извиняюсь.

– Да... ничего, – проговорил Давьян, постаравшись не выдать изумления. И снова оглянулся на дверь, помедлил, вспомнив Лихима. Он понимал, что лучше бы ему прикусить язык.

– Так ты теней не обслуживаешь?

Мясник ответил презрительным взглядом.

– Ни один уважающий себя лавочник их не обслуживает, и, судьбы меня побери, мне плевать, как там заведено в Илин-Иллане. Вас, одаренных, я, может, и недолюбливаю, но дело есть дело, и торгуй я только с теми, кто мне по нраву, был бы нищим. Но тени... – он огляделся, словно искал, куда сплюнуть. – Наслышан я о них и об их Шадрехине. Те дела, *злые* дела, которые они затевают... Ну, не всякую сплетню можно пропустить мимо ушей. Всему должна быть граница.

Давьян надеялся, что лицо его ничего не выдает. Он впервые слышал о Шадрехине: обычное дело, школа была отрезана от долетавших из столицы слухов; но этот слух слишком походил на обычную страшилку, а их блюститители распространяли охотно.

Впрочем, в лицо хозяину лавки этого не скажешь. А если скажешь, только того и добьешься, что выставят за дверь, а школа лишится надежного поставщика.

– Может, они не все такие, – заметил он по возможности кротко. – Большинство стали тенями просто потому, что не сумели пройти испытание. Ничего дурного они не сделали. Просто Толы не позволяют им остаться среди одаренных, а договор не позволяет уйти, пока они полностью не лишены способностей. Просто им... не повезло.

Мясник помрачнел, будто вспомнил, с кем разговаривает. И вместо ответа угрюмо сверкнул глазами.

После этого Давьян прикусил язык.

Вскоре он уже выходил из лавки, а мясник, возвративший себе обычное хладнокровие, указывал ему, как лучше подвезти тележку к черному ходу. Давьян, выйдя, поискал тень взглядом, но юноша скрылся. Давьян с раскаянием подумал, не надо ли было сильнее за него заступиться. Бесплезно и даже глупо было бы навлекать на себя неизбежный гнев хозяина лавки. И все-таки...

Мясник Дэль помог ему закрепить последнюю покупку и скрылся в лавке. Давьян взялся за поводья.

Что-то маленькое пролетело над его плечом всего в нескольких дюймах от лица.

Он развернулся как ужаленный и увидел в начале проулка компанию: мальчиков, годами двумя моложе его, лет четырнадцати на вид. Все они ухмылялись до ушей, радуясь его замешательству. Один перебросил из руки в руку новый камень и посмотрел взглядом, какой Давьян подмечал у высмотревших мышь котом.

– Прости, кровопивец, никак, рука сорвалась, – разыгрывая невинность, проговорил мальчишка. Остальные захохотали.

Давьян стиснул зубы, проглатывая колкий ответ. «Кровопивец». Он знал, что одаренных часто награждают этой кличкой, но в свой адрес слышал редко.

– Что вам нужно? – беспокойно спросил он. К враждебности и прямым оскорблениям он привык, но здесь ему чудилось что-то... большее.

Мальчишка, заговоривший первым – явно вожак стаи, – улыбнулся ему, взвешивая камень на ладони.

Беспокойство Давьяна стянулось в острие паники;

на миг все вытеснило воспоминание трехлетней давности, как он пришел в себя, не в силах шевельнуться от множества ран. Он готов был бежать, бросить покупки. Все эти мальчишки были меньше него, но окова отнимает силы, а в открытой драке выйдет пятеро против одного.

Кроме того, ему нельзя было ввязываться в ссору. Блюстителю его слушать не станет, сочтет заводилой драки, как бы там ни было на самом деле.

На главной улице мелькнул голубой плащ.

– Блюстителю! – возопил Давьян, стараясь, чтобы голос не выдал отчаяния.

Блюстителю, слышав крик, придержал шаг, повернул голову в сторону переулка. Этот был молод, лет тридцати. Его взгляд с холодным любопытством охватил сцену.

Затем он отвернулся и пошел дальше, почти сразу скрывшись из вида.

Мальчишки после окрика заколебались, но теперь нахальство вернулось к ним.

– Кричи громче! – с издевкой процедил один.

Вожак сунулся ближе.

– Где ты нажил такое уродство, кровопивец? – мальчишка с ухмылкой провел пальцем по своей щеке, намекая на шрам Давьяна.

Одаренный повернулся, хотел бежать – и кровь отхлынула от его щек, когда он увидел другую толпу, отрезавшую его от дальнего конца переулка.

Задира продолжал:

– Похоже, ты побывал в драке. А кровопивцам драться не положено, знаешь ли.

– Несчастный случай, – сухими губами выдавил Давьян. – Давний несчастный случай, – повторил он, сдерживая дрожь в голосе. Руки у него тряслись, он сам не знал, от страха или от гнева. Мальчик изо всех сил изображал безразличие: – Извините, но мне в самом деле пора идти.

Он хотел обогнуть одного из задир, но мальчишка шагнул в сторону, загородил дорогу и оглядел его с улыбкой, не отражавшейся в глазах.

– Напав на меня, вы нарушите договор, – отчаянно напомнил Давьян, снова шагнув вперед. На этот раз мальчишка оттолкнул его с такой силой, что Давьян растянулся навзничь, задохнувшись от удара. Вожак склонился над ним, близко, нос к носу.

– Я что, похож на блюстителю? – прошипел он с жадной злобой в глазах.

Давьян напрягся, ожидая первого удара.

Вместо удара донесся мужской голос с главной улицы, и мальчишки вдруг брызнули враспынную, оставив его лежать на согретом солнцем камне.

Приближающегося человека Давьян скорее почувствовал, чем увидел. Сердце еще колотилось. Он поднялся на ноги и приготовился к защите.

– Спокойно, паренек, я тебя не обижу. – Человек успокаивающе повел рукой, голос звучал мягко и озабоченно. Давьян прищурился. Вроде бы знакомый голос, но этого человека он видел впервые: средних лет, тощий, сухой, как проволока, лет сорока с небольшим или, может, скорее пятидесяти. Он смотрел вверх маленьких круглых стеклышек, и очки придавали ему вид добродушного рассеянного ученого.

А главное, на нем был алый плащ одаренного, и левую руку он держал так, чтобы видна была окова. Давьян опустил кулаки и наконец рискнул оглядеться. Противники скрылись.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, выговорил «Спасибо!» и стал как мог отряхиваться от пыли.

Мужчина в ответ склонил голову.

– Ты не пострадал?

– Разве что гордость, – при этих словах к щекам хлынула краска стыда.

Мужчина сочувственно кивнул.

– Это в наши дни никого из нас не минует. – Он протянул руку. – Я – старший Илсет Тенвар.

Давьян как можно тверже сжал протянутую ему ладонь.

– Давьян.

Разнимая руки, он заметил, что у мужчины недостает указательного пальца – на его месте осталась сморщенная культя.

Илсет смотрел теперь вслед скрывшимся мальчишкам, и лицо его застыло, загрубело.

– Ты их знаешь?

Давьян помотал головой.

– Впервые видел.

Илсет помрачнел еще больше.

– Значит, воспользовались подвернувшимся случаем. Трусы и дураки. А я-то думал, в пограничье, может быть, по-другому. – Он вздохнул и хлопнул Давьяна по плечу. – У тебя остались еще дела в городе?

Давьян потрепал Джени по шее, успокаивая больше себя, чем невозмутимую скотину.

– Я как раз хотел возвращаться в школу.

– Чудесно, я и сам направляюсь туда же. Тебе не слишком досадит мое общество?

Давьян искоса взглянул на Илсета – он вдруг вспомнил, где слышал этот голос. Этот человек беседовал с Таленом.

Кивнув, он незаметно расслабился, радуясь, что не придется возвращаться одному.

– Я тебе рад, старший Тенвар.

Илсет улыбнулся.

– Зови просто Илсет. По крайней мере, пока не доберемся до школы.

Они молча прошли через Каладель. Давьян, еще не опомнившийся после нападения, затерялся в своих мыслях. Когда он прокручивал в голове случившееся, в животе становилось горячо от гнева и унижения. Он ведь ничего дурного не сделал! Ничем такого не заслужил!

Илсет, словно прочитав его мысли, тронул мальчика за плечо и утешил:

– Сам понимаешь, ты не виноват.

– Просто я не понимаю, почему люди такие, – с досадой вырвалось у Давьяна. – И блюстители, и простые горожане. За что нас так ненавидят? Война пятнадцать лет как кончилась, я-то тут при чем. И те мальчишки тогда еще не родились! – Он перевел дыхание: – Знаю, мы должны принять договор и жить под догмами. Просто это, по-моему, нечестно!

Илсет замедлил шаг, разглядывая мальчика.

– Нечестно, – спокойно, как само собой разумеющееся, признал он. – По отношению к нам – нечестно. Что до других... – он пожал плечами. – Ну, они нас ненавидят потому, что боятся. А боятся, потому что знают, что не в силах нами управлять. Полностью – не смогут. Хотя, согласно догмам, они наши господа, мы всегда останемся сильнее. Лучше. Людям трудно с этим смириться, вот они и пинают нас при каждой возможности. Однажды они нас сломили и теперь боятся, что стоит чуть отпустить, мы воспрянем и отомстим.

Илсет говорил без пыла, холодно и отстраненно. Дальше они шли молча, слушая только шум ветра в листве и поскрипывание тележки. Давьян, обдумывая слова Илсета, рассеянно потирал шрам.

– Не в первый раз, да?

Обернувшись, Давьян понял, что старший за ним наблюдает.

– Не в первый, – чуть замаявшись, признал он.

– Что тогда произошло?

Давьян колебался. Неловко пожал плечами.

– Это случилось несколько лет назад. Я тогда был слугой в школе – я в ней всю жизнь прожил. Госпожа Алита послала меня в город, а там кто-то, видно, знал, что я служу одаренным. Они были пьяны... Я мало что запомнил, честно говоря.

Только те обрывки, что снились ему по ночам. И больше ничего от ухода из школы до пробуждения: каждый нерв горит огнем, на лице открытая рана, а на предплечье метка-клеймо.

Мальчик остановился. Давно он никому не рассказывал этой истории. Глубоко вдохнув свежий морской воздух, он продолжил:

– Они на меня напали, хотели убить, но мимо проходил один одаренный из старших и вступился за меня. Увидев, что они со мной сделали, он их убил.

Давьян замолчал.

– А, – проговорил Илсет, словно вспоминая. – Так это ты тот мальчик, которого спас Терис Сарр.

– Ты об этом слышал? – удивился Давьян.

Илсет коротко хмыкнул, хотя ничего смешного здесь не было.

– Вряд ли в Илин-Иллане найдутся одаренные, кто не слышал бы. Блюстителю заявили, что Сарр, раз убил тех людей, нашел способ нарушить догму. Он, конечно, отрицал, но решения Стража Севера это не изменило. Сарра казнили, Тол Атьян не успел даже подать формального протеста.

Давьян грустно кивнул. Он так и не поблагодарил своего спасителя. В чем-то казнь Сарра тревожила Давьяна больше, чем собственные раны. Она показала, как мало ценится спасение его жизни.

– Ты его знал? – спросил Давьян.

Илсет покачал головой.

– Лично – нет. Когда началась осада, он был в Толе, а потом много путешествовал, так что мы не встречались.

Давьян опять кивнул. Первоначально существовало пять Толов: пять твердынь одаренных, и каждая обучала своей философии, своим искусствам, играла свою роль в правлении авгуров. Осады обозначили начало войны: три Тола и все андарские школы стерли с лица земли за несколько месяцев. До конца продержались только Тол Атьян с подчинившейся ему школой и Тол Шен.

Давьян, вдруг сообразив, о чем говорил старший, вскинул голову.

– Так ты... во время войны был не в Толе Атьян? Ты сражался?

Илсет хихикнул.

– «Сражался», пожалуй, слишком сильно сказано. – Взглянув в лицо мальчика, он поморщился и уточнил, вздернув бровь. – Точнее будет сказать, скрывался.

– Ох... конечно. Прости, – смутился Давьян. Все называли случившееся войной, но каждый знал, что кровь проливали большей частью с одной стороны. Он с любопытством покопился на Илсета. – Просто я впервые вижу человека, который провел войну не в Толе.

Илсет хмыкнул.

– Это потому, что нас мало осталось к концу. Кому не посчастливилось с самого начала оказаться за стенами Атьяна или Шена, тому... трудно было выжить. Ты уж мне поверь.

– Как это было? Если я смею спросить? – поспешно добавил Давьян, сообразив, что сует нос куда не следует.

Илсет почти рассеянно пожал плечами.

– Смеешь, парень. С тех пор много лет прошло. – Он почесал бороду. – Как было? Одиноко. Многие сказали бы, что хуже всего постоянно чувствовать себя дичью, вечно бояться, вечно быть настороже. Они не то чтобы неправы: спать приходилось вполглаза и радоваться, если дожил до вечера. Но мне больше всего запомнилось одиночество.

Давьян вытер капли пота со лба; дорога от Каладеля шла в гору, да и солнце жарило.

– Ты не пробовал пробиться в Тол Атьян?

Илсет невесело улыбнулся, будто услышал глупую шутку.

– На это решались только те, кто больше не мог держаться. Самоубийством было даже приблизиться к столице, не то что пробиваться в Атьян. Как и в Шен на юге, а три других Тола к тому времени были уничтожены.

Он слегка покачал головой, отвечая своим воспоминаниям, и продолжил:

– Нет, я просто ходил от селения к селению, держался тихо и остерегался охотников и ревнителей. И всегда был один. В те времена, заподозрив в ком-нибудь одаренного, ты сворачивал в другую сторону. Большинство выживших, так же, как я, сообразили, что без прямого соприкосновения шупы тебя не учуют, пока ты не пользуешься сутью. А если ты почувствовал другого одаренного, значит, он как раз пользуется... И значит, охотники уже спешат сюда.

Давьян замолчал, пытаясь вообразить: ревнители – сторонники короля во время восстания – под командованием прославленного военачальника Вардин Шала вдруг объявляются в каждом городке, вооружившись шупами и прочим оружием против сути. Целых три Тола стерты с лица земли, два оставшихся – в осаде. Все школы в стране уничтожены, ученики и учителя вырезаны. Тогда одаренным пришлось воистину худо, тогда они обеими руками ухватились за договор и подчинились догмам.

Он краем глаза наблюдал за Илсетом. Старшие в их школе воздерживались от разговоров о Невидимой войне, а Илсет вспоминал о ней охотно.

– Ты когда-нибудь встречал авгуров? В смысле, до того, как все началось.

Илсет покачал головой.

– Я работал во дворце, так что вокруг их было много, но лично никого не знал. Я в те времена только вышел из учеников.

– Но ты видел, как они используют свои силы? – стараясь говорить непринужденно, настаивал Давьян.

Илсет с улыбкой поднял бровь.

– Пожалуй, что видел – в те разы, когда наблюдал, как они *читают* просителей. Хотя, по правде, видеть было нечего. Кто-то входил с прошением, дежурный авгур несколько секунд вглядывался в него, заводил разговор и выносил суждение. Думаю, это было не увлекательнее, чем видеть за работой короля и Ассамблею.

Давьян нахмурился.

– Разве они для чтения людей не применяли суть?..

– Нет, конечно.

– Ты уверен?

Давьян затаил дыхание. Он давно это подозревал, но прямого ответа не добился ни от старших, ни от немногочисленных одобренных блюстителями книг.

Илсет фыркнул.

– Парень, чему тебя учили в школе? Подумай сам. Суть может только физически влиять на вещи: поднимать или разламывать. Тянуть, толкать. Портить или исцелять. Как же ее использовать для чтения мыслей?

Давьян покивал, в увлечении забыв смутиться.

– Но и суть авгуры тоже могли использовать? Как одаренные?

Илсет поправил очки на носу.

– Н-ну... Да. Помнится, один человек пытался их обмануть – верь не верь, а кое-кто считал это возможным, – понял, что попался, и бросился наутек. Авгуры связали его сутью быстрее, чем стражники двинулись с места.

Давьян молча переваривал услышанное, и в груди его разгоралась искорка надежды. Значит, дело не в той его способности. Это ничего не решает, и одной тревогой стало меньше.

– Стало быть, они умели читать людей и провидеть будущее. А еще? – наконец спросил он.

Илсет улыбнулся.

– А ты из любопытных.

– Прости, – покраснел Давьян. – Я часто думал, как все было до Невидимой войны, но старшие не хотят об этом говорить.

Илсет поморщился так, что Давьян даже испугался, не рассердил ли старшего.

– Ну и дураки, – сказал Илсет, и Давьян не сразу сообразил, что он имеет в виду старших. – Мне безразлично, что сказано в договоре. Верные, уничтожив Тол Тан, сожгли половину наших знаний. Нельзя допустить, чтобы вторая половина пропала по трусости.

Несколько секунд было тихо, потом Илсет вздохнул, успокаиваясь.

– Отвечая на твой вопрос: что еще могли авгуры, не знал никто, кроме самих авгуров. Их никак нельзя было назвать разговорчивыми, и в любое время их бывало не больше дюжины. Единственные их способности, о которых известно наверняка, – те, что упомянуты в договоре.

– Значит, чтение и провидение, – Давьян наизусть знал эту часть договора.

Илсет кивнул.

– Дальше ты вступаешь в область слухов и предположений. А их мы в достатке получаем от блюстителей, что ж мне еще добавлять.

Давьян кивнул, скрывая разочарование, и пнул попавшийся на дороге камешек.

– Ты их ненавидишь?

Илсет озадаченно нахмурился.

– Авгуров? Почему такой вопрос?

– Старшие не говорят, но я вижу: они винят авгуров за то, как обернулись дела, – неловко пожал плечами Давьян. – Блюстители рассказывают, будто авгуры были тиранами, и я ни разу не слышал, чтобы им возражали.

Илсет задумался.

– Блюстители еще скажут, что мы им сознательно помогали, что тогда, в прошлом, каждый использовал дар для угнетения менее удачливых, – напомнил он. – Большей частью это демагогия: берут исключение и выдают его за правило. Авгуров не то чтобы любили – честно говоря, скорее боялись, – и не все их действия встречали поддержку. Но до предвоенных времен люди их принимали. Понимали, как много добра приносит их власть.

Давьян нахмурился.

– Так они никого не угнетали?

– Не думаю, чтобы угнетали сознательно, – поколебавшись, ответил Илсет, – хотя под конец, осознав, что их видения уже не точны, они всполошились. Сначала никому не говорили, что происходит, даже одаренным. Замазывали самые грубые ошибки, а когда люди узнали, отказывались уступить власть, вместо того принимали все более строгие законы и вводили все более суровые наказания для противоречащих, и вынуждали одаренных следить за исполнением. – Старший пожал плечами. – Думаю, они всего лишь старались выиграть время, чтобы узнать, что стряслось с их провидением, но... потом все смешалось. Разом.

Он вздохнул.

– Словом, да, за то, как они вели себя перед Невидимой войной, их можно винить. Бесспорно. Но ненавижу ли я их? Нет. Понимаю, почему их могут ненавидеть другие, но я – нет.

Давьян, заслушавшись, кивнул.

– А как ты думаешь, что случилось с их провидением?

На эту тему старшие тоже держали языки за зубами.

Илсет вздернул бровь.

– А где искать изумруд Сандина, тебе не сказать? Или назвать имена пяти Изменников Керета? Или рассказать, кто были зодчие и как создавали свои чудеса, и заодно уж объяснить,

куда они скрылись? – рассмеялся он. – Это же величайшая тайна поколения. Я не знаю, и никто не знает. Теорий множество, но стоящих доказательств никто не нашел. Они просто... Перестали видеть вещи как есть. – Илсет вздохнул. – Знаешь, я ведь был тогда во дворце – в ту ночь, когда Вардин Шал со своими сторонниками нанес удар. Когда погибли авгуры.

Давьян круглыми глазами смотрел на него.

– Как это было? – не удержался он.

– Хаос, – мрачно отозвался Илсет, как видно, не возражавший против расспросов. – Люди бегают, орут. Одаренные, не зная о ловушках, не подозревая, что их суть можно подавить, гибнут на месте. Ничего похожего на славную битву, как бы ни хотелось того охранителям. – Он покачал головой. – Я в ту ночь допоздна засиделся за книгами, тем и спасся. Всем одаренным, кто спал в своих постелях, перерезали глотки. Даже детям.

Давьян побледнел. Таких подробностей он прежде не слышал.

– Ужасно!

Илсет покачал головой.

– Это было горько и жалко. А вот войти в зал собраний и увидеть мертвыми всех андаррских авгуров – это был ужас. – Он передернулся, вспоминая. – Твоему поколению трудно понять, но они были для нас не просто вождями. Их уход обозначил конец образа жизни.

Илсет замолк, уйдя в воспоминания.

Давьяна жгли новые вопросы: те старшие, кого он знал, не откровенничали о Невидимой войне, а об авгурах тем более, но мальчик прикусил язык. Он за несколько минут узнал больше, чем за год тайных изысканий, и опасался, не заподозрит ли его Илсет, если он станет слишком наседать. Впрочем, чужие старшие редко проводили в школе меньше недели. Будет еще время для осторожных расспросов.

Они шли дальше. Илсет выглядел задумчивым, и Давьян, которого разговор отвлек от происшествия в Каладеле и успокоил, тоже помалкивал.

Немного погодя Илсет словно встрепенулся.

– Кстати, о переменах, – сказал он с немного натужной веселостью. – Ты к завтрашнему дню готов?

– К завтрашнему? – нахмурился Давьян.

– К испытанию. – Илсет поднял бровь.

Давьян выдавил нервный смешок.

– Испытание только через три недели, на праздник Воронов.

Илсет поморщился и ответил не сразу.

– А, тебе еще не сказали? – он сочувственно тронул мальчика за плечо. – Извини, парень, но по разным причинам нам в этом году пришлось перенести испытание. Потому-то я и здесь: Тол Атьян прислал надзирать за происходящим. – Увидев лицо Давьяна, старший прикусил губу. – Право, мне жаль, Давьян. Я думал, тебе уже известно.

Мальчик чувствовал, как отливает кровь от щек, да и колени готовы были подогнуться.

– Завтра? – как во сне переспросил он.

Илсет кивнул.

– С рассветом.

У Давьяна так кружилась голова, что ответить он не сумел. К воротам школы мальчик подошел на негнущихся ногах, так до конца и не поверив.

Глава 4

Давьян, распрягая Джени, так и не обрел дара речи. Илсет уже удалился в сторону комнат, где жили старшие: пробормотал, что должен найти своих спутников. Давьян разобрался с упряжью и потащился к кабинету Талена. Голова у него плыла, шрам дергало, как всегда при перенапряжении. Исчезла кроха надежды, за которую он цеплялся последние месяцы. Ничего не осталось.

Блюстителю встал навстречу мальчику и поморщился, взглянув ему в лицо.

– Ты уже слышал.

Давьян кивнул, чувствуя тяжесть в груди.

– Встретил в Каладеле одного из старших.

Он описал происшествие.

Тален покачал головой с неподдельным огорчением.

– Мне жаль, Давьян, – он скривился, злясь на самого себя. – И стыдно. Даю слово, завтра я первым делом побеседую с Надзором Каладеля.

Давьян склонил голову. Он понимал, что блюстителю, отказавшего ему в помощи в городке, не найдут, но жест оценил.

– Спасибо.

Тален немного помолчал, потом тронул окову на руке мальчика.

– Я думал о тебе. Рад буду представлять твою сторону, если захочешь, – вдруг заговорил он, пока холодный металл втягивался из-под кожи Давьяна в концы обруча. Сняв окову и вернув ее в ящик, блюститель продолжил: – Для большинства учеников несколько недель ничего не меняют, но для тебя могут значить много. Почему бы тем одаренным не взять тебя с собой в Тол Атьян, где ты прошел бы испытание в положенный срок.

Давьян почувствовал себя утопающим, которому подвернулся под руку толстый сук.

– Ты думаешь, они согласятся?

– Не знаю, – честно ответил Тален. – С этими одаренными я незнаком. И заставить их во имя четвертой догмы тоже не смогу, – помедлив, добавил он. – Надеюсь, ты понимаешь.

Давьян кивнул: эта мысль уже пришла ему в голову, но Тален был прав.

– Понимаю, ты не можешь вмешиваться в дела школы, – сказал он. – Но если ты просто попросишь за меня, я буду у тебя в долгу.

Тален был не похож на блюстителей Каладеля и других мест, если рассказы о них не лгали. Он верил, что договор должен защищать одаренных так же, как защищал от них остальных людей. Он сделает все возможное, чтобы помочь.

Тален слабо улыбнулся и хлопнул мальчика по плечу.

– Просто запомни, что не все блюстители мерзавцы, и считай долг оплаченным.

Давьян кивнул, не сумев улыбнуться в ответ.

– Когда ты сможешь с ними поговорить?

Тален глянул в окно. Проследив его взгляд, мальчик увидел троих в красных плащах и узнал среди них Ил-сета. Старшие шли через двор к жилым помещениям.

– Лучше сейчас, чем потом, – ответил Тален, накидывая на плечи голубой плащ. – Я найду тебя, как только получу ответ.

Давьян сглотнул, с тревогой провожая взглядом спешащего вслед гостям блюстителю.

Возвращаясь к себе, он старался не встречаться взглядами с другими учениками. Слух о завтрашнем испытании уже разошелся, а что это значит для Давьяна, знали все; в школе жило меньше сотни человек, так что его неспособность использовать дар ни для кого не была тайной.

Кое-кто все же останавливался, чтобы пожелать приятелю удачи на завтра, а глазами жалостливо попрощаться. Такие разговоры не затягивались: доброжелатели неловко подби-

рали слова и быстро сбегали. Другие при виде Давьяна отводили глаза, словно боялись, заговорив, разделить его судьбу.

Мальчик думал, что в своей комнате ему станет легче, но одного взгляда на лица Вирра и Аши – друзья ждали его у дверей – хватило, чтобы понять, как он ошибался. У Аши покраснели глаза, а Вирра Давьян никогда не видел таким понурым. Открыв дверь и впусив друзей, мальчик рухнул на кровать, лишившись последних сил.

Аша с Вирром молча сели по бокам. Потом Аша обняла его за плечо и притянула к себе. В другое время Давьян застенялся бы ее близости, но сегодня ему показалось, что сердце рвется из груди.

Аша, как и все, просталась с ним.

Объятие затянулось, казалось, на долгие минуты. Давьян чувствовал на щеке тяжесть светлых волос Аши. Наконец он глубоко вздохнул и выпрямился, заставив себя улыбнуться.

– Если вас двоих хватит еще на раз, – легко начал он, силясь не задохнуться от волнения, – может, составите мне компанию сегодня вечером?

Оба без заминки кивнули.

– Конечно, – сказал Вирр и нерешительно спросил: – Ты заниматься совсем не будешь?

– Лучше побуду с друзьями, – улыбнулся Давьян. Лицо Вирра исказилось, выдав боль, но это длилось лишь одно мгновение.

– Так тому и быть, – улыбнулся он в ответ.

Немного погодя они спустились поужинать, а потом собрались в обычном месте на высокой западной стене школы. Оттуда, как обычно, открывался красивый вид на Каладель и море за ним: заходящее солнце омывало вид теплым, почти неземным оранжевым светом. На сверкающей воде чернели силуэты рыбацких лодок, неспешно возвращавшихся в гавань после долгого дня. Над ними кружил большой коршун; все трое зачарованно следили за величественной птицей, им было хорошо друг с другом и без слов.

Давьян прикрыл глаза, запоминая эту минуту: он с друзьями, над целым миром, и заботы на время отступили. Лучшего прощания с друзьями, с жизнью и не придумаешь – он всегда будет вспоминать его, возвращаясь мысленно к лучшим временам.

Говорили о мелочах. Давьян решил не рассказывать об обещанной Таленом помощи – чем больше проходило времени, тем крепче он уверялся, что спасения не будет. Завтра его, как и всех одногодков, ждет испытание. И последствия неудачи он встретит со всем доступным ему мужеством.

Солнце наконец нырнуло за горизонт, мягкий морской бриз обещал скоро стать нестерпимо холодным. Они спустились со стены и нашли внизу ожидавшегося их Талена. Давьяну хватило одного взгляда на лицо блюстителя.

– Кажется, я сегодня слишком часто это повторяю, – заговорил Тален сдавленным голосом, – но мне, право, жаль. Они отказались.

Известие, хоть Давьян его и ожидал, ударило по нему, словно пинок в живот.

– Спасибо за попытку, – выдавил он с натянутой улыбкой.

Тален склонил голову.

– Да будет с тобой завтра Эл, – проговорил он не без грусти в голосе. Давьян моргнул: он впервые слышал, чтобы блюститель обращался к старой вере.

Тален как будто хотел что-то добавить, но развернулся на каблуках и отошел.

Вирр с Ашей смотрели на друга вопросительно, но Давьян только головой покачал.

– Теперь уже неважно, – тяжело выговорил он. Лишившись последней надежды, он вдруг почувствовал себя страшно уставшим. – Я, пожалуй, попробую уснуть. – Давьян заставил себя улыбнуться друзьям: – Завтра большой день.

Ребята улыбнулись в ответ, но в их глазах он видел боль. Вирр кивнул. Аша крепко обняла его.

– Завтра увидимся, Дав, – сказала она чуть не плача.

Он ответил последней вымученной улыбкой и поплелся в свою Северную башню. Едва дверь закрылась, мальчик упал на кровать, не потрудившись даже раздеться.

Как ни странно, теперь, когда судьба его решилась, уснул он легко.

* * *

Тихий, настойчивый стук в дверь пробился сквозь сон. Давьян полежал несколько секунд, пока события прошедшего дня вливались в сознание и тяжестью ложились на грудь. Потом перевернулся на бок, уставился в темное окно. Ночь была еще непроглядной: который час, он не знал, но, судя по мертвой тишине снаружи, было за полночь.

Тихий стук повторился и окончательно разбудил его. Нахмурившись, мальчик сел. Не похоже на обычный уверенный стук Вирра, но, может быть, друг просто осторожничает. Старшие наверняка рассердятся, если застанут ученика гуляющим поздно ночью накануне испытания.

Пройдя через комнату, он открыл дверь и заморгал на свет факела. В дверях стоял Илсет Тенвар, и вид у него был встревоженный.

– Старший Тенвар! – удивился Давьян. Последовала неловкая пауза. Проводящие испытание старшие обычно ночуют в Каладеле, так что появление Илсета было вдвойне удивительным. – Чем могу помочь?

Илсет озираясь с явным беспокойством.

– Позволишь войти?

Он держал в левой руке какой-то небольшой предмет, скрытый от взгляда слоем материи. Давьян пожал плечами.

– Ну что ж, – отозвался он, стараясь не выдать недовольства.

Илсет вошел и запер за собой дверь. Заметив открытое окно, он притворил и его. Оглядев комнату и немного успокоившись, старший подсел к рабочему столу Давьяна. Мальчик пристроился на кровати напротив, все еще гадая, что происходит.

Илсет медлил, явно собираясь с духом. Потом произвел несколько движений руками: потоки сути, вытекая из пальцев, оседали на стенах комнаты.

Давьян нахмурился – он уже видел такое. Илсет *заглушил* комнату.

Закончив, Илсет уставился на прикрытый тканью сверток в своей руке.

– Прежде чем начнем, – серьезно заговорил он, – ты должен знать, как мне жаль отягощать тебя этой ношей. – Он поскреб у себя в бороде и глубоко вздохнул. – Это не простой разговор. Я знаю, что ты авгур, Давьян.

Он помолчал, давая мальчику время усвоить сказанное.

У Давьяна кровь отлила от щек: он откинулся назад, как будто отдалившись от Илсета, мог спастись.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Илсет успокаивающе повел рукой.

– Я не собираюсь тебя выдавать, – поспешно заверил он. – Но мне нужна правда. Это так?

Несколько секунд Давьян смотрел в пол. Сердце у него грохотало, он силился распутать клубок чувств. Наконец мальчик сделал глубокий вдох, овладел собой, расправил плечи. Из рта Илсета не шел черный дым. Старший сказал правду – он не собирался выдавать ученика.

– Я... может быть, – неохотно признал мальчик. – Видений будущего у меня не бывало, если ты об этом. Но я всегда знаю, если кто-то мне лжет... Это может быть своего рода *чтением*, хотя я не уверен. – Давьян нахмурился. – Как ты узнал?

– Мы за тобой наблюдали. То, что ты не способен использовать суть, уже показатель, а... – Илсет покачал головой. – Подробности не важны, Давьян. Важно, чтобы ты мне доверял.

Сейчас мне нужно, чтобы ты использовал свою способность. Прочел меня и поверил тому, что я хочу сказать. – Он заглянул мальчику в глаза. – Согласен?

Давьян кивнул. Он сосредоточится на том, что будет говорить Илсет, а его способность доделает остальное.

– Говори. Я узнаю, если ты солжешь Илсет с облегчением улыбнулся и принялся разворачивать принесенный сверток. Под белой тканью обнаружилась бронзовая шкатулка со сложной резьбой на гранях. Илсет держал ее осторожно, чуть ли не с опаской.

– Наша сегодняшняя встреча в городе была неслучайной. Я искал тебя, – признался старший и помедлил. – Что ты знаешь о Рубеже?

Давьян нахмурился.

– Стена сути на севере. Древняя. Непреодолимая. – Он, вспоминая, потер лоб. – Кажется, установлена во времена Вечной войны. В золотой век одаренных. Стало быть... Тысячу лет назад. Или две?

– Ближе к двум, – Илсет не сводил взгляда со шкатулки, блестящая поверхность которой словно пылала в тусклом освещении. – А зачем ее возвели, ты знаешь? Как она возникла?

– Только из мифов старой веры, – Давьян почесал в затылке, вспоминая то небольшое, что ему рассказывали о Вечной войне. Спросонья мысли ворочались туго. – Рубеж запер Ааркайна Девэда и его тварей... Не дал им завершить вторжение. Он хотел уничтожить все живое в Андарре, если верить этим сказкам.

– Так и есть. – Илсет был серьезен. – Это не мифы. Девэд существовал на самом деле. Может, он не был воплощением зла, как учит старая вера, но бесспорно был очень могущественным и очень опасным человеком. Как и твари, которые ему подчинялись. Совершенно ужасные создания, убить которых не могли даже даресийцы в расцвете своего могущества.

– Ты так уверен? – насупился Давьян.

– Когда-то той эпохе посвящались целые книги. Их писали люди, жившие до Вечной войны. – Илсет горестно покачал головой. – Мы хранили их с остальными в библиотеке Тола Тан. Интересовавшихся теми временами выжило пятеро или шестеро, и я – один из них.

Давьян задумчиво кивнул. Старшие часто оплакивали великие утраты того дня, когда сгорел Тол Тан.

– Я тебе верю, – наконец проговорил он. – Но при чем тут я?

Илсет смерил Давьяна оценивающим взглядом и глубоко вздохнул.

– Рубеж слабеет, Давьян. Рушится. Мы знаем, как его исправить, но создавался он силой авгуров, и без авгуров ничего сделать нельзя. – Он нервно потер руки. – Девэд, конечно, давно мертв, но... На севере были случаи. Люди пропадали или погибали самым жестоким образом. Там видели тварей, похожих по описанию на дар'гайтинов, элетаи, шар'катов... Таких ужасов не видывали со времен Вечной войны, – Илсет покачал головой. – Мы считаем, что кое-кто уже сумел пробиться. А с такими тварями не справится никто из живущих в наши дни. А что еще ждет за стеной?

Давьян недоверчиво уставился на рассказчика. Дар'гаитины? Элетаи? Они числились среди самых жутких чудищ Девэда: безобразные полулюди-полузвери, не оставлявшие после себя ничего живого.

– И ты ждешь от меня помощи? Но я ничему не научился. Понятия не имею, как...

– Это ничего, – успокоил его Илсет. – Ты что-нибудь слышал о сиг'нари?

– Конечно! Исполнители... одаренные, которые непосредственно подчинялись авгурам. Илсет кивнул.

– Я до Невидимой войны был одним из них. Кое-кто из нас выжил, и мы ожидали возвращения авгуров. Твоего и таких, как ты. – Он протянул Давьяну кубик шкатулки. – Мы вновь собираем авгуров, Давьян. В надежде сдержать страшное зло, готовое выплеснуться в

Андарру, и помочь новому поколению. Эта шкатулка, если захочешь, приведет тебя туда, где ты сможешь учиться. К людям, которые помогут тебе понять и использовать свои способности.

Давьян потер виски: у него разболелась голова. Несколько секунд он просидел молча, как оглушенный.

– А другие старшие в Толе знают?.. Обо мне?

– Нет, – скривился Илсет. – Скажу тебе правду, Давьян, твою тайну можно доверить очень немногим из одаренных. В Толе многолетний раскол по вопросу, что делать, если снова объявятся авгуры. Такие, как я, независимо даже от происходящего с Рубежом, видят в авгурах шанс восстановить в Андарре равновесие, прекратить угнетение одаренных.

Давьян задумчиво кивнул.

– А другие?

– Предпочли бы убивать всех с подобными способностями, – напрямик ответил Илсет. – И таких большинство. Ты сам сказал, многие одаренные до сих пор ненавидят авгуров за то, что было. А тебя, что ты ни делай, сочтут одним из них, как бы ты ни отличался от авгуров тех лет.

Давьян помолчал. Илсет не лгал.

Он подался вперед и взял из руки старшего бронзовую шкатулку.

– Говоришь, она меня как-то направит? Как она действует?

Давьян повертел коробочку. От нее исходило слабое тепло, сильнее, чем если бы бронза просто нагрелась в руках Илсета. Стенки ее покрывали крошечные странные значки: может быть, буквы, но такого языка Давьян не знал.

– Я... Сам я точно не знаю, – признался Илсет. – Думаю, это *сосуд*, хотя таких старых мне видеть еще не доводилось. Но как ею пользоваться... – он пожал плечами. – Мне сказали не больше того, что необходимо знать. Чтобы я, если и попадусь, не выдал ничего важного.

Давьян нахмурился. Сосуды накапливали и сохраняли суть до особых случаев, когда одаренному не хватало собственных сил. Изготавливать их умели только авгуры. Закон строго запрещал их использовать.

– И что мне с ней делать?

– Просто унеси на север. Обещаю, она приведет тебя куда надо. – Илсет склонился к мальчику. – Теперь понимаешь, зачем я просил читать меня, Давьян. Тебе многое приходится принимать на веру. Уходить надо этой же ночью. Сейчас же. Если останешься, к завтрашнему закату станешь тенью и все окажется зря.

Давьян еще с минуту всматривался в Илсета, растирая ноющие виски. Ни струйки черного дыма не вырвалось изо рта говорящего. Илсет не лгал. От всего этого у Давьяна немного кружилась голова.

– Мне надо поговорить со старшим Олином.

– Нет, – с неожиданной яростью отозвался Илсет. Потом ненадолго замолчал и вздохнул.

– Прости, Давьян, но если здешние старшие узнают, то расскажут блюстителю. А Тален, как бы хорошо к тебе ни относился, узнав, что ты авгур, должен будет сдать тебя согласно договору. Сам знаешь.

Давьян открыл рот для ответа, но Илсет жестом остановил его.

– Даже если я ошибаюсь и на ваших старших можно положиться, ты что же, думаешь, старший Олин так просто тебя отпустит? Позволит уйти из школы без оковы, не связанным четвертой догмой, без объяснений, положившись только на твое слово? Да хотя бы и на мое? Если ты мне доверишься, так потому, что знаешь: я не лгу. Никто другой этого знать не может.

Давьян колебался. Илсет был прав: никто из старших не позволит ему уйти так, как бы ни доверял ученику. Он отрывисто кивнул, соглашаясь. Он барахтался под водой, и всплыть было некуда. Весь разговор прошел для него как во сне.

Илсет пристально наблюдал за мальчиком.

– Я понимаю, как много на тебя навалилось, – сказал он, – но мне надо знать. Ты пойдешь?

Давьян помотал головой – он еще не готов был решать.

– А те, кто останется здесь? Что ты им скажешь?

– Ничего не скажу, – твердо ответил Илсет. – Пусть думают, что ты сбежал от страха стать тенью – мы оба знаем, как часто такое случается. Тебя будут искать, но долгих поисков Тол Атьян себе позволить не может. В худшем случае, сообщает Надзору... Но столкновений с блюстителями тебе так или иначе пришлось бы избегать.

У Давьяна свело под ложечкой. Аша. Вирр. Что они подумают? Предупреждать их нет времени, а даже если бы время нашлось, оба наверняка попытались бы удержать друга.

Помолчав, он взглянул прямо в глаза Илсету.

– Если я пойду, ты должен обещать, что объяснишь моим друзьям, почему я сбежал. Они сохраняют тайну.

– Тем двоим, с которыми я видел тебя раньше? – вздохнул Илсет. – Они знают о твоей способности?

– Да.

Илсет помолчал, задумчиво поправляя очки.

– Хорошо. Я бы не советовал, но, если тебе так легче решиться, я поговорю с ними после завтрашнего испытания. Даю слово.

Давьян кивнул. Решиться легче не стало – ему было все так же не по себе, – но все же это помогло.

Мальчик с удивлением понял, что уже решил. Илсет ни разу не солгал. А шанс наконец разобраться в своей странной способности, шанс *хоть что-то* узнать про авгуров... Ему давно этого хотелось. А в сравнении с тем, что его ждет, если остаться...

– Итак, на север, – тихо проговорил Давьян, взвешивая на ладони шкатулку.

– Да, – с заметным облегчением подхватил Илсет. Он явно опасался услышать другой ответ. – Мне сказали только, что тебе надо идти и идти на север, а когда настанет время, ты сам почувствуешь, куда тебе нужно. – Он виновато развел руками. – Мне самому не по душе такая таинственность, но это все, что я знаю.

Давьян только кивнул. Он уже столь многое принял на веру, что расплывчатость указаний почти не удивляла. Принятое решение прояснило мысли. Он оглядел комнату.

– Мне понадобится несколько минут на сборы. – Мальчик замялся. – У ворот наверняка кто-то дежурит...

– Это предоставь мне, – Илсет вытащил из-за пазухи звякнувший кошелек и перебросил его Давьяну. – На дорогу. Держись, если сумеешь, подальше от селений, но тебе придется покупать еду, да и ночи бывают слишком холодными или дождливыми, чтобы спать под открытым небом.

Давьян заглянул в кошелек. Блеснули золотые монеты – хватит, чтобы всю жизнь кормиться и сверх того. Целое состояние.

– Судьбы! – ошарашенно выдохнул мальчик. – Спасибо.

Илсет, встав, положил ладонь ему на плечо.

– Если ты, парень, сумеешь выучиться на настоящего авгура, это будет стоить стократ дороже. – Старший направился к двери. – Дай мне четверть часа, чтобы позаботиться о сторожах, и выходи. Только смотри, не позже. Надолго я их отвлечь не сумею. – Поразмыслив, Илсет добавил: – И в ближайшие несколько недель будь особенно осторожен, Давьян. Старайся не показываться на глаза. Тебя будут искать.

Он выскользнул за дверь и прикрыл ее за собой.

Давьян посидел немного, держа в руках полученную от Илсета шкатулку, собирая разбегающиеся мысли. Наяву ли все это было? Вспомнился подслушанный днем разговор. Не он

ли тот «мальчик», о котором толковали Тален с Илсетом, которым интересуется сам Страж Севера? Эту мысль Давьян отбросил сразу. Если о его способности не знали старшие, откуда знать о ней Стражу?

Он машинально поднялся, вытащил из-под кровати мешок и побросал в него свои скудные пожитки. Пару простых шерстяных рубах, пару штанов, плащ, подаренный на последний день рождения госпожой Али-той. Он не разделся, ложась в постель, так что оставалось только понадежнее спрятать за поясом кошелек с монетами. Разбойников все равно придется остерегаться, и лучше не искушать их лишний раз.

Шкатулку он завернул в ту же тряпицу и сунул в карман. Карман оттопырился, но если корбочка так важна, как говорил Илсет, лучше держать ее поближе к телу.

Едва он собрался, снова тихо постучали. На сей раз стук был знакомым и заставил Давьяна тихонько ругнуться себе под нос. Вирр не мог выбрать более неподходящего времени.

Он подумал было, не затаиться ли, пока друг не уйдет. Но дверь осталась не заперта, закрыть ее означало выдать себя, а Вирр запросто мог войти и без приглашения.

Давьян бесшумно опустил мешок за кровать.

Вирр заглянул в распахнутую дверь. Лицо его было суровым, без привычной ухмылки. Давьян сделал ему знак войти. Мысли у него неслись вскачь. Через несколько минут пора было уходить, а Вирр наверняка засидится дольше.

Он решил раньше, чем закрылась дверь. Илсет советовал никому не говорить, но ведь это Вирр. Кроме того, хоть кому-то... Он просто не мог не сказать.

– Я ухожу, Вирр. Сегодня же, – тихо, но твердо проговорил Давьян.

Вирр заморгал.

– Что? – Он не успел сесть и снова вскочил, мотая головой. – Нет, Дав, это ты плохо придумал. Знаю, страшно даже подумать – стать тенью, но...

– Я не бегу, – перебил его Давьян. – Здесь только что был старший Тенвар из Тола Атьян. Он сам просил меня уйти. – Давьян торопливо пересказал разговор и под конец выудил из кармана бронзовый сосуд. Развернув ткань, позволил Вирру осмотреть шкатулку. – Старший не знает, что это такое – только что она должна привести меня куда надо. Это где-то на севере. Там я стану учиться, учиться на авгура. И, надеюсь, помогу снова запечатать Рубеж, пока еще не поздно.

Вирр, молча выслушав рассказ, нахмурился.

– Ты уверен, что он говорил правду?

– Да. Совершенно уверен, а то бы я не послушался. Вирр все так же хмурился, может быть, даже помрачнел еще больше.

– На север – не слишком точное указание, как тебе кажется?

Давьян, вертя в руках шкатулку, пожал плечами.

– По-видимому, остальное укажет она.

– Может, и так, – с сомнением произнес Вирр. – И ты никому здесь не должен говорить?

– Понимаю, как это звучит, но здесь есть смысл. Есть причина не говорить старшим, на что я способен. – Давьян бросил взгляд на дверь. – Через пару минут мне надо идти, Вирр. Илсет отвлечет стражу, другого случая не будет. Мне жаль так тебя оставлять, правда.

Вирр разглядывал друга и мучительно соображал что-то. Наконец он распрямился.

– Я иду с тобой.

Давьян что было сил замотал головой.

– Нет! Спасибо за предложение, но мне-то терять нечего, а тебе есть что. Ты благополучно устроишься в Толе Атьян, может, лет через десять станешь старшим. Твоя жизнь не пустяк. Я не могу допустить, чтобы ты бросил ее на ветер.

– Я точно знаю, от чего отказываюсь, мне и решать, – спокойно и взвешенно ответил Вирр. – Ты мой друг, Дав, а то, чего от тебя требуют... Похоже, это будет опасно. Судьбы,

если Рубеж и впрямь готов рухнуть, это *очень* опасно. Я вечно буду жалеть, если отпущу тебя одного, без присмотра.

Обычного легкомыслия в голосе Вирра как не бывало.

– Нельзя тебе уходить, – собрав всю решимость, настаивал Давьян.

– Тогда я разбужу старшего Олина, – пригрозил Вирр.

Давьян в смятении взъерошил себе волосы. Вирр взял верх, и оба это понимали.

– Времени нет. А ты даже одежду не собрал.

– Вещей у меня не больше твоего, Дав. В две минуты соберусь. – Вирр вскочил и бросился к двери. Давьян, не раздумывая, загородил ему дорогу, но наткнулся на насмешливый взгляд сверху вниз – Вирр был намного больше своего друга.

– Ты серьезно?

Вспыхнув, Давьян посторонился.

– Мне это не нравится, Вирр.

– Странное дело, а вот я так счастлив. – Уже открыв дверь, Вирр задержался. – Встретимся во дворе. И, Дав, – он предостерегающе поднял палец, – если сбежишь без меня, я всю школу подниму на ноги.

Давьян закатил глаза, потом неохотно кивнул и, когда Вирр скрылся в коридоре, перевел дыхание. Сквозь досаду пробивалось облегчение. Давьян искренне не желал принимать жертвы друга, но... и уходить одному ему очень не хотелось.

Он выждал еще несколько минут – в вечерней тишине каждая казалась целой вечностью, наконец подхватил мешок и тихо выскользнул из комнаты. Едва ли в такой час кто-то мог попасться ему на дороге, и все же он держался в тени, а сердце гулко стучало. Ночь была ненастной, сквозь тучи светило лишь несколько звезд. Вот и хорошо – значит, снаружи, на дороге, их никто не увидит.

Вирр уже ждал его с таким же мешком в руках.

– Ни Джарраса, ни других нигде не видно, – шепнул он подошедшему Давьяну. – Похоже, твой старший держит слово.

Давьян неуверенно кивнул. Стало быть, никуда не денешься.

– Не будем терять времени, – прошептал он.

Они подкрались к воротам. У Давьяна натянулся каждый мускул, он в любую секунду ждал окрика. Но все было тихо, они нырнули под арку ворот и, миновав круг света от факелов, канули в ночь.

Бесшумной рысцой они бежали по дороге, пока не добрались до деревьев, а там, не стовариваясь, остановились и оглянулись на школу. Криков тревоги не слышно, темная громада тиха и спокойна.

– Ну, больше нам тут не бывать, – тихо проговорил Вирр.

Давьян кивнул. Что бы ни ждало их в пути, он не надеялся еще раз увидеть школу.

– Тебе еще не поздно вернуться, – заметил он.

Вирр криво усмехнулся.

– Так легко ты от меня не отделаешься.

Давьян в ответ только склонил голову. Оторвав взгляды от знакомых очертаний крепости, они продолжили путь по старой дороге в глубину лесной тени. Ни один не оглядывался назад.

Глава 5

Аша тупо таращилась в потолок.

Таращилась уже несколько минут, с тех пор как проснулась и вспомнила прошедший день. Ей бы вскочить с кровати, повидать до начала испытания Давьяна, хотя бы просто провести с ним еще несколько мгновений. Но тело ее отказывалось даже шевельнуться. После сегодняшнего дня она не увидит друга долго – возможно, никогда. Встать с постели означало немного приблизить наступающий день.

Наконец она, стиснув зубы, нашла в себе силы откинуть одеяло и, дрожа от утренней прохлады, быстро оделась. Первые лучи рассвета озарили горизонт за окном. Аша поморщилась при виде светлой полоски. Старшие из Атьяна, наверное, уже покинули свою гостиницу в Каладеле. Едва они придут, испытание официально начнется.

Аша вдруг замерла. Что-то было не так.

Она не впервые присутствовала на испытании, и каждый раз школьный двор с утра гомонил на разные голоса. Хоть что-то должно указывать, что ученики и старшие готовятся к великому событию. Откуда же эта странная тишина?

Чем больше она размышляла, тем яснее сознавала, что это утро... неправильное. Краем глаза Аша видела свою соседку по комнате, Квиру. Та еще спала в своей постели. Это, впрочем, было обычным делом: девочка была младше Аши и вечно просыпала рассвет. Отвернувшись, Аша собралась было выскользнуть из комнаты, но что-то остановило ее.

В комнате было тихо. Необыкновенно тихо. Теперь Аша сообразила, что Квира еще ни разу не шевельнулась. А спала она беспокойно, да к тому же жутко храпела.

Аша, наморщив лоб, тихонько подошла к ее кровати. Квира лежала на боку лицом к стене. Она взяла девочку за плечо, легонько потянула, и та перекатилась на спину.

У Аши перехватило дыхание. Руки и ноги на миг просто отнялись.

Сколько крови! Кровь была повсюду. Целые лужи под головой и грудью Квиры, пятна на матрасе – темный яростный багрянец, натекший из зияющей на горле раны. И темные полосы на лице; Аше подумалось, что убийца зажимал девочке рот, чтобы она не закричала. Карие детские глаза, округлившись от боли и страха, в упор смотрели на Ашу. Умоляли.

Вдруг раздался вопль, крик о помощи, отчаянный и испуганный. Далеко не сразу Аша поняла, что кричит она сама. Она опустилась на пол у кровати, ожидая, что кто-то – хоть кто-нибудь! – придет ей на помощь. И присидела так, казалось, не один час.

Никто не пришел.

Наконец, вернув себе разум, Аша приказала телу шевелиться, попыталась стряхнуть завладевший всем ее существом ужас. Комнаты учениц выходили во двор;

даже в такой ранний час кто-то наверняка не спал и должен был услышать ее крики.

Коридор школы был противоестественно тих. Волоча отяжелевшие от страха ноги, Аша дошла до соседней комнаты, где спали Таранна и Джадан. Дверь была открыта. Еще не заглянув, Аша поняла, что увидит внутри.

В этой комнате никто и не пытался скрыть убийство. Кровь залила серый камень, головы девочек были странно вывернуты, тело Джадан наполовину свисало с кровати. Их глотки были не рассечены острым клинком, как у Квиры, а начисто вырваны, так что за развороченными тканями просвечивал белый позвоночник.

Аша бросилась бежать.

Она ковыляла по коридору, онемев, давясь криком. Лишь бы двигаться, лишь бы найти кого-то живого. Не могла же она одна остаться. Не могла!

Комната за комнатой, люди, с которыми она росла, сливались в сплошное пятно. Тессия – милая девчушка, за первые два года обучения обогнавшая даже Вирра. Донин и Шасс, они

в школе всего несколько месяцев, им только-только десять исполнилось. В первую ночь Аша утешала плачущих детей, помогала смириться с жестокой мыслью, что родные от них отказались. Они в благодарность сплели ей венок из ромашек – она сохранила его, засушив в книге. Теперь девочки таращились ей вслед пустыми от ужаса глазами. И так в каждой комнате.

Или еще хуже.

Двор был усеян трупами. Она чуть не упала при виде Джарраса. У старшего была полностью оторвана голова, от нее к телу тянулся влажно блестящий кровавый след. На добродушном веселом лице Джарраса теперь застыл чистый бессмысленный страх.

Фенред и Блэйн – как видно, мальчики вместе с ним дежурили у ворот – лежали почти рядом. И у них были вырваны глотки, только клочья мяса и кости соединяли головы с плечами.

Она шла дальше, уже ни о чем не думая: за каждой дверью новые тела, некоторые почти неузнаваемы под залившей лица кровью. Пухлое тело госпожи Алиты лежало в дверях кухни: ее лицо было милосердно отвернуто прочь, и Аша видела только темные кудри. Старший Олин умер в постели. Блюстителю Тален едва успел выйти из своего кабинета.

Смутная мысль пробилась сквозь горе и панику.

Мальчики! Давьян!

Миг спустя она уже неслась к Северной башне, забыв обо всех иных страхах. Он должен был выжить. Она взбежала по ступеням, ворвалась в комнатку на вершине башни, перевела срывавшееся от скорости и тревоги дыхание.

Первый же взгляд принес ей каплю надежды. Кровать была пуста, в комнате никаких следов резни. Сердце у нее снова забило. Может быть, он спасся? Чудом остался цел, как и она.

Страхи не унимались, но Аша выбралась из башни и решительно устремилась к комнате Вирра. Она не стала заглядывать в комнаты других мальчиков – двери были открыты, и подмеченные краем глаза красные пятна сказали ей более чем достаточно.

Аша ворвалась в комнату Вирра, успела заметить три обращенных к ней удивленных лица, а потом что-то тяжело ударило девочку, сбило на пол, лицом на холодный камень.

Она забилась в слепой панике, но дыхание скоро сорвалось, силы иссякли, и она обмякла, убитая горем.

И почти сразу почувствовала, что ее поднимают на ноги. Опустив взгляд, девочка увидела, как обвившие ее тело кольца сути плавно смещаются, отрывая тело от пола.

Аша перевела взгляд на троих угрюмых взрослых. Теперь она их узнала: это старшие из Тола Атьян, те, что прибыли на испытание. Это не они сотворили, они ее не убьют.

От облегчения Аша обмякла всем телом, и только кольца сути удерживали ее на ногах. Она не сразу осознала, что один из мужчин обращается к ней.

– Судьбы, девочка, ты откуда такая? – настойчиво повторил смуглый мужчина. Лицо его осунулось, вытянулось, он все оглядывался на дверь, словно в любую минуту ожидал нападения. – Ты явно одаренная, раз первая догма позволила нам тебя связать. Что ты видела?

Аша усилием воли выровняла дыхание. До спокойствия было еще далеко, но безумие, грозившее завладеть ею, отступило. Со старшими она в безопасности.

– Ашалия, – как могла твердо, выговорила она. – Меня зовут Ашалия. Я проснулась... не помню, давно ли. – Она бросила взгляд за окно. Солнце уже поднялось над горизонтом. Что же это, она целый час блуждала по школе? Или больше? – Квира убита... И все девочки тоже. Все мертвые.

Произнесенные, эти слова в полной мере дошли до сознания, и она задохнулась от рыданий, не смогла больше говорить.

Старшие многозначительно переглянулись. – Она первая, Илсет, – сказала женщина.

Тот, которого звали Илсетом, задумчиво кивнул. – Проверю, известно ли ей что-то еще. А вы идите искать других выживших.

Второй мужчина поднял брови:

– Тебе не кажется, что нам лучше держаться вместе?

Илсет мотнул головой.

– Кто бы это ни сделал, он давно ушел, Касперан. Опасность миновала.

Касперан согласно кивнул и вместе с женщиной покинул комнату Вирра. Едва они скрылись, кольца силы, обвивавшие Ашу, погасли: Илсет придержал пошатнувшуюся девочку за плечи, усадил на кровать.

– Ну-ну. Я понимаю, тебе тяжело пришлось, но мы должны знать все, что тебе известно. Ты одна спаслась? Мы ночевали в Каладеле, прибыли всего несколько минут назад.

Аша сглотнула.

– Я думаю... мои друзья, может быть, еще живы. Вирр – это его комната – и Давьян. У Давьяна в комнате пусто, и во дворе их обоих не было, я проверила. – Аша содрогнулась. – Должно быть, они ушли. Про других я не знаю.

Илсет извлек из кармана лист бумаги. Печать на письме была уже сломана. Мужчина молча подал его Аше. Письмо было адресовано старшему Олину.

Девочка дрожащими пальцами развернула бумагу.

«Старший Олин, Нам с Давом неожиданно пришлось уйти. Дело достаточно важное и, на мой взгляд, требует моего участия. За нами никого не посылайте – Давьян под моим покровительством. Пожалуйста, сообщите моему отцу, что в случае поимки я назовусь тем же именем, под которым жил здесь. Пусть постарается как можно скорее вызвать нас обоих, и я все ему объясню.

Торин»

– Не понимаю, – озадаченно взглянула на Илсета Аша. – Какой еще Торин?

Илсет только кивнул сам себе и покосился на дверь. Потом, мягко убрав руку с плеча Аши, поднялся.

– Всегда это нелегко, – вздохнул он, достав из кармана маленький черный диск, и резким движением склонился к Аше, прижав кружок к ее шее.

Девочка пыталась уклониться, но, едва диск коснулся кожи, тело перестало ее слушаться. Аша уставилась на Илсета, который, присев на корточки, рассматривал ее. Она пыталась заговорить, спросить, что он делает, но звук застрял в горле.

– Стать тенью не так уж страшно, – тихо сказал Илсет. – Это быстро, а боли ты не запомнишь. И вообще ничего не вспомнишь с той минуты, как проснулась утром. А учитывая, чего ты сегодня навиделась, это скорее спасение.

Он уставился ей в глаза.

– Я все равно не мог бы допустить, чтобы кто-то знал об уходе Давьяна. Спрашивать тебя, предвидел ли он то, что я задумал, или спас твоего друга по чистой случайности, наверное, бесполезно – ты сама не знаешь. А раз не знаешь, вряд ли понимаешь, почему эшерии пощадили и тебя. И все же... Если они даровали тебе жизнь, не мне ее отнимать. Без причин такого не случается.

Аша отчаянно силилась шевельнуться, позвать на помощь, но напрасно. Она с ужасом увидела, как Илсет протянул руку, коснулся пальцем диска у нее на шее и закрыл глаза. Почти сразу по ее телу растеклось мягкое тепло и расслабило все мускулы. Тепло разгоралось, переходя в бушующий пламень, растекающийся с кровью и выжигающий ее изнутри. Каждый нерв вопил от боли, спина выгибалась сама собой, мышцы сводило судорогой. Тот крошечный уголок ее разума, что не заходилась мукой, отметил, как Илсет удовлетворенно кивнул и вышел.

Понемногу комната, а с ней и боль стали гаснуть. И больше она ничего не помнила.

Глава 6

Давьян затаил дыхание: мимо прошла еще одна компания блюстителей в голубых плащах. Они следили за подготовкой к вечернему празднеству, на запястьях у каждого поблескивал щуп.

– Везде они, – шепнул Давьян Вирру, старательно глядя только на дорогу перед собой.

– Не обращай внимания. И постарайся не чесать руку, – посоветовал Вирр, не глядя на друга.

Давьян поморщился и отдернул пальцы, тянувшиеся поскрести левое предплечье. Несколько дней назад они купили женских белил и довольно надежно замазали метку, но кожа под ней все время чесалась. Тогда Давьяну показалось, что они напрасно потратили большие деньги и время, пока подбирали правильный тон, но в последние полчаса он уже так не думал. В Талмиеле принято было открывать руки до локтя – так люди доказывали, что они не одаренные.

– Нервы не выдерживают, – пожаловался Давьян.

Вирр фыркнул.

– Нам надо на север, Вирр! Талмиель наверняка не так уж опасен, Вирр! Ты не понимаешь, о чем говоришь, Вирр! – передразнил он.

Давьян досадливо крикнул.

– Помню, помню, ты предупреждал. – Оглядевшись по сторонам, они свернули на другую улицу: здесь не было видно голубых плащей, суетились только развешивающие украшения горожане. – Просто я не ожидал, что их будет так много, хотя бы и в праздник.

Вирр вздохнул.

– Перейти границу в Дезриель можно только здесь, Дав. В Дезриель, где одаренных ненавидят больше, чем в Андарре. – Он покачал головой. – Здесь многие рвутся в блюстителю. Мы только потому еще не попались, что у наших хватает ума сюда не соваться, вот их никто и не ищет. – Вирр опасно озирался по сторонам. – Но рано или поздно везение кончится. Ты уверен, что нам так уж надо здесь оставаться?

Давьян поколебался, неосознанно нащупывая сосуд в кармане. Прошло три недели, как они вышли из Каладеля, и чем дальше заходили на север, тем больше он ждал от шкатулки... Хоть чего-то. Пусть как-то покажет, что делать дальше. Но шкатулка, которую он осматривал по крайней мере раз в день, ничуть не менялась.

– Илсет сказал двигаться на север, пока не пойму, что делать дальше, – наконец заговорил Давьян, виновато глядя на друга. – Я просто не знаю, что еще остается.

Вирр горестно кивнул.

– Понятно. Подумать только, что в Каладеле это сошло за план действий, – он покачал головой.

– Думаешь, зря ты не остался?

– Думаю, зря я не помешал уйти тебе, – кривовато улыбнулся Вирр и кивнул на показавшуюся впереди гостиницу. – Надо бы уйти хоть с улицы. Если сейчас здесь многовато блюстителю, вечером будет вдвое больше. Под крышей безопаснее, да и дело к ночи.

Давьян согласно кивнул. Талмиель, готовившийся к празднику Воронов, кишел народом: повсюду мелькали люди в ярких одеяниях, служители уже зажигали развешанные согласно обычаю вдоль улиц голубые фонарики. Дневной свет быстро угасал, и Давьян уже заметил кое-где ребятишек, нарядившихся в мундиры ревнителю – излюбленный костюм на празднике в честь свержения авгуров. Давьян не раз удивлялся, зачем Тол Атьян приурочил испытания к этому дню. Разве что кто-то видел в таком совпадении особую иронию.

Они добрались до гостиницы, именованной, судя по вывеске, «Королевским приютом». Если король когда и останавливался здесь, то не одно поколение назад: грязная краска на стенах шелушилась, вывеска едва читалась сквозь слои грязи. Мальчики, с сомнением переглянувшись, шагнули за дверь.

Внутри «Королевский приют» оказался не уютнее, чем снаружи: в зале пахло кислым пивом, столы и стулья выглядели в лучшем случае ненадежными. Впрочем, здесь былолюдно, гости пили и смеялись, а толстопузый хозяин, увидев монету, сделался достаточно дружелюбным. Он проводил мальчиков в маленькую, но чистую комнату наверху.

Как только хозяин вышел, Давьян запер за ним дверь и со вздохом облегчения рухнул на кровать.

Вирр сел напротив.

– Ну вот. Что дальше, Дав?

Давьян, вытащив из кармана сосуд, пристально его рассматривал. На ощупь теплый, как всегда. Мерещится, или теплее, чем был? Через минуту он, пожав плечами, вернул шкатулку на место.

– Думаю, дальше держать на север.

– В Дезриель? – нахмурился Вирр и принялся кусать ноготь – верный знак, что друг не в своей тарелке. – Ты не забыл, что одаренных, пойманных гил'шарами, там казнят как еретиков?

Давьян кивнул. О гил'шарах он читал: этот полувоенный орден обладал в Дезриеле абсолютной властью.

– Правда, по-моему, они нас считают не столько еретиками, сколько ошибкой природы. Утверждают, что дар причитается только богам, – рассеянно уточнил он.

Вирр потер лоб.

– Я немножко не о том, Дав.

– Понимаю. Но Рубеж далеко на севере, с самого начала было ясно, что нам в ту сторону. И, если сиг'нари в Дезриеле, значит, мне туда и надо. – Давьян не для того зашел так далеко, чтобы теперь поворачивать. – Но я тебя пойму, если не пойдешь со мной.

Вирр поколебался немного, как будто обдумывая предложение, и сердито потрянул головой.

– Хватит об этом, а? Мог бы уже убедиться, что я пойду с тобой до конца. – Вирр вздохнул. – Я прав, предполагая, что у тебя нет и намека на план, как перейти границу?

– Старший Олин говорил, что ты весьма изобретателен.

– А тебя он называл благоразумным, – сухо напомнил Вирр и задумался. – Мост через Девлисс – настоящая крепость, на обоих берегах всех останавливают и проверяют шупами, даже в такие суматошные ночи, как сегодня. Да и краска у тебя на руке не выдержит дотошного осмотра. Нам даже блюстителям на этой стороне лучше не попадаться. Так что первым делом надо придумать способ переправиться через реку.

– Ты здесь уже бывал? – удивился Давьян.

Вирр помолчал немного и кивнул.

– Бывал. Недолго. Давай на этом и остановимся. Давьян склонил голову. Между ними существовала неписаная договоренность: не обсуждать жизнь Вирра до школы. Какова бы она ни была, разговор о ней явно был мучителен для мальчика. Другим ученикам Вирр попросту врал, но с Давьяном не мог позволить себе такой роскоши.

– Значит, найдем лодку, – сказал Давьян.

Вирр покачал головой.

– Девлисс – сплошные пороги и водопады. Да и сама река широкая. Потому и нет переправ, кроме Талмиеля.

Оба на несколько секунд задумались, и в тишине раздалось громкое бурчание животов. Вирр от неожиданности захлопал глазами.

– Может, подумаем дальше за ужином?

– А если в общем зале блюстителю? – нерешительно возразил Давьян.

– В таком заведении? Наверяд ли. Они на улице, наслаждаются общим вниманием. – Вирр махнул рукой на окно, сквозь которое доносились музыка и смех. – Да и подозрительно будет, если мы в такой вечер забьемся в нору. Хозяин здесь вроде и добродушен, но, думаю, не постесняется упомянуть о такой странности первому попавшемуся блюстителю.

Давьян согласился, и оба спустились вниз. В зале было тесно: еще оставалось несколько свободных столиков, но все равно казалось, весь город собрался сюда в ожидании начала праздника.

Вирр кивнул на свободный стол чуть в стороне, у стены. Они подозвали хорошенькую забеганную служанку, сделали заказ и несколько минут просидели в дружеском молчании, наблюдая за толпой и думая каждый о своем.

Поданный ужин мальчики съели с превеликим удовольствием – несколько недель обходя населенные места, стосковались по горячему. Жилистая баранина с овощами не отличалась тонкостью вкуса, зато была сытной. Наконец Давьян с удовлетворенным вздохом откинулся на спинку стула и тут ощутил в кармане странное тепло.

Мальчик, насупившись, извлек из кармана все так же обернутую в ткань шкатулку. Мягкое, но явственное тепло толчками пробивалось сквозь обертку.

– Ты что творишь? – шепнул Вирр, заметив, что его друг держит шкатулку в руке.

Давьян, не сводя глаз с матерчатого свертка, помедлил.

– Что-то изменилось, Вирр, – тихо объяснил он. – Она нагревается.

Вирр с сомнением посмотрел на него. Осматривая шкатулку в первый день в школе и несколько раз после того, он уверял, что никакого тепла не чувствует.

– Дай-ка мне, – попросил он наконец и протянул руку. Давьян вложил в нее шкатулку, и Вирр, сведя брови, сосредоточился, прислушиваясь к своим ощущениям. Потом мотнул головой.

– По-прежнему ничего. Я тебе верю, Дав, но ничего не чувствую. Ты уверен?

Давьян кивнул.

– Я только потому ее и достал.

Вирр с беспокойством осмотрел сверток в своей руке.

– Значит, это что-то только для тебя. Не знаю, как такое может быть, но... судьбы, мне это не нравится!

Он со вздохом вернул шкатулку.

При этом ткань немного развернулась, и ладонь Давьяна коснулась голого металла. Прикосновение не то чтобы обожгло, но было достаточно острым и неожиданным, чтобы мальчик дернулся. Кубик упал и, выскользнув из обертки, стукнулся о дощатый пол.

Давьян тут же нагнулся его поднять, но замер, уставившись на ничем не скрытый сосуд.

На одной грани шкатулки над надписью проступил тонкий рисунок. Он светился – тускло, но отчетливо. На первый взгляд Давьян решил, что изображает он волка.

Сидевший напротив Вирр сам подхватил сосуд, сердито зыркнул на растеряху и, отобрав у него тряпицу, хладнокровно завернул шкатулку. Давьян уже достаточно опомнился, чтобы оглянуться на других гостей. Казалось, никто ничего не заметил.

Вирр сунул сверток ему в руку.

– Прячь в карман и не доставай больше, Дав! – выдохнул он, тоже оглядываясь по сторонам. – Чем бы ни была эта коробочка, стоит она, уверен, немало. Блюстителю назначили за сосуды большие премии, так что показаться с ней в таком месте – напрашиваться на неприятности.

Давьян кивнул и собирался уже ответить, когда краем глаза уловил какое-то движение. Он поднял голову. Незнакомый мужчина остановился у их столика и, дружески улыбнувшись, стал усаживаться.

– Держитесь так, будто мы знакомы, – велел он, хлопая Вирра по плечу. – Меня зовут Анаар. Охотница в том углу уже не первую минуту глядит на вас, как ястреб на кроликов. Надеюсь, вы не рассчитывали на тихий вечер.

Незнакомец замолчал и стал ждать ответа.

Давьян лихорадочно соображал. Женщину в углу он заметил сразу: привлекательная девушка, сидит в одиночестве, но никто из мужчин почему-то к ней не подходит. Еще тогда это показалось ему странным.

Тут мальчик вспомнил про завернутую в тряпицу шкатулку, которую все еще держал в руке. Не она ли привлекла Анаара? Давьян спрятал вещицу в карман. Ему почудилось, что глаза Анаара блеснули при этом движении, но тут же погасли.

Вирр вдруг рассмеялся, откинувшись на стуле, и махнул служанке.

– Выпивки для моего дружка Анаара! – крикнул он на весь зал.

Давьян заставил и себя расслабиться, хотя вряд ли у него это получилось так убедительно. Он молча разглядывал Анаара. Крепко сбитый мужчина, средних лет, смуглый, борода и густые черные волосы коротко подстрижены. Голос жесткий и уверенный – голос человека, привыкшего отдавать приказы и привыкшего, что они исполняются.

– Ты, значит, думаешь, что она охотница? – все еще улыбаясь, но совсем другим тоном спросил Вирр.

– Я знаю, что она охотница, – спокойно ответил мужчина. – И глаз не сводит с вас обоих. Обычно такое бывает не без причины.

– Мы красивые, – пожал плечами Вирр.

Анаар хихикнул.

– Кто ж спорит. Но даже если это потому, что вы радость для глаз, я бы все равно не советовал вам задерживаться в Талмиеле. Лучше уходите сегодня, в праздник никто вас не заметит. Те, кем... интересуется Брешада, частенько пропадают... через несколько дней. – Анаар пожал плечами. – И частенько объявляются на той стороне с петлей на шее.

– Она работает на Гил'шар? На андаррской земле? – мрачно пробормотал Вирр. – Я думал, с этим покончено.

Анаар вздернул бровь.

– Ну... официально, конечно, покончено, – усмехнулся он и задумчиво смерил Вирра взглядом. – Но здесь не принято мешать таким, как Брешада. В Талмиеле половина – ревнители, а другая – блюстители. В сущности, этот городок – провинция Дезриеля.

Вирр поморщился, не скрывая недовольства.

– А ты почему нам помогаешь? – негромко осведомился он.

Чернявый пожал плечами.

– Я человек деловой, а с блюстителями и охотниками можно иметь дело, когда они в настроении. Но пойманная в городе парочка одаренных, да еще в самую ночь Воронов – и настроение у них мигом переменится. Больше станет патрулей, больше вопросов. Это всегда плохо для дела, понимаешь, к чему клоню? – Оттолкнув стул от стола, Анаар коротко кивнул. – Словом, решайте сами слушать меня или нет.

– Постой. – Вирр был задумчив. – Ты, кажется, разбираешься в здешних делах. – Он прикусил ноготь. – Как бы здесь перебраться за реку? Без шума?

Анаар не успел еще подняться и снова сел, удивленно нахмурившись.

– В Дезриель? И в обход моста? – Он новыми глазами смотрел на Вирра. – Не припомню, чтобы меня о таком просили.

– Но это возможно? – пожал плечами Вирр.

Анаар задумчиво потер лоб.

– Возможно-то, конечно, возможно. Но выйдет немного дороже, чем через мост.

Вирр порылся в кошельке, достал пару золотых и одну за другой показал монеты Анаару. Смуглый в ответ сверкнул рядом превосходных зубов.

– Никак я оговорился? *Намного* дороже, чем через мост.

Вирр, вздохнув, выудил из кошелька еще несколько монет. Вышло больше половины того, что у них оставалось: хватило бы полгода кормить и одевать целую семью. Давьян хотел было заспорить, но короткий взгляд друга заткнул ему рот.

Анаар наконец кивнул. И подался вперед, спросил тихо:

– У вас здесь комнаты?

Поколебавшись, Вирр ответил:

– Наверху, третья справа. – Он вскинул руку. – Только пока мы ни о чем не договорились.

Обещай, что не причинишь нам вреда и не сдашь.

Анаар изобразил широкую, не слишком достоверную улыбку.

– Обещаю. Если тебе так спокойнее, даю слово. – Он хихикнул. – Говорю же, я человек деловой. Пока мне платят, бояться меня не приходится.

Вирр оглянулся на Давьяна, дождался его незаметного кивка. Анаар не лгал.

– Годится, – сказал Вирр.

Анаар потер подбородок. Ему все еще было смешно.

– Пока что возвращайтесь к себе и поздно вечером ждите меня. Ни в коем случае не уходите и никому, кроме меня, не открывайте. Будьте готовы к выходу, как только я появлюсь. – Он схватил с ладони Вирра пару монет. – Остальные заберу в Дезриеле.

– Согласен, – склонил голову Вирр.

После чего Анаар поднялся и молча ушел. Давьян с Вирром помолчали. Потом Давьян обернулся к другу.

– Что это было?

Вирр встал и потянулся.

– Он контрабандист, Дав.

– Я догадался, – сухо ответил Давьян. – Но с какой стати мы ему доверяем?

– Разве он нам солгал?

Давьян нахмурился.

– Нет, но это еще не значит, что ему можно доверять. Он может передумать, а мы и не узнаем, пока не получим нож в спину.

Вирр потряс головой.

– Он знает, кто мы. Хотел бы сдать нас блюстителем, уже бы сдал. А так он сохранит покой на улицах Талмиеля и заодно немножко заработает. А мы попадем в Дезриель. Все в выигрыше. – Он помолчал, обдумывая последнюю фразу. – Ну, насколько это возможно.

– По-моему, он видел сосуд, – в голосе Давьяна прорвалось беспокойство.

Вирр поморщился.

– Мне тоже так подумалось, уж очень вовремя подошел, но что сделано, то сделано. Если видел, будем надеяться, не понял, что это такое.

Они пробрались через зал. Уголком глаза Давьян поймал задумчивый взгляд женщины, на которую указал Анаар. Впрочем, она их не задержала и не попыталась пойти следом.

Скрывшись от взглядов, Давьян вздохнул с облегчением. Девушка была так молода, едва ли старше их с Вирром. Неужели она и вправду выслеживает и убивает одаренных за деньги?

– Я после Каладеля ни разу не пользовался сутью, – пробормотал Вирр, думавший, очевидно, о том же. – А она не подходила так близко, чтобы меня коснуться. Щупом нас засечь не могла.

Об этом Давьян не подумал.

– Как же тогда?..

– Вот именно.

Остальной путь до своей комнаты они проделали в неуютном молчании. Едва войдя, Вирр запер дверь на засов.

Давьян сложил свои пожитки – он почти и не разобрал мешок – и лег на кровать отдохнуть перед выходом. Анаару он не слишком доверял, но приходилось рискнуть. Если мост действительно охраняется так строго, как полагает Вирр, без контрабандиста они вряд ли переберутся через границу. И все же... Он снова нащупал в кармане сосуд. Давьяну все казалось, что Анаар его видел. Оставалось надеяться, что не опознал.

Припомнив вдруг случившееся в общем зале. Давьян вытащил сосуд, развернул ткань и присмотрелся. Замеченное прежде свечение пропало, металлические грани больше не казались слишком теплыми.

– Что высматриваешь, Дав? – спросил Вирр.

Давьян замаялся.

– На нем... Когда я его уронил, был рисунок. По-моему, волка. Ты не заметил, когда подбирал?

Вирр покачал головой.

Давьян вздохнул, хотя и не удивился.

– Все равно его уже нет. – Он еще несколько секунд всматривался в шкатулку, потом завернул и спрятал обратно в карман.

Вирр с тревогой наблюдал за другом.

– Скажи, если снова появится, – попросил он.

Давьян только кивнул, и оба погрузились в дружеское молчание.

Давьян еще немного поразмышлял, но скоро решил на время забыть о шкатулке. Беспокойство – что из-за нее, что из-за предстоящей переправы в Дезриель – ничего не даст. Остается верить, что Илсет и его сиг'нари знали, что делают, посылая его сюда.

Мальчик с глубоким вздохом закрыл глаза и стал ждать.

Глава 7

Не прошло и часа, как в дверь постучали.

Мальчики нерешительно переглянулись.

– Это не назовешь «поздним вечером», – заметил Вирр, понизив голос, хотя человек за дверью вряд ли мог его расслышать за гомоном уличной толпы.

– Может, ему пришлось поторопиться, – без убежденности ответил Давьян.

Стук повторился, уже настойчивей.

– Откройте. Мы от Анаара, – тихо прозвучало с той стороны.

Вирр колебался.

– Он велел никому, кроме него, не открывать, – крикнул он в ответ.

– План изменился, охотница проведала, – негромко предостерегли из-за двери.

Давьян в нерешительности ерошил себе волосы. Наконец он кивнул другу.

– В любом случае рискуем. Если они за нами, просто выломают дверь.

– И то верно, – поморщился Вирр и, открыв дверь, впустил двух суровых мужчин. Один был тощим, с длинными свалывшимися волосами, другой – с квадратной физиономией и почти лысый. Те первым делом оглядели комнату и только потом повернулись к мальчикам.

– Готовы? – спросил длинноволосый.

Оба кивнули, внимательно рассматривая незнакомцев. Лысый ответил им пристальным взглядом и кивнул на дверь. Давьян, немного успокоившись, прихватил свой мешок и сделал шаг из комнаты.

В тот же миг испуганно вскрикнул Вирр, а Давьяну левую руку выкрутили за спину, ее коснулось что-то твердое. Окова сомкнулась прежде, чем он успел понять, что происходит.

Круто развернувшись, Давьян наткнулся носом на кулак и рухнул, от боли не сумев даже вскрикнуть. Сквозь туман он видел сидящего на полу Вирра. Тот держался за висок, как видно, тоже получив удар. И на его руке холодно чернела окова.

– Кровопивцы, – бросил один из мужчин. – Думал, у ваших хватает ума сюда больше не соваться.

Давьян попробовал приподняться, но тяжелый сапог ударил его между лопаток и прижал к полу.

– Нам золотишко не лишнее, – весело отозвался длинноволосый. – В этот раз не придется делиться заработком, перетаскивая их через мост. Ни плащей, ни оков – стало быть, беглецы. Можно вести их открыто, тут все по закону.

Грубые руки обшарили Давьяна, проверяя, нет ли оружия, потом вздернули на ноги и связали запястья. Мальчик мотал головой, силясь разогнать туман. Нечаянно поморщив нос, он скривился. Сломан не сломан, но кровь точно течет. Давьян нацелил затуманенный взгляд на Вирра – тот ответил таким же мутным взглядом. Может быть, сказывалось действие оковы.

Уловив движение в дверях, Давьян обернулся и увидел девушку из обеденного зала. Та смотрела на происходящее со странным выражением на лице. То ли жалостливым, то ли горестным.

Длинноволосый, заметив ее, ухмыльнулся.

– Извини, Брешада, но не в этот раз. Эти – наши. – Он бодро добавил: – Видел я, что ты еще внизу на них глаз положила. Удивился даже, что не торопишься.

Брешада поморщилась, качнула длинными, до пояса, волосами. Послала долгий взгляд мальчикам, потом обернулась к мужчинам.

– Ренмар, Гаун, пожалуйста, знайте: мне очень жаль, что это оказались вы.

Она сделала пару шагов в комнату и пяткой захлопнула за собой дверь.

Мужчины застыли.

– Ты что делаешь? – в смятении выкрикнул тот, которого звали Ренмар. Брешада, угрюмо сжав губы, потянула из-за плеча длинный меч. Металл тускло сверкнул в отблеске свечи, и в комнате вдруг стало... тише, словно уличный шум отдалился. Странное чувство охватило Давьяна при виде меча: что-то было не так с его клинком, но что именно, он не сумел бы сказать.

Внезапную тишину прорезал скрежет – Ренмар с Гауном тоже обнажили мечи.

– Брешада, – в голосе Гауна смешались страх, угроза и удивление. – Мы их первые взяли, честь по чести. Не понимаю, зачем ты так.

– Я понимаю, – тихо отозвалась Брешада.

Все кончилось быстро. Теснота и длинный меч не помешали охотнице. Ренмар и Гаун пытались прикрыться клинками, но где там. Ни криков боли, ни предсмертных судорог. Стоило клинку Брешады коснуться тела, человек просто валился на пол с остекленевшим взглядом. Давьян с Вирром смотрели на это, онемев от ужаса.

Едва безжизненное тело Гауна легло рядом с трупом Ренмара, Брешада встала перед мальчиками и, прищурившись, всмотрелась в их лица. Она почти не запыхалась от быстрых движений, разве что щеки немного зарумянились.

Девушка тряхнула головой.

– Не вижу, – досадливо пробормотала она и сгребла Давьяна за плечи: тот ждал удара, но она просто придерживала его, рассекая веревки другой рукой. Потом проделала то же с Вирром.

Давьян почувствовал, что рука освободилась: миг спустя окова брякнула об пол. И чуть позже – окова Вирра. Давьян недоуменно уставился на раскрывшийся металлический обруч.

– Смерть рвет узы, – нетерпеливо пояснила Брешада, взглянув на потрясенного Давьяна. И предупредила: – На меня не бросайтесь. И к сути не прибегайте, не то здесь мигом будет полк блюстителей. И выйдет, что зря я вас спасала.

Вирр склонил голову.

– Я и не собирался, – ответил он. – А тебе спасибо. Брешада оскалилась так, что мальчики невольно попятнулись. Сейчас в ее взгляде явственно горело отвращение и ненависть.

– Меня не благодарите, – прошипела она. – Я ради ваших негодных жизней убила братьев. Двух искусных охотников ради двух тупых гаа'вешей. Скажите Тал'камару, что долг уплачен с тысячекратной лихвой. – Она помолчала, словно давила в себе тошноту. – Если еще раз вас увижу – убью.

Развернувшись, девушка распахнула дверь и кинулась вон из комнаты, ни разу не оглянувшись.

Вирр медленно подошел к двери и закрыл ее, потом ошалело глянул на Давьяна.

– Ты цел?

– Жить буду, – дрожащим голосом отозвался тот. – А ты?

Он растирал занемевшие запястья, потом, вытащив платок, промокнул себе нос и поморщился при виде красного пятна на тряпице.

– И я тоже. – Вирр потер ушибленный висок. Он был бледен, но, как видно, не слишком пострадал. – Не понимаю, что это было.

Давьян тупо смотрел на дверь.

– Охотница *спасает* одаренных! Такого, наверное, еще не бывало.

– И не похоже, чтобы она этому особенно радовалась, – заметил Вирр. – А кто, судеб ради, такой этот Тал'камар?

Давьян помотал головой, словно пытался вытряхнуть стучащий под черепом молот.

– Чтоб я знал! Но, думается, при встрече мы должны поставить ему выпивку.

– Не спорю. – Вирр покосился на лежащие на полу трупы, и улыбка его тут же погасла, а тон стал трезвым, словно случившееся наконец дошло до сознания. – Вот уж не собираюсь спорить.

* * *

Тихий стук в дверь сразу вырвал Давьяна из дремоты. Он толком не заснул, отдавшись кишащим в голове тревогам и опасениям. Сев прямо, мальчик бросил короткий взгляд за окно. Была поздняя ночь: снаружи еще шумели, но меньше, чем вечером. Голубые фонарики, прогорев, светили тускло, а улица почти опустела.

Вирр опередил Давьяна – недоверчиво вслушался и спросил:

– Кто там?

– Анаар, – услышали они; оба узнали скрежещущий голос контрабандиста.

Вирр сдвинул засов, приоткрыл дверь и, выглянув в щелку, распахнул. Анаар стоял в коридоре рядом с мускулистым крепышом и выглядел безмятежно, словно собрался в постель. Впрочем, увидев за дверью трупы, он округлил глаза и всмотрелся в лица мальчиков, особо отметив кровь под носом у Давьяна.

– Неприятности? – спросил он. Вирр взглянул ему прямо в глаза.

– Ничего такого, с чем бы мы сами не справились. Анаар задумчиво покивал, и в его взгляде мелькнула толика уважения. Потом он указал на коридор, и Давьян, подхватив свой мешок, следом за Вирром вышел из комнаты. В животе у него дергалась какая-то струна.

Они молча вышли из гостиницы и молча прошли по улицам Талмиеля, обходя запоздалых гуляк, солидно опьяневших к этому часу. Ясно было, что их ведут в обход: через десять минут без происшествий Давьян сообразил, что Анаар знает распорядок обхода блюстителей и ловко избегает встреч с ними.

Вскоре они оказались за городом, в тянувшемся вдоль Девлисса перелеске, и шум праздника стих за спиной. Под деревьями было темно, однако полная луна позволяла идти не спотыкаясь. Еще двадцать минут двигались быстрым шагом, а потом Анаар поднял руку – сигнал остановки.

– Вон там, – тихо прошептал он, указывая на чуть заметный просвет в густом кустарнике.

Пробившись сквозь казавшуюся непроницаемой стену листвы, Давьян вдруг вывалился на берег крохотной бухты, окруженной со всех сторон камнем и лесом. За узким устьем шумел Девлисс, ртутью поблескивая в лунном свете. Течение было пугающе быстрым, но здесь хотя бы поток выглядел гладким, из него не торчали острые скалы знаменитых порогов.

Чуть ниже по течению на берегу виднелась маленькая лодка. Давьян с сомнением разглядывал ее. Ему не приходилось еще плавать на лодке, но эта, на его взгляд, была слишком мала для столь опасной переправы и не вынесла бы четверых, тем более что спутника Анаара можно считать за двоих.

Анаар, взглянув на его лицо, усмехнулся и хлопнул мальчика по спине.

– Надежнее некуда, друг мой. Может, не слишком удобна, но дело свое сделает.

Вирр озабоченно осмотрел лодку.

– А течением не снесет?

– Я же не зря взял Олсара, – покачал головой Анаар, кивнув на здоровяка, уже тащившего лодку к воде. – Сядем на весла вдвоем и легко выгребем на тот берег.

– Приходится верить тебе на слово, – неуверенно пошутил Вирр.

– Само собой, – рассеянно отозвался Анаар, занятый изучением реки. На сколько хватало глаз, тянулась вода, но, проследив взгляд контрабандиста, Давьян рассмотрел на горизонте чуть видную в темноте темную полосу. По ней вдруг запрыгал огонек, не более чем крошечная оранжевая точка. Рядом показалась еще одна, и еще, все в ряд.

– Патруль, – пояснил Вирру и Давьяну Анаар, не сводя глаз с огоньков. – Обходят берег каждые несколько часов. До того берега грести почти час, и еще чуть больше двух будет у вас, чтобы уйти подальше от границы. – Он кивнул Олсару. Огоньки сдвинулись дальше, патруль уходил. Здоровяк дернул лодку последний раз, и она закачалась на воде. – Как отчалим, не разговаривайте, над водой звук далеко разносится, особенно ночью. Как коснемся берега, расплатитесь целиком, и больше мы друг друга не знаем. Если попадетесь, меня не видели. Ясно?

Давьян с Вирром немо кивнули. Анаар жестом приказал им лезть в лодку и, подумав, добавил:

– Еще одно. У каждого солдата на границе Дезриеля есть щуп, так что, если вы хоть нос высморкаете при помощи своей силы, они мигом проведуют. А тогда уж, можете мне поверить, не успокоятся, пока вы живы. – Анаар серьезно взглянул на мальчиков. – Для нас с Олсаром, если мы еще будем рядом, это выйдет крайне неудобно. Так что дайте мне слово: ничего такого в течение часа, как мы разойдемся. Согласны?

– Согласны, – Вирр протянул ему руку. Анаар встряхнул его ладонь и протянул руку Давьяну, который тоже стиснул ее изо всех сил.

При этом взгляд контрабандиста метнулся вниз, к чужому карману.

Давьян окаменел. Знает!

За вспышкой тревоги последовало... что-то иное. Волна прокатилась по его телу и согрела ладонь, а затем выплеснулась прямо в Анаара. Давьян поспешно отдернул руку, кончики пальцев у него еще звенели.

Анаар недоуменно взглянул ему в лицо и потряс головой, будто разгоняя туман. Когда контрабандист отвернулся, Давьян перевел дыхание, которое задержал незаметно для себя. Что бы сейчас ни произошло – если произошло, а не почудилось, – Анаар этого не заметил.

Вскоре все они сидели в маленькой лодке. Анаар с Олсаром длинными умелыми гребками гнали ее к противоположному берегу. Давьян напрасно боялся, что лодчонку унесет течением. Опытные контрабандисты направляли ее под углом к потоку и медленно, но верно продвигались вперед. Поначалу Давьян еще гадал, долго ли они выдержат такую скорость, но понемногу расслабился. Оба мужчины с виду нисколько не утомились.

Берег Дезриеля медленно поднимался впереди. Слышались только всплески весел, тихий скрип уключин да изредка – клекот речной курочки.

Когда на берегу уже можно было различить отдельные деревья, Давьян напрягся всем телом. Сколь бы ни были опасны последние три недели, едва они ступят на берег, опасность возрастет десятикратно.

Наконец лодка ткнулась в мягкий илистый берег. Олсар почти без плеска прыгнул за борт и вытянул лодку из воды вместе с людьми – Давьян опять подивился его силе. Анаар от долгой работы веслом все-таки задышал чаще, а Олсару все было нипочем.

Андаррский берег был песчаным, здесь же высаживаться пришлось на илистую отмель. Давьян поморщился, увязнув в грязи, – обуви на смену у него не было. Вскарabкавшись по откосу до высокой травы, он обменялся с Вирром успокоенным взглядом. Кажется, их прибытие прошло незамеченным.

Анаар скоро догнал мальчиков. Несколько секунд он постоял, вслушиваясь в лесные звуки, и, как видно, оставшись довольным, вложил пальцы в рот, издав тихий мелодичный свист.

Среди деревьев шевельнулись тени, еще двое плечистых мужчин вынырнули из темноты и беззвучно встали за спинами мальчиков, держа наготове мечи.

У Давьяна свело живот – ясно было, что они преданы.

– Что это такое? – прошипел Вирр, обращаясь к Анаару.

– Дело есть дело, – виновато развел руками тот. – Положение позволяет мне пересмотреть наш договор, вот я и решил, что цена будет малость повыше, чем договаривались вначале.

После долгого молчания Вирр презрительно бросил:

– Ты ведь не шутишь.

– Боюсь, что так, – кивнул Анаар и предостерегающе поднял палец. – И я знаю, что первая догма не позволяет вам причинить нам вред, но вдобавок прошу вспомнить о здешних солдатах. Они любят свое дело. Прибегнув к силе, вы навлечете на свою голову в сто раз худшую беду. Пожалуй, вы скажете, что вас обобрали, но я уверен, что ваши жизни дороже нескольких монет.

– Откуда нам знать, что вы не убьете нас, получив золото? – угрюмо спросил Давьян, стараясь не повышать голос.

Анаар улыбнулся.

– Я ведь дал слово. К тому же, если бы собирался, убил бы сразу и забрал бы золото с ваших трупов. Нет, – хмыкнул он, – слишком много грязи пришлось бы подчищать. Если придется, мои люди возьмут плату силком, но, пока вы послушны, даю слово, обойдется без насилия.

Давьян всмотрелся. Анаар не то чтобы лгал, однако... и правды не говорил.

– Но и тебе не понравится, если мы прибегнем к сути, – медленно заговорил мальчик. – Патруль будет здесь раньше, чем вы уйдете из-под арбалетного выстрела. Потому ты и не пытаешься нас убить. Риск слишком велик.

Анаар все так же спокойно покачал головой.

– Глупости. Даже если и прибежит патруль, нас здесь уже не застанет.

И опять Анаар говорил правду, однако Давьян заметил беспокойное движение человека, стоявшего за спиной Вирра. Этого подтверждения ему хватило.

Глубоко вздохнув и не желая замечать предостерегающего взгляда друга, он уверенно заговорил.

– А вот скрыть следы вам времени не хватит. Это единственное место, где лодка может пересечь Дев-лисс на сколько... на сотню миль? – Давьян скрестил руки на груди. – Гил'шары, конечно, и так об этом знают, неспроста посылают патрульных. Но если найдут следы переправы, и особенно если сочтут, что переправлялись одаренные, – думается мне, это не пойдет на пользу твоему предприятию. Точнее, прикончит его.

Анаар помрачнел.

– Прибегнете к сути – убью, – посулил он.

– Попробуй убить, и мы прибегнем к сути, – парировал Давьян. – Слушай, нам же надо что-то есть. Оставь нам несколько монет. Они не стоят того, чтобы рисковать всем, а?

Анаар уставился на мальчика неподвижным взглядом и чуть погодя отрывисто засмеялся.

– Толковый мальчишка, – нехотя признал он. – И не из трусливых, признаю. Хорошо, три монеты отложи для себя, остальное бросишь мне.

Давьян кивнул – настаивать на большем он не решался. Вытащив из кармана кожаный кошелек, он отсчитал три монеты, а остальное перебросил Анаару. Контрабандист ловко поймал мешочек и заглянул внутрь. Давьян, напрягшись, ждал, что он потребует и бронзовую шкатулку.

Но Анаар затянул завязки кошелька и кивнул с довольным видом.

– Отлично, на том и делу конец.

Контрабандист кивнул двоим за спинами мальчиков, и те молча двинулись к лодке. Один тащил тяжелый ящик, который бережно пристроил на корме, – конечно, Анаар и обратно в Андарру возвращался с незаконным товаром. Лодку снова спустили на воду.

Анаар проводил ее взглядом, потом порывлся в присвоенном кошельке и швырнул мальчику еще одну монету. Давьян поймал ее, не дав затеряться в высокой траве. Монета была золотая.

Удивленно повертев золотой, он перевел взгляд на контрабандиста. Анаар озорно улыбнулся в ответ и поспешно повернулся к андаррскому берегу.

- Быстро ты сообразил, Дав, – похвалил, выждав немного, Вирр. – Опасно играл, но умно.
- Спасибо. – Давьян наконец выдохнул и задышал свободно.
- Надо нам двигаться. За час или два хорошо бы убраться подальше.
- Согласен.

Вирр повернулся и направился к лесу. Давьян держался следом. Очень скоро густая зелень скрыла от них лодку, реку и далекий берег Андарры.

Шли они как можно быстрее, заботясь только о том, чтобы не оставлять слишком явных следов. Дезриельский патруль, кажется, не заметил переправы, но рисковать не стоило.

Час или около того они шагали молча – не только голос, но даже треск сучка под ногой громом отдавался в ушах. Наконец Вирр замедлил шаг под высокими деревьями, опасливо огляделся и кивнул на упавшее бревно.

- Надо бы передохнуть, – чуть задыхаясь, проговорил он.

Давьян кивнул: он был не так крепок, как его друг, и спешка вымотала его еще больше. Вирр к тому же наверняка подпитывался из внутреннего тайника. Он уверял, что это вполне безопасно: пока движение сути оставалось в пределах его тела, щупы ее не засекали. Давьян как никогда надеялся, что Вирр знает, о чем говорит.

Вирр опустил на бревно и принялся расшнуровывать сапог.

- Ты что делаешь? – спросил, пристраиваясь рядом, Давьян.

Вирр перевернул снятый сапог над подставленной ладонью. Пять серебряных монет со звоном высыпались ему в руку, блеснув в лунном свете.

Давьян не сразу опомнился.

– Ты предвидел что-то подобное, – проговорил он наконец, не зная, радоваться или сердиться.

Вирр пожал плечами.

– Он же контрабандист, Дав. Работа не для честных людей. – Паренек вздохнул. – Хотелось бы мне отсыпать золота, а не серебра, но тогда кошелек мог показаться слишком легким. Ну, что ж, теперь у нас с тобой вместе хватит, чтобы продержаться какое-то время.

Они посидели немного в задумчивом молчании.

- Похоже, про сосуд он все-таки ничего не знал, – спохватился вдруг Вирр.

– Пожалуй, – без особой уверенности согласился Давьян. Пока шли через лес, у него было время подумать, вспомнить рукопожатие с Анааром на андаррском берегу Девлисса. Беглый взгляд, брошенный контрабандистом на его карман, Давьяну не померещился.

Вирр уловил его сомнения.

– Если бы знал, нам бы не оставил, – заметил он. – Эта коробочка стоит, наверное, вдесятеро дороже, чем скажешь на вид. Думаю, за нее он мог бы нас и убить.

Давьян помедлил.

– На берегу, перед тем как отчалить... Мне показалось, может быть... – он покачал головой. – Сам не знаю. Кажется, я что-то с ним сделал. Может, как-то заставил его забыть.

– Понимаю, – подняв брови, протянул Вирр. Тон, каким это было сказано, говорил об обратном.

Давьян вглядывался в лицо друга, подбирая слова для объяснения.

- Это было немножко похоже на то, что я чувствую, когда кто-то лжет.

Вирр поморщился, но недоверия в его лице поубавилось.

– Наверное, такое возможно, – признал он, подумав. – Авгуры, по слухам, на многое были способны. Но если ты не уверен... Я бы не спешил радоваться.

Вирр хлопнул друга по спине.

Давьян кивнул и на том закончил разговор. Вирр, скорее всего, был прав. И все же... Что-то произошло, в этом он был уверен.

Через несколько минут мальчики встали, отряхнули со штанов кусочки коры и молча продолжили путь на север, вглубь Дезриеля.

Глава 8

Аша ехала молча.

Она равнодушно смотрела на дорогу через Федрис Идри. Единственный путь в андаррскую столицу был пробит ровно, как по линейке; по обе стороны ущелья на сотни футов высились отвесные утесы: красновато-бурые скалы, выглаженные до стекляннного блеска древним искусством Зодчих.

Этот вид должен был бы наполнить ее изумлением, но девушка ничего не замечала, кроме взглядов встречающих. Большинство спешили отвернуться, но другие открыто смотрели ей в лицо, не пряча брезгливого любопытства. Да разве она могла их винить? Аша за недели пути от Каладеля не раз видела свое отражение и знала, что черные линии, прожилками расходящиеся от ее глаз, любого заставили бы вздрогнуть.

Она теперь была тенью – сломанной одаренной. Редкой, безобидной, уродливой диковинкой.

Стараясь не замечать любопытных взглядов, Аша незаметно для себя поглаживала левую руку. За три недели она так и не привыкла к гладкости кожи. Метка стала блекнуть в первый же день пути, а теперь почти пропала.

Этого она не ожидала, хотя задним числом все становилось понятно. Раз она больше не может использовать дар, значит, и догмы ее не связывают.

– Мы почти на месте, Ашалия.

Голос оборвал ее размышления, и девушка повернулась к старшему Тенвару.

– А там ты объяснишь? Расскажешь, зачем я здесь? И почему?.. – она тронула пальцем свое лицо. Три недели повторения одних и тех же вопросов не растопили льда в ее голосе.

– Все расскажу, – сочувственно отозвался Тенвар. – Я знаю... могу представить, каково тебе. Как это мучительно. Но когда мы попадем в Тол Атьян, ты все поймешь. Даю слово.

Аша коротко кивнула: эти заверения она сто раз слышала с тех пор, как очнулась верхом на лошади за стенами Каладеля, но до сих пор не знала, верить ли им. Ни старший Тенвар, ни старший Кийн, ни старший Касперан даже намекнуть не хотели, что случилось. Она умоляла, бушевала – всё впустую. И до сих пор сама не знала, торопится или боится услышать правду.

Аша моргнула, ослепленная внезапным солнцем: они проехали последние из трех ворот Федрис Идри, узкая дорога резко оборвалась, и перед глазами Аши предстал Илин-Иллан.

После сумрачной прохлады Федрис Идри город выглядел ярким, веселым, *живым*. Он простирался вперед и вниз от них, и уклон был достаточно крутым, чтобы взгляду открылось все целиком, но не настолько, чтобы у Аши закружилась голова. Изящные белокаменные здания вдали сливались с парусами судов, входивших в просторную гавань и покидавших ее. Еще дальше блистали хрустальные голубые воды реки Наминар.

Направо и налево от Аши расходились, обнимая весь город, тяжелые черно-бурые утесы Илин Тор. Насколько виделось девушке, вершины утесов нигде не спускались к крышам домов ближе чем на сто футов.

Даже в смятении чувств Аша невольно прониклась величием картины.

Старший Кийн что-то тихо сказал Илсету и уехал по уходящей в сторону улочке, как видно, по своим делам. Оставшиеся старшие, не дав девушке толком полюбоваться, поспешно двинулись вправо по широкой дороге вдоль высоких утесов.

Через несколько минут толпа стала редеть, и скоро в скальной стене показались тяжелые железные ворота. Не меньше двадцати футов высотой, в ширину они могли бы пропустить десятерых в ряд, но были закрыты и охранялись двумя стражами в красных плащах, ярко выделявшихся на сером металле.

Один, узнав Илсета, кивнул ему и прижал ладонь к металлу створки. Ворота открылись медленно и бесшумно.

Обернувшись к Аше, Илсет знаком предложил ей спешиться.

– Добро пожаловать в Тол Атьян, Ашалия, – негромко сказал он.

* * *

Тол Атьян оказался темнее, чем представлялось Аше. Пробитый в скалах Илин Тор тоннель освещался несколькими полосами чистой сути, пульсирующей на потолке на высоте не меньше пятидесяти футов. От него с правильными промежутками расходились тоннели поменьше, освещавшиеся всего одной светящейся полосой каждый, но для малых и того хватало, чтобы в них было светлее, чем в главном.

Одаренные вспышками красных плащей мелькали в этих тоннелях. В другой раз Аша бы изумилась – столько собравшихся в одном месте одаренных она в жизни не видела, – но сегодня едва замечала их. С каждым шагом ее нетерпение усиливалось: после долгих трех недель она наконец-то узнает, что с ней случилось.

Девушка тащилась за Илсетом и Каспераном, и под ложечкой у нее сосало от мучительного волнения. Вскоре они свернули в тоннель поменьше и подошли наконец к двери, перед которой скучали двое сторожей.

– Совет ожидает тебя, старший Тенвар, – сказал один, заметив подошедших, и жестом пригласил их войти в открывшуюся дверь. Аша поймала на себе пристальный взгляд второго сторожа и уставилась ему в глаза, пока мужчина, немного смутившись, не опустил взгляд. Тогда девушка молча прошла мимо.

Короткий коридор вывел их в большую округлую залу. Дюжина одаренных в красных плащах, расположившиеся на двух рядах кресел – надо полагать, совет Атьяна, – прекратили разговор, чтобы взглянуть на Ашу и ее провожатых.

– Начнем, – предложил сухошавый старик с властным взглядом карих глаз. Он не повышал голоса, но эхо усилило его и донесло до каждого из присутствующих. Убедившись, что завладел всеобщим вниманием, старик склонился в кресле, вглядываясь в прибывших.

– Наконец-то. Мы ждем объяснений, Илсет.

Тот почтительно склонил голову:

– Ты получил мое сообщение, Нашрель?

– Голубь прилетел две недели назад, – сказал Нашрель, – но не могу сказать, что твоя записка все объясняет, – укоризненно добавил он.

– Виноват, – почтительно отвечал Илсет. – Я решил, что... сдержанность не помешает.

– Конечно, – кивнул Нашрель, но в голосе его по-прежнему сквозило недовольство. – Так ты не сумел его найти.

– Верно, – подтвердил Илсет, неуверенно покосившись в сторону Аши. Та сразу почувствовала, что разговор не предназначается для ее ушей.

Старший кивнул, словно ожидал такого ответа.

– К счастью, это не так уж существенно. У нас есть *след*.

Илсет мгновенно забыл о девушке, уставившись на членов совета.

– След? Не благоразумней ли...

– Что сделано, то сделано, Илсет, – отмахнулся Нашрель. – Не волнуйся, им было приказано никому не вредить.

До сих пор остальные члены совета молчали, но теперь заговорила сидевшая по левую руку от Нашреля женщина.

– Не лучше ли прежде обсудить другие дела? – вежливо предложила она, – чтобы наша юная гостья могла отдохнуть.

Нашрель словно только теперь заметил Ашу.

– А, да, ты права, – он покачал головой, словно дивясь своей рассеянности, и всмотрелся в лицо Аши.

– Как тебя зовут, девочка?

Аша вздрогнула – она почему-то не ожидала, что с ней заговорят.

– Ашалия, – отозвалась она, стараясь говорить с должным почтением. Не удалось – голос прозвучал слишком резко.

Нашрель как будто не обиделся.

– Что ты помнишь о нападении, Ашалия?

Она удивленно помолчала.

– О нападении? Я помню только, что легла спать, а потом оказалась сидящей на лошади перед старшим Каспераном на полпути к Джарету в таком виде. – Она холодно указала на свое лицо.

– Мы сочли за лучшее пока не говорить ей, Нашрель, – вмешался Илсет.

– Тенью ее сделали наутро после атаки, – дополнил Касперан, стоявший в стороне. Он предпочел, чтобы говорил Илсет.

Нашрель потер лоб.

– Почему же, собственно?

Илсет неловко замялся.

– Собственно, это еще одно дело, которое требуется обсудить. Боюсь, это моя вина. Он поморщился. – Она... меня вынудила.

– Что? – услышала Аша собственный голос и успела сделать полшага к Илсету, прежде чем ее перехватил Касперан. *Она его вынудила? Ложь! Наверняка ложь!*

Нашрель, мрачняя, переводил взгляд с Илсета на Ашу.

– С чего бы, во имя Эла, ей о таком просить, Илсет? Тот, вздохнув, повернулся к Аше и заговорил мягко, с бесконечным сожалением.

– По школе в Каладеле нанесли удар, Ашалия. Убили всех... всех, кроме тебя. – Он помолчал, давая ей время осмыслить. – Проснувшись утром, ты увидела то же, что видели мы: повсюду изуродованные тела. Только для тебя убитые были не чужими. Это были твои друзья, твои учителя... Люди, с которыми ты росла. К тому времени, как наткнулась на нас, ты обезумела от горя и страха.

Касперан все еще крепко держал девушку, но она видела, как за его плечом понимающе кивают другие старшие. И с бьющимся сердцем, сдерживая тошноту, уставилась в лицо Илсета. Не могло это быть правдой.

Илсет продолжал.

– Ты рассказала, что до встречи с нами зашла в комнату к другу посмотреть, жив ли он. К тому мальчику, что жил в Северной башне.

Аша похолодела. Вот, значит, почему старшие не хотели объяснять ей, что случилось! Илсет еще молчал, а она уже знала, что он скажет.

– Он погиб, Ашалия, – мягко проговорил Илсет. – Погиб так же, как другие, и этого воспоминания ты вынести не могла. Ты... взбесилась, когда я отказался помочь. Атаквала меня. – Он закатал рукав, показал полузаживший ожог.

– Я почувствовал выброс, – подтвердил Касперан.

– Я упрасивал тебя подождать, но ты стояла на своем, – продолжал Илсет. – Сказала, что будешь атаковать меня, пока я не соглашусь, а если я слишком промедлю, если воспоминания одолеют тебя, ты... Ты сказала, что покончишь с собой. У меня не было под рукой оковы, и я не знал, что делать. – Видно было, как трудно Илсету говорить об этом. – После мы решили, что лучше ничего не рассказывать, пока не доберемся сюда. Нас было всего трое, и мы боялись... не уследить за тобой.

На глазах у Аши выступили слезы. Колени подогнулись, только руки Касперана не давали ей осесть на пол. Что-то в ней еще бунтовало, кричало, что она никогда не просила сделать ее тенью, что Илсет лжет...

Но – Давьян погиб. Ее подруги погибли. Этого она тоже не могла себе представить.

В неловком молчании все смотрели, как Аша пытается совладать со своими чувствами. Наконец Нашрель откашлялся.

– Трудное решение, Илсет, – тихо признал он. – В такой ситуации... Тебя, пожалуй, можно понять. И все же, поскольку девочка не достигла совершеннолетия и не провалила испытания, мы не можем оставить твоего поступка без последствий. Подобающее наказание мы обсудим позже.

Илсет пристыженно кивнул.

– Понимаю.

Нашрель составил пальцы домиком.

– Однако остается вопрос: почему уцелела Аша-лия? Ты видел последствия всех трех атак, Илсет. Там выживших не было. Не догадываешься ли ты, почему в Каладеле вышло иначе?

Илсет покачал головой.

– Знаю только, что едва ли это по ошибке. Тот или то, что совершало убийства, ничего не упускало. Должна быть причина.

Он закусил губу.

– Я бы посоветовал оставить пока Ашалию в Толе. Не только чтобы разобраться, почему она выжила. Мне кажется... Я перед ней в долгу.

Аша не смотрела – пялилась на него, слыша, но не понимая слов. В мыслях был только Давьян. Что же с ней было, когда она нашла его там?..

– Согласен, – Нашрель сочувственно взглянул на Ашу. – Ашалия, я пришлю кого-нибудь показать тебе новое жилье; позже один из старших поможет тебе устроиться. Илсет, прошу тебя пока задержаться. Надо обсудить еще кое-что.

– Конечно, – уважительно поклонился Илсет. Чуть позже незнакомый мужчина взял Ашу за плечо и вывел из зала.

Она не противилась, не заговаривала.

Она вся онемела.

* * *

Отведенная ей комната не отличалась роскошью, но не была и каменным мешком, какого ожидала девушка.

Стены были из того же тусклого камня, что коридор за дверью, зато пол устлала два больших ковра без рисунков. Узкая кровать в углу выглядела достаточно удобной. У дальней стены пристроились стол для письма и стул. Висящая над ними питаемая сущью лампа давала неяркий, но ровный свет. В смежной камерке нашелся умывальник и другие удобства. В целом, если бы не отсутствие окон, комната была не хуже жилья старших в Каладеле.

– Старший Эйлинар просил тебя оставаться здесь, пока не позовут, – вежливо сообщил сопровождавший ее одаренный.

Аша смотрела на него, не давая понять, что слышит. Она понимала, что ведет себя грубо, что этот человек не виноват, но ей уже было все равно. Неловко помявшись, одаренный наклонил голову и закрыл за собой дверь.

Вслед за тем тихо щелкнул замок. Значит, она пленница. Аша так и думала, но прямо никто об этом не сказал, а она в смятении и горе забыла спросить.

На стене висело зеркало. Мельком заметив свое отражение, Аша отпрянула. Ломаные черные линии паутиной тянулись от глаз, а сами глаза запали, словно она много ночей провела без сна. Кожа, на которую и в лучшие времена плохо ложился загар, приобрела болезненный мертвенный оттенок, словно из нее высосали краски вместе с жизнью.

Аша отвела взгляд. Нечего и думать о том, чего нельзя изменить. Ей было уже все равно – тень так тень.

Подойдя к столу, она с удивлением обнаружила запас бумаги и письменный прибор. Карандаши были не слишком подходящими, и все же можно будет порисовать – занятие, часто радовавшее ее в школе. Почему-то эта мысль утешила девушку. Во всяком случае, она не сойдет с ума от скуки.

Были здесь и распад-часы – уровень сути в них указывал, что время далеко за полдень. Конечно, когда суть распадется вся, она не сможет их пополнить – придется просить кого-то из одаренных. Но если эти часы вроде тех, что были в школе у старшего Олина...

Аша не додумала этой мысли – стена, сдерживавшая поток чувств, наконец рухнула. Олин мертв. Все умерли. Никого нет. Она никогда их не увидит.

Девушка рухнула на кровать и расплакалась в подушку. Она вопила от горя и ярости, пока не сорвала горло. И все равно в груди оставалось слишком много боли, ей некуда было деться.

Измученная плачем, Аша в конце концов уснула.

Она не знала, сколько спала, но разбудил ее тихий стук в дверь. Сразу проснувшись, девушка села и успела стереть следы слез, прежде чем дверь открылась.

Аша хмуро взглянула на Илсета Тенвара:

– Чего тебе надо?

Старший вскинул ладонь:

– Я пришел извиниться.

Аша заморгала. Несколько секунд длилось молчание, потом она усталым жестом разрешила старшему войти. Гнев схлынул, сменившись тупым бесчувствием.

– Входи.

Илсет вошел, растерянно и неловко. Постоял посреди комнаты, глядя в землю, прокашлялся...

– Мне искренне жаль, – наконец заговорил он с глухим раскаянием в голосе. – Понимаю, ты не помнишь, но то утро было безумным. Ужас, ошеломление... Мысли путаются. Я не оправдываю себя, – добавил он, – но тогда мне казалось, что выбора нет.

Он виновато указал на обожженную руку.

Аша молчала. Она яростно отвергала слова старшего, отказывалась верить его рассказу, и все же... Девушка сама не знала, что могла натворить, увидев Вирра, Давьяна...

– Почему ты рассказал только перед Советом, а не раньше? – выдавила она, отводя взгляд.

Илсет шагнул к ней, опустил руку на плечо.

– Это решение далось непросто, – тихо сказал он. – Но, скажи я тебе в пути, как бы ты поступила?

Аша задумалась.

– Захотела бы вернуться, – признала она.

– Я думаю, ты бы *попыталась* вернуться, – кивнул Илсет. – Если не хуже... Втроем мы бы с тобой не справились. А я, как ты понимаешь, спешил в Совет с докладом, задерживаться было нельзя. – Он потер лоб. – С тобой обошлись несправедливо, Ашалия, и я не жду прощения. Но... пожалуйста, знай, что я сожалею.

Аша смотрела в сторону. Гнев и обида еще мучили ее, но сон притупил боль и прояснил мысли. Поступок Илсета был ей отвратителен, она сомневалась, сможет ли когда-нибудь про-

стить, но что-то в ней настойчиво напоминало: несправедливо взваливать всю вину только на его плечи, не учитывая обстоятельств.

– Я... принимаю твои извинения, – с трудом выговорила она. Слова эти дались с болью – куда проще было бы ударить старшего наотмашь, но, бросившись на Илсета, Аша бы только добавила себе сложностей. Ей нужен был хоть кто-то на ее стороне.

Илсет виновато улыбнулся.

– Спасибо.

– И я хочу помочь, – продолжала Аша. – Ты сказал, что меня оставили в живых не без причины. Тогда я могу оказаться... ключом к тому, что случилось. Если я могу чем-то...

– Конечно, – кивнул Илсет. – Я уверен, скоро Совет обратится к тебе за содействием. А до тех пор тебе благоразумнее будет остаться в Толе. Держись тихо, постарайся не выделяться. Нам меньше всего нужно привлекать внимание.

Аша насупилась.

– А сейчас я ничего не могу сделать? Прямо сейчас. Илсет покачал головой.

– Понимаю, тяжело, но больше всего ты сейчас поможешь терпением. Только не волнуйся – придет и твое время.

Аша вздохнула. Ответ ей не понравился, но и возразить пока было нечего.

– Старший Эйлинар сказал, были нападения и на другие школы? – подумав, спросила она.

Илсет кивнул.

– В Аррисе и в Даззари. То же самое, что и в Кала-деле, только выживших не осталось.

Аша сглотнула слюну. Тол Атьян после войны сумел восстановить всего восемь школ – по одной на каждую область Андарры, а теперь вдруг лишился всех южных. Мысль, что у кого-то хватило сил, чтобы атаковать и полностью уничтожить твердыни со множеством одаренных, была, мягко говоря, пугающей.

– Вы не знаете, это охотники или кто-то еще?

– Понятия не имеем. К сожалению, – с неподдельным огорчением отозвался старший. – Но непременно узнаем, это я тебе обещаю. И постараюсь, чтобы тебе об этом сообщили в первую очередь.

– А что Надзор? – нахмурилась Аша. – Они ведь тоже должны искать. Договор требует от них защиты одаренных.

– Надзор... Они ведут собственное расследование, – сухо отозвался Илсет. – Его возглавил сам Страж Севера, а у нас с ним отношения сейчас хуже, чем когда-либо. Они могут знать больше нас – у них больше возможностей, да и гибель блюстителей их сильно заботит, даже если до одаренных дела нет. Но эти, если что и узнают, вряд ли поделятся с нами.

Аша прикусила губу и вдруг с грустью вспомнила Талена. Почему-то, слушая рассказ об атаке, она решила, что блюститель должен был уцелеть.

– А если мы предложим им сотрудничать?.. В смысле, я бы охотно поговорила...

– Нет, – прервал девушку Илсет. – Блюстители, узнав о тебе, заподозрят худшее – что ты соучастница, потому тебе и позволили пережить атаку. Договор, Ашалия, тебя больше не защищает. Заполучив тебя, они вольны будут вытягивать сведения любым способом, какой сочтут нужным.

Аша побледнела.

– Не станут же они?..

– Станут. Поверь мне. – Илсет серьезно смотрел на нее. – Мы на многое пошли, чтобы тебя прикрыть, утаить, что есть выжившие. В списке учеников школы, который есть у блюстителей, числится твое имя, так что мы подберем тебе новое. Ты, может, заметила, что на Совете не присутствовали блюстители, не было даже писца для записи совещания. Для Надзора и для

всех, кроме членов Совета, ты просто тень, провалившаяся испытания и устроившаяся служанкой в Тол. Ради собственной безопасности постарайся, чтобы это так и осталось.

Аша хмуро кивнула.

Илсет глубоко вздохнул.

– Кстати, о твоей безопасности, старший Эйли-нар поручил ее мне. Я найду тебе место среди других здешних теней, чтобы ты среди них не выделялась. Насколько я понимаю, в Толе они заняты большей частью перепиской редких рукописей. Ты, думаю, неплохо знаешь грамоту?

– Конечно.

– Тогда я завтра зайду с утра, отведу тебя в библиотеку. – Он кивнул на дверь. – Когда не занята работой, ты, конечно, свободна в пределах Тола, но мне думается – и Совет со мной согласен, – что в Илин-Иллан тебе лучше не выходить. Если была причина оставить тебя в живых, тем, кто это сделал, ты можешь быть нужна для иной цели. Они могли даже проследить за нами и знать, что ты здесь.

Ашу пробрал озноб.

– Я никуда не уйду.

– Вот и хорошо. – Взглянув на распад-часы, Ил-сет встал. – Ну вот. У меня есть еще дела, но утром я вернусь – покажу библиотеку, представлю, помогу обжиться.

– Спасибо тебе.

Илсет покачал головой.

– Не за что. Вообразить не могу, как тебе, должно быть, тяжело. – Склонившись к девушке, он тихонько, дружески сжал ей плечо. – В ближайшие дни, пока не привыкла к здешней жизни, пожалуйста, если тебе что-то понадобится – хоть что-то, – дай мне знать. Я рад буду чем-то помочь.

Он ласково улыбнулся Аше и вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

Она опять осталась одна.

Глава 9

Аша потеряла лоб, пытаясь сосредоточиться на открытой перед глазами записи. Спасибо еще, в библиотеке сегодня было тихо. Она бы, пожалуй, не выдержала худо скрытой неловкости во взглядах одаренных и брезгливого презрения блюстителей. Она всего неделю прожила в Толе, а жизнь уже как будто... усохла. Что ни день, одно и то же. Однообразная, бессмысленная работа в библиотеке. Равнодушие окружающих. Заверения Илсета, что Совет ведет расследование, но для нее – ни ответов, ни возможности помочь.

А над всем этим проникающая все глубже неизбежность случившегося в школе – и смерти Давьяна.

Взгляд Аши на миг затуманился, и девушка, тряхнув головой, перевела дыхание. Она все время чувствовала себя усталой – с тех пор, как стала тенью, ночами ей плохо спалось, и в Толе легче не стало. Скорее, стало хуже. Потребность что-то сделать, хоть как-то выяснить, что произошло в Каладеле, постоянно давила ей на сердце, но сильнее всего это ощущалось, когда не было дел, чтобы отвлечься. А как насытить эту потребность, Аша не представляла.

Она подняла взгляд, заслышав прорезавшие тишину голоса.

– Прошу прощения, блюститель Гил. Я просто не знаю, где искать.

Говорил Раден, один из примерно дюжины живших в Толе теней. Голос звучал испуганно.

– Ищи лучше, – резко, почти грубо приказал Гил. Говорящих сейчас отделяло от Аши всего несколько полок, и она ясно слышала разговор.

– Может быть, подождать возвращения Халиде-на? – окончательно оробев, предложил Раден. – Мы всего лишь переписчики, а он библиотекарь.

– Некогда мне ждать твоего Элом клятого кровопивца, – холодно возразил Гил. – Судьбы, мне вообще нечего делать в этом Элом клятом месте, так что ищи Элом клятую книгу, пока я не вышел из себя.

– Но...

Грохот заставил Ашу вскочить из-за стола. Она побежала по проходу и увидела опрокинутый стеллаж и лежащего поверх книг ошарашенного Радена. Над его лицом в черных разводах склонялся пухлый коротышка в голубом плаще блюстителя.

– Что ты делаешь? – вырвалось у Аши. Блюститель, не поворачиваясь, буркнул:

– Тебя не касается, девчонка. Лучше не суйся.

Аша вспыхнула.

– Ничего подобного, – воскликнула она, подступая ближе.

Гил обернулся. Мгновенное, неуловимое движение – и Аша оказалась лежащей на полу. Она бессмысленно помотала головой, ощущая во рту вкус крови.

Извернувшись, она гневно и недоверчиво уставилась на Гиля.

– Не имеешь права! – заявила она, ощупывая языком губу. Гнев быстро вытеснял изумление. – Нельзя так просто ударить...

– Можно. Кто мне помешает? – возразил Гил, и в подтверждение своих слов дернул за полу голубого плаща. Его крысиные глазки насмешливо блеснули.

Аша в ярости вскочила на ноги.

– Оставь, Лисса.

Раден был немногим старше Аши, но голос его звучал веско – такой отягощенный горестным отчуждением тон Аша замечала у многих теней. Как будто для них не осталось ни жизни, ни радости.

– Я сам виноват, блюститель Гил вправе был меня наказать.

Аша растерялась, как терялась каждый раз, слыша свое новое имя. Потом уставилась на Радена, указала на рассыпавшиеся по полу книги.

– Он на тебя набросился за то, что ты не мог найти ему книгу. Но это же не твоя работа!
– Я сам виноват, – настаивал Раден.

– Слушай, что он говорит, девочка, – не глядя в ее сторону, бросил Гил. – Ты здесь недавно, потому я и не задал тебе трепку, какой ты заслуживаешь. Но в другой раз...

С новой вспышкой ярости Аша готова была наброситься на Гила, но ее удержала легшая на плечо рука. Обернувшись, девушка увидела Джина – негласного вожака теней Тола. Тот предостерегающе качал головой.

Не сразу, но Аша сумела заставить себя расслабиться.

Гил, заметив, что девушка утихла, довольно кивнул. – Вот и хорошо, урок усвоен, – бодро проговорил он и вдруг побледнел, только теперь заметив Джина. – Блюстителю Гил, – холодно поздоровался тот. Коротышка в голубом плаще чуть смутился, но сразу принял строгий вид.

– Ты распустил своих людей, Джин, – рявкнул он. Джин и не подумал испугаться.

– Это твоя работа? – он указал на опрокинутый стеллаж и на Ашу. – Ты ударил Лиссу?

– Она полезла...

– Ты позволил себе лишнее, – мягко, но не скрывая угрозы проговорил Джин.

Гил оскалился.

– Не думаю...

Джин шагнул к блюстителю, встал прямо перед ним, подчеркнув разницу в росте. А потом, наклонившись, зашептал ему на ухо.

К тому времени как Джин договорил, блюститель стал блее простыни. Он снова повернулся к Радену – злоба на его лице сменилась болью.

– Позаботься, чтобы к моему возвращению Халиден нашел мне ту книгу, не то... я этого так не оставлю. – На сей раз угроза прозвучала неубедительно.

– Конечно-конечно, – часто кивая, отозвался Раден.

Гил, не найдя больше слов, ушел молча.

Пока он не скрылся за дверью, все стояли в тишине, но, едва блюститель удалился, Раден, вскочив, обрушился на Ашу.

– Считаю, тебе повезло, что он еще больше не разозлился, – яростно отряхиваясь, заговорил он. – Ты о чем думаешь? Только всех наших подведешь. – Он обернулся к Джину. – А ты? Не знаю, что ты ему наговорил, но я тут ни при чем. Не собираюсь...

– Довольно, Раден, – остановил его Джин. – Лисса здесь всего несколько дней, я вступился за нее, а не за тебя. Тебя я от него в другой раз защищать не стану, можешь не сомневаться. – Он вздохнул. – Ты бы прибрался здесь и занялся своим делом.

Раден пробурчал что-то себе под нос, однако отрывисто кивнул и ушел.

Аша озадаченно смотрела ему вслед. Опасливо ощупала губу: распухла, но скоро пройдет.

– Я же хотела помочь.

Джин ответил ей горьким взглядом.

– Понимаю. К сожалению, многие тени убеждены, что они не стоят помощи.

Аша повернулась к нему.

– А с Гилом мы ничего не можем сделать? Если доложить?..

Джин улыбнулся, но без особой веселости. Ему было около тридцати, хотя возраст плохо определялся сквозь черные полосы на лице. Аше подумалось, что, до того, как стать тенью, Джин был красив: короткие курчавые черные волосы, четкий овал лица, пронизательные карие глаза.

– Кому доложить? Надзору?

Аша смутилась. Надзор пальцем не пошевелит в ответ на жалобу каких-то теней.

– А в Совет?

Джин покачал головой.

– Там, конечно, посочувствуют. В какой-то мере. Но влияния на Надзор у них немногим больше, чем у нас.

Аша в досаде скрипнула зубами. Она уже не первый раз видела здесь, как дурно обходятся с теньями – в основном этим отличались блюстители, хотя, бывало, и одаренные. Но она впервые столкнулась с чем-то большим, чем словесное оскорбление. Девушка никак не ожидала, что подобное допускается в стенах Тола.

– А что ты ему сказал, чтобы он отвязался? – поразмыслив, заинтересовалась она.

Джин замялся, оценивающе взглянул на нее.

– Сказал, что ты под защитой Шадрехина, – все же ответил он. – Слышала о таком?

Аша покачала головой – имя было ей незнакомо.

– Нет.

Джин долго смотрел на нее и наконец кивнул, поманил за собой.

– Хочу тебе кое-что показать. Надеюсь, оценишь. – На ее вопросительный взгляд он поднял руку. – Здесь не могу объяснить. Просто доверься мне.

– Хорошо, – отозвалась Аша, нахмурившись, но стараясь не выдать недоверия.

Выйдя из библиотеки, они, сворачивая то туда, то сюда, стали спускаться вниз. По мере того как они уходили в глубину Тола, красных плащей попадалось все меньше. Наконец они прошли совсем пустым коридором, который скоро окончился единственной дверью. Джин остановился перед крепкой дубовой створкой, проверил, не видит ли кто, и достал ключи.

Щелкнул замок, дверь плавно открылась на хорошо смазанных петлях. От нее вилась вниз тускло освещенная лестница.

Аша опешила.

– Куда это мы идем?

Джин вновь оглянулся через плечо.

– Об этом месте знают лишь немногие из теней. И у нас, если попадемся здесь, будут неприятности, так что лучше зайдем, – быстро проговорил он и поморщился, распознав на ее лице сомнение. – Ты же хотела узнать, от чего попятился Гил? Ответ там, внизу.

Помедлив всего секунду, Аша кивнула.

На лестнице, закрыв за собой дверь, Джин заметно расслабился.

– Нижний уровень перекрыт, можно сказать, заброшен с начала войны, – стал объяснять он, спускаясь по ступеням. – Одаренных стало так мало, что Совет решил не расходовать на него сил, да и нужды в нем не было.

– Так зачем же мы туда идем? – удивилась Аша.

– Чтобы найти Шадрехина, – улыбнулся Джин. – Прости мне эту таинственность, но показать проще, чем объяснить.

Когда Джин отпер дверь с нижней площадки лестницы, Ашу пробрал озноб. Здесь внизу тоннель, хоть и освещенный полосами сути, был темнее и холоднее. По сторонам виднелись закрытые двери, пыли и грязи не было – в чем явно сказывалось искусство Зодчих, – но в коридорах пахло запусением. Угрюмую тишину нарушало только эхо их шагов.

Несколько минут они шли тусклыми тоннелями; Джин уверенно выбирал дорогу в сплетении коридоров. Аша сомневалась, что сумела бы найти обратный путь. Хоть она и не ждала от Джина ничего дурного, от этой мысли девушке стало не по себе.

Наконец им пришлось остановиться; дорогу перегородила большая дверь. В отличие от других, попадавшихся по пути, эта была из гладкой стали и выглядела невероятно тяжеловесной.

Аша прищурилась. На стали изящными плавными буквами было выгравировано:

Все, чего желал, получил.

Всего, о чем мечтал, я достиг.

Все, чего страшился, подчинил.

*Все, что ненавидел, уничтожил.
Все, что любил, спас.
И вот голова моя никнет в отчаянии,
ибо все, в чем я нуждался, пропало*

– Мы называем это «Плачем победителя», – тихо пояснил Джин, проследив за ее взглядом. – Кто и зачем это написал, никому неизвестно, но мне эта надпись всегда казалась уместной.

Он подошел к створке блестящего металла и приложил к ней ладонь. Несколько мгновений спустя послышался резкий щелчок – и дверь беззвучно отворилась.

Ошеломленная Аша заглянула в проем. Стены нового коридора были темнее стен Тола, почти черные, хотя и их отличала особая гладкость, свойственная работе Зодчих. Здесь не было светящейся сути, а расположенные с равными промежутками факелы уходили вдаль, насколько видел глаз.

Сразу за дверью стояло двое коренастых мужчин, оба тени. Когда дверь открылась, они насторожились и лишь отчасти расслабились при виде Джина.

– А это кто? – подозрительно спросил один, кивнув на Ашу. – Мы не ждали новых людей.

– Это Лисса, я за нее поручусь, – ответил Джин.

Сторожа переглянулись, и первый, пожав плечами, посторонился.

– Отвечаешь за нее, пока Шадрехин не даст добро.

– Отвечу, – Джин подтолкнул Ашу внутрь, мимо мужчин, по длинному коридору. При звуке захлопнувшейся за спиной двери Аша поежилась – ей становилось все беспокойней. Куда бы они ни шли, вернуться будет непросто.

Тоннель наконец вывел их на широкий балкон. Выйдя на свет, Аша остановилась как вкопанная и разинула рот.

Перед ней была огромная пещера. Широкий каменный уступ, на котором она стояла, располагался в добрых сорока локтях от пола. Справа и слева она видела далекие стены, но пространство впереди простиралось без видимого предела. На гладкой черной равнине под ней виднелись основательные постройки и между ними люди. Все это освещалось теплым желтоватым светом, очень ярким после тоннеля с факелами.

Люди под ней – и мужчины, и женщины – были тенями, почти сразу угадала Аша. Пещера гулом разносила их разговоры, смех, оживленную суету. Сбоку тянулся ряд простых домов, несколько еще строились. На просторном полу горели костры.

Все зрелище было странным, но ее взгляд привлек источник света: пульсирующее сияние исходило от толстого столба. Присмотревшись, Аша распознала в нем отрезок трубы, по которому суть непрерывным потоком перетекала от пола к потолку.

– Что, красиво? – пробормотал Джин, заметив, на что она смотрит.

Аша повернулась к нему.

– Что это?

Оглядываясь по сторонам, она едва верила своим глазам.

– Это Убежище, – с гордостью ответил Джин. – Место, где тени свободны и живут, не опасаясь угнетателей. Здесь нам нет нужды раболепствовать из страха перед блюстителями или одаренными. Здесь мы не унижаемся. – Он указал на колонну света. – А это... как я понимаю, он питает Тол Атьян. Дает свет, обороняет, оживляет все, созданное Зодчими. И убивает всех, кроме теней. Вот почему Шадрехин выбрал это место домом.

Аша присмотрелась к оживленному движению внизу.

– Замечательно, – тихо проговорила она.

Джин одобрительно улыбнулся.

– Блюстителям это, конечно, не слишком по нраву – они думают, будто Шадрехин собирает ополчение, готовит удар. Понятно, они ошибаются, но такие, как Гил, этого не знают. Чем

мы иной раз пользуемся. – Все еще ухмыляясь, он направился к лестнице и поманил Ашу за собой. – Я тебя познакомлю, все покажу. Здешний народ тебе понравится – здесь те, кто еще не утратил духа... Иными словами, не уподобился раденам этого мира, – он многозначительно повел глазами.

Аша, припомнив разговор в Толе, вздернула бровь.

– Так Раден знает про Шадрехина и не хочет иметь с ним ничего общего? И со всем этим?

– Да не он один, – с сожалением кивнул Джин. – Когда человек становится тенью... Сказать по правде, чаще всего он просто сдается. Раден и ему подобные ведут жалкую жизнь и держатся так, будто лучшего и не заслуживают. Как будто, если с ними обращаются как с ничтожествами, они ничтожества и есть. – Он холодно пожал плечами. – Так что вместо того, чтобы радоваться Убежищу, они боятся, как бы Шадрехин не настроил против нас блюстителей, не привлек внимания, не сделал жизнь еще тяжелее. Даже если они правы... Судьбы, я считаю, дело того стоит!

Лестница кончилась, и Аша в изумлении принялась оглядываться. Вид сверху не обманул: не будь она выстроена под землей, деревушка не отличалась бы от любого андаррского селения. Стучал невидимый молот – как видно, и здесь шли работы. Не все постройки были жилыми домами; в одной, похожей на школу, несколько детей внимательно слушали мужчину в потертой одежде. Обнаружилась даже непритязательная таверна.

Теперь они оказались ближе к потоку сути, и Аша, выгнув шею, убедилась, что колонна скрывается в потолке пещеры. Отсюда девушка явственно различала свивающиеся в жгуты нити силы, устремляющиеся вверх, словно выброшенные мощным толчком. Чудилось, что такой поток должен оглушительно грохотать, но суть текла совершенно беззвучно.

Опустив взгляд, Аша нахмурилась. У самого основания столба сидел, поджав под себя ноги, человек. Его лицо, скрытое низко надвинутым черным капюшоном, было обращено к пронсящим мимо струям света.

– Что он делает? – спросила она, кивнув на неподвижную фигуру.

Джин помрачнел.

– Он... не из наших, – медленно выговорил он. – Мы не знаем, кто он. Иногда сидит так целыми днями, уставившись в свет. Потом на несколько дней исчезает – порой на неделю или на месяц. Никто не замечает, как он приходит и уходит. – Джин хмуро разглядывал сидящего человека. – Шадрехин зовет его наблюдателем. Сдается мне, Шадрехину о нем известно больше других, но... – он пожал плечами.

Аша нахмурилась.

– Что же, никто с ним не заговаривал?

Джин мотнул головой.

– Никто не выживет, подойдя так близко к свету, даже тень. – Ее провожатый неловко переминался с ноги на ногу. – Лисса, кем бы – или чем бы – он ни был, держись от него подальше.

Аша кивнула и, чуть вздрогнув, оторвала взгляд от закутанной в черный плащ фигуры.

Они двинулись дальше, и вскоре тревожное зрелище скрылось за стенами добротных каменных домов.

– Новенькую привел, Джин?

Повернувшись, Аша встретила искреннюю улыбку. Заговоривший с ними человек был немного старше Джина – старший из знакомых ей теней, может быть, первый, кто не прошел испытания после подписания договора. Незнакомец протянул ей руку.

– Я Парт.

Аша пожала протянутую ладонь.

– Я... Лисса.

На сей раз она почти не запнулась на новом имени.

– Мне сегодня пришлось удерживать Лиссу, когда она с голыми руками бросилась на блюстителя, – с усмешкой поведал Парту Джин. – Я и решил, что она, пожалуй, и нас не испугается.

Парт в ответ улыбнулся покрасневшей Аше.

– Молодец, – похвалил он и со смешком добавил: – Все же, наверное, к лучшему, что Джин тебя остановил. Ты недавно тень, да?

– Около месяца, – кивнула девушка.

Парт сочувственно улыбнулся.

– Дальше легче будет. – Он обвел руками все вокруг. – Тем более что есть кому помочь, и место, где можно от всего этого укрыться.

– Вижу, – покивала Аша. – Так вы решили здесь поселиться?

Парт посерьезнел и покачал головой.

– Особого выбора нам не дали. Видишь парнишку в зеленой блузе, в третьем ряду? – Он показал на группу учеников в школе.

Аша быстро нашла взглядом курчавого малыша не старше четырех лет и кивнула.

– Это мой сын, Сед.

Аша нахмурилась, разглядывая Седу и остальных детей. Ни у кого из них не было меток на лицах.

– Значит, это не передается по наследству? – наконец спросила она.

– *Что-то* нашим детям передалось, раз они могут здесь выжить, – возразил Парт. – А в остальном мы не знаем, да и никто не знает. Вот почему мы здесь. Блюстителю не позволят тень воспитывать не-теней.

– Но ведь он же твой сын, – недоверчиво возмутилась Аша.

Парт безразлично пожал плечами.

– Выбирая между тенью и кем-то – кем бы он ни был, – кто не-тень, блюстителю будут действовать в интересах не-тени, – сказал он. – Помни об этом, и тебе не придется так часто удивляться.

Вздыхнув, он оглянулся через плечо и обратился к Джину:

– Мне надо идти помогать Фесейту, но, если у вас до ухода будет время, загляните к Шане. Может, останетесь пообедать. – Он хлопнул приятеля по плечу. – А если нет, рад был повидаться. И рад с тобой познакомиться, Лисса.

Кивнув обоим, Парт отошел.

Джин, похоже, прятельствовал с большинством обитателей Убежища: их то и дело останавливали ради дружеской болтовни. Выслушивая все новые рассказы, Аша начинала понимать, почему эти тени спрятались под землю. Многие, как и Парт, не хотели разлучаться с детьми. Одна женщина работала в Доме рода Тел'Шан, и ей пришлось спастись от навязчивого внимания младшего сына знатного рода. Другой лишился пальца, когда на улице на него набросился пьяный солдат; после этого тень мигом лишился работы и не мог найти другого места. Кое-кто бежал от вечной ненависти горожан, искал общества своих.

Но теперь все они производили впечатление счастливых людей. И свободных. Наблюдая за ними, Аша поймала себя на зависти.

Прошло время; трудно сказать сколько, но, как ей показалось, несколько часов. Они с Джином добрались наконец до дома Парта. Тот еще где-то ходил, зато его жена Шана, пухлая и веселая молодуха, мигом добилась от гостей согласия пообедать. Скоро все сидели у нее на кухне и болтали в ожидании хозяина.

Аша улыбалась, наслаждаясь и разговором, и уютом; кухня была обставлена небогато, но удобно, и в очаге потрескивали дрова. Ей казалось, она целую вечность не знала тепла и уюта, не радовалась обществу других людей. Не расслаблялась.

– Глава Дома си'Бандин не одобрил нашей дружбы, – рассказывала Шана, стоя спиной к ним, чтобы не отрываться от стряпни. – Пришлось исхитряться как могли. Он пытался привлечь Надзор, но те тогда не особенно заинтересовались. А потом мы...

Она обернулась к ним лицом, круглыми глазами уставилась на что-то за плечом Аши. Горшок выпал у нее из рук, задребезжал по полу, а секунду спустя женщина испустила пронзительный визг. Аша с Джинном подскочили, развернулись к тому, что так напугало Шану.

В дверях стоял человек. Что-то перевернулось у Аши под ложечкой при виде черного плаща и скрывающего лицо капюшона.

Она уже видела этого человека. Наблюдатель!

Раздался шорох – это Шана сбежала через заднюю дверь. Белый как смерть Джин украдкой двинулся в ту же сторону, знаком увлекая Ашу за собой. Та сделала шаг, чтобы обойти стол.

– Стой. – От этого голоса по спине у нее пробежали мурашки. Низкий, шепчущий голос. Старый голос.

Не вполне человеческий.

Существо повернулось к Джину.

– Оставь нас. Я должен говорить с ней.

Джин сглотнул – видно было, как ему хочется исполнить приказ, и все же он мотнул головой.

– Я не могу бросить Лиссу.

– Как хочешь.

Все произошло мгновенно. Черная фигура скользнула вперед – Аша никогда не поверила бы, что можно двигаться так стремительно. Мелькнула из-под плаща рука и в ней – нечто темное, бестелесное. Едва ли не тень, но четкой продолговатой формы. Эфирный клинок.

Клинок скользнул по шее Джина.

Тот недоверчиво уставился на черного человека, тщетно пытаясь зажать зияющую на горле рану. Яркая красная кровь хлестала между пальцев.

Потом он рухнул, захлебнулся воздухом и умер. Аша смотрела, онемев от ужаса, не в силах шевельнуться. Человек в черном плаще – если это был человек, – не замечая больше трупа, обернулся к ней.

– Не убегай, Ашалия Чедрис, – произнес он голосом, от которого у Аши встали дыбом волосы на загривке.

Девушка стиснула зубы и кивнула, опускаясь на прежнее место и отводя глаза от расплывшейся по полу алой лужи.

– Что ты от меня хочешь? – шепнула она, от страха у нее перехватило голос.

– Хочу знать, затем ли ты здесь, чтобы меня убить. Аша моргнула и заставила себя поднять взгляд. Она не видела глаз под капюшоном, но не сомневалась, что взгляд устремлен на нее.

– Нет. – Она медленно покачала головой, сжала кулаки, чтобы не дрожали пальцы. – Нет, конечно. Почему ты так подумал?

– Потому что твое появление обозначает начало. Приближение смерти для всех нас. Таково было видение, – тихо проговорил черный.

Аша сглотнула.

– Что... что значит «для всех нас»?

– Для меня и мне подобных. Четверо охотятся. Один скрывается, не ведая себя. Истинный изменник. Эшерий. – Черный смотрел на нее. – А я наблюдаю.

Снаружи донеслись крики, и человек в плаще поднялся.

– Мне пора. – Наблюдатель подался вперед. – Об одном только прошу: когда придет срок, не заставляй Валир мучиться.

Аша не успела ответить, а он уже скрылся за дверью.

Едва девушка осталась одна, обуздываемый до сих пор страх наконец обрушился на нее. Голова закружилась, ей пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть. Краем глаза Аша видела неподвижное тело Джина, из-под которого расплзалась и расплзалась красная лужа.

Она так и сидела, пока ее не нашли тени.

Глава 10

Вирр перебрал с ладони на ладонь оставшиеся монеты. – Кажется, я придумал, как нам добыть еще, – объявил он, разглядывая полускрытое деревьями село.

Давьян искоса глянул на друга.

– Безопасно?

Вирр сжал монеты в кулаке, обиженно отозвался:

– Разумеется! – и, подумав, добавил: – Более или менее.

– На лучшее я и не надеялся, – вздохнул Давьян. – Выкладывай.

Вирр объяснился. Давьян внимательно выслушал, а когда его друг договорил, ответил не сразу.

– Ужасный план, – отозвался он, поразмыслив. – Они в две секунды сообразят, что дело неладно.

Вирр, распознав колебания в голосе приятеля, поднял бровь.

– Но?..

Давьян неохотно кивнул.

– Но ты прав. Припасы кончаются, нам нужны деньги. – Он встал и отряхнул одежду от сухих листьев. – Идем, познакомимся с местными.

* * *

Давьян напустил на себя самый невинный вид.

Дезриельская таверна в который раз поразила своей обыкновенностью. В ней было светло и весело, отдохнувшие после работы крестьяне и торговцы вели неторопливые беседы. Хозяин без конца сновал по залу, смеялся шуткам завсегдатаев и заводил знакомство с новичками. В углу играл молодой флейтист, и гости хлопками в ладоши поддерживали любимый мотив. По пути через Андарру Давьян с Вирром повидали немало точно таких таверн.

Конечно, кое-что отличалось. Служанки здесь одевались скромнее, чем в Андарре; мужчины в своих ухаживаниях не допускали таких вольностей, как бывало дома. Столы были из необыкновенно твердого белого дуба, произрастающего только в Дезриеле и запрещенного гил'шарами к вывозу.

Еще у двери стояла тарелочка с эмблемой бога Талканара. Вирр настоял, что в нее надо бросить по одной из немногих оставшихся монеток на каждого; по его словам, каждая дезриельская таверна посвящалась одному из девяти богов, и правила хорошего тона – почти закон – требовали от каждого гостя делать пожертвования. Как видно, Вирр не ошибся, потому что хозяин одобрительно кивнул новым гостям.

Давьян не мог оторвать глаз от тарелочки с пожертвованиями. Серебро чуть не через край летит: в Андарре монетки мигом перешли бы в руки какого-нибудь предприимчивого воришки. А здесь – хотя у многих гостей был не слишком почтенный вид – никто и не смотрел на деньги.

– В тарелочке полно монет, – шепнул Давьян Вирру.

– Того, кто обворует бога, ждет мучительная казнь, – ответил тот тоже шепотом.

Они помолчали, рассматривая посетителей. Давьян рассеянно теребил рукав своей рубахи: слишком тесная, чтобы носить в дороге, она сохранилась лучше другой захваченной из Каладеля одежды. А перед тем как войти в село, мальчик искупался в протекающей рядом речушке. Ему надо было выглядеть по возможности прилично.

Наконец Вирр кивнул на одну из компаний.

– Вон те, – понизив голос, проговорил он.

Давьян вслед за ним обернулся к угловому столу. Трое крепких мужчин были одеты лучше других гостей, и рядом с ними оставались пустые места, словно завсегдатаи опасались подходить слишком близко. Все трое сосредоточенно уставились в развернутые перед собой карты.

– Вид у них важный. Да и здоровенные, – с сомнением возразил Давьян.

– Зато одеты богато, – заметил Вирр. – Вряд ли станут поднимать шум из-за проигранного золотого или двух.

Давьян пожал плечами.

– Тебе видней.

Они встали. Вирр задержался, коснулся плеча друга.

– Что бы ни случилось, не теряй хладнокровия. Давьян, слегка обиженный недоверием, хмуρο кивнул. Мальчики направились к столу. Компания, заметив их, умолкла. Один из богато одетых мужчин поднял взгляд от карт, чтобы одарить мальчишек пренебрежительным взглядом. Он, как и двое других, отличался блестящими черными волосами и аккуратной бородкой.

– Чем можем помочь? – спросил он, всем видом показывая, что ничем помогать не намерен.

Вирр кивнул на пустующее место.

– Похоже, вам не мешает четвертый.

Мужчина, оценив возраст говорящего, вздернул бровь.

– Не знаю, кем ты себя вообразил, мальчик, но мы играем между собой. Ступай себе.

Вирр вздохнул, отворачиваясь.

– Так и думал. Заметно, что соперников вы опасаетесь.

Шорох выходящей из ножен стали наполнил комнату, и все разговоры в таверне вдруг смолкли, все глаза обратились на них. Трое мужчин уже стояли, хотя их обнаженные клинки – пока – не угрожали Вирру.

– Может, зря я сразу не сказал. Мы играем в гешетт. Это игра только для пробовавших крови следопытов. – Мужчина наклонился к ним, обнажив в улыбке идеально белые зубы. – Ты как, мальчик, сталкивался когда-нибудь с ошибкой природы? Случалось тебе завалить такого, чтобы больше не встал?

Давьян собрал всю силу воли, чтобы остаться на месте, а не пуститься наутек. «Следопытами» в Дезриеле называли тех, кто в Андарре звался охотником.

А вот Вирр едва ли моргнул хоть глазом.

– Мне не доводилось, – отрезал он, – а вот моему другу случалось.

Давьян очень постарался сохранить невозмутимый вид под скептическими взглядами мужчин. В конце концов тот, что заговорил первым, с издевкой хмыкнул.

– Не верится что-то. Похоже, это его порезали, а не он кого. У него и клинка-то нет. Такой и таракана не убьет.

Остальные поддержали его смешками.

Вирр оскалился, запустил руку в мешок и со звоном швырнул что-то на стол. Опешивший Давьян увидел две оковы, доставшиеся им после охотников в Талмиеле.

– Этот шрам оставил не таракан, – заявил Вирр. Взгляд на оковы стер улыбки с лиц чернобородых.

Они перевели взгляд на мальчика, снова на оковы на столе. В конце концов старший кивнул и, отодвинув оковы обратно к Вирру, обратился к Давьяну:

– Кто тебя учил?

– Брешада. – Едва это имя слетело с языка, Давьян пожалел о сказанном, но было поздно; вопрос застал его врасплох, и ничего другого на ум не пришло. Впрочем, на собравшихся за столом имя охотницы произвело впечатление, да и за другими столиками, стоявшими доста-

точно близко, чтобы подслушивать разговор, тихо зашептались. Теперь на мальчиков смотрели все. Давьяну оставалось только надеяться, что зрителям не придется любоваться внезапной безвременной кончиной двух юношей.

– Брешада? – теперь в голосе чернородого звучало скорее удивление, чем сомнение.

Давьян, скрывая робость, склонил голову.

– Я только на прошлой неделе был у нее в Талмиеле. Прирезали парочку ошибок, настолько тупых, что сунулись в город.

Мужчина еще несколько секунд разглядывал Давьяна, затем кивнул ему на пустующий стул.

– Ученику Брешады Красной всегда найдется место в нашей игре, – не слишком охотно объявил он.

Давьян выдавил улыбку в надежде, что она выражает не облегчение, а надменность, и сел к столу. Остальные гости, поняв, что ничего интересного больше не предвидится, вернулись к своим разговорам, но Давьян заметил, что многие по-прежнему косятся в их сторону.

Про себя мальчик ругал Вирра на все корки. Верный друг ведь и глазом не моргнул. Он заранее знал, что эти люди – охотники, а Давьяну морочил голову, чтобы тот не отступился от задуманного.

Только бы выбраться из этой истории целыми – и он убьет поганца!

Тот, кто говорил за всех, протянул Давьяну руку. – Я Келош, – назвалса он вполне доброжелательно – как видно, поверил. – А это Алтеш и Горрон.

Названные кивнули.

– А я Шаддат. – Давьян заранее подобрал распространенное в Дезриеле имя.

– Керт, – заключил оставшийся стоять Вирр.

Келош оглянулся на него.

– Хочешь сыграть?

Вирр, подсаживаясь к столу, замотал головой.

– Нет, на пятерых выходит слишком короткий кон. К тому же все мои денежки уже у Шаддата, – ухмыльнулся он.

Келош хмыкнул, и все трое одобрительно посмотрели на Давьяна.

– Ну что же...

Он стасовал колоду и стал сдавать.

Давьян, сосредотачиваясь, глубоко вздохнул. Гешетт был простой игрой; Вирр за несколько часов обучил его правилам. Неизвестно правда, как он догадался, во что будут играть эти люди.

– Так вы из Талмиеля, – завязал разговор Келош. – Не слышали, какая беда на севере?

Давьян покачал головой, и Келош, явно обрадовавшись свежему слушателю, продолжал.

– В одной деревне пару недель назад заболел паренек. В Дезриеле уродов не объявлялось десять лет. – Келош скривил губы. – Парень свихнулся. Перебил свою семью и половину деревни.

Давьяну не пришлось изображать изумление.

– Ужасно! – Подумав, он нахмурился. – Погоди. Это как же?

Первая догма не дала бы одаренному, где бы тот ни родился, повредить обычным людям.

Келош сурово кивнул: он явно ждал этого вопроса.

– О том-то все и толкуют.

– Говорят, у него не было метки, – вставил Алтеш. Келош недовольно покосился на приятеля и снова повернулся к Давьяну.

– И я такое слышал, но я, в отличие от моего туповатого друга, верю *не каждой* базарной сплетне. Гил'шары везут его в Триндар для публичной казни, в поучение каждому и все такое, – значит, взяли дело в свои руки. Они бы нас предупредили, если бы следовало высматривать

что-то новое. И все же, – следопыт сжал кулаки, – ходят слухи, что он здешний, так что всем тут не по себе. Меня сегодня трое спрашивали, не собираемся ли мы восстановить посты в Триндаре.

Давьян стиснул зубы, превратив лицо в угрюмую маску.

– Дай Мелдир, чтоб не пришлось восстанавливать, – отозвался он, ввернув в разговор имя дезриельского бога познания.

– За это и выпьем, – подхватил Келош, и остальные одобрительно забормотали.

Давьян, когда разговор заглох, вздохнул с облегчением. Все занялись своими картами. Мальчик повторил в уме правила игры. Каждому сдавалось по десять карт. Игрок или пасовал – отказывался разыгрывать этот кон, – или выкладывал на стол одну, две или три карты рубашкой вверх, называл их общую ценность и ставку. Ценность карт должна была превосходить объявленные прежде.

Когда ставка была сделана, другой игрок мог объявить «геш», становясь «обвинителем» – то есть утверждая, что названная ценность не соответствует истинной. После объявления геша карты открывались. Если первый игрок не солгал, обвинитель выплачивал ему удвоенную ставку. В противном случае игрок не только вкладывал свою ставку в котел, но и платил ту же сумму обвинителю.

Заканчивал кон тот, кто назвал высшую ценность – честно или не попавшись. Он забирал все, что было внесено в котел.

Давьян немного успокоился. Считалось, что в этой игре побеждает тот, кто лучше блефует. В своем умении блефовать он сомневался, а вот другая его способность не оставляла соперникам никаких шансов.

На долю секунды Давьян их даже пожалел.

* * *

Когда Горрон злобно уставился на перевернутые карты, Келош хлопнул Давьяна по спине. – Ты хоть когда-нибудь блефуешь, дружище? – осведомился он, когда Горрон нехотя подвинул к Давьяну два серебряка.

Мальчик толкнул деньги в кучку уже выигранных – за последний час она основательно выросла.

– Только если уверен, что не попадусь, – усмехнулся он в ответ.

Келош разразился хохотом. Выпивка текла рекой, так что здоровяк за время игры изрядно развязался. Давьян был этому только рад. Он, по совету Вирра, играл осторожно – иногда проигрывал, оставлял незамеченными мелкие блефы – и все равно выиграл столько, что хватило бы на два месяца, если не больше. И в другом Вирр не ошибся: Келош с Алтешем хоть и не радовались проигрышам, принимали их спокойно – казалось, мужчин даже забавляет, что их обыгрывает мальчишка.

Горрон был не так добродушен. Признаться, его кучка монет таяла быстрее остальных, в ней теперь осталось всего несколько медяков. Когда пропадут и они, игра закончится. Давьян этого и добивался – и внимательно следил, не прольется ли изо рта Горрона темная струйка. Мальчик хоть и успокоился немного, все же спешил оказаться подальше от этих людей.

– Брешада, как видно, не только следопыт, но и учитель что надо, – проворчал Горрон, глядя, как его монеты смешиваются с выигрышем Давьяна.

– Восьмерка. Три медяка, – объявил Алтеш, выкладывая на стол одну карту, и взглянул на Давьяна. – Расскажи-ка нам про Брешаду, Шаддат. Верно ли говорят про Шепот?

Давьян подавил панику. До сих пор за игрой мало говорили – карты занимали все внимание игроков. И вот ему задали вопрос, на который у него нет ответа. Что еще за Шепот?

– Не знаю. А что говорят? – небрежно бросил он и выложил лицом вниз две карты. – Две двойки. Серебряк.

Теперь, когда у него были деньги, Давьян каждый раз ставил по серебряной монете. Не так много, чтобы жалеть, если проиграет, и достаточная добыча для объявившего ему геш. Келош верно заметил: мальчик либо играл честно, либо пасовал. Так он в любом случае зарабатывал. Ловчить не было смысла.

Келош фыркнул.

– Да знаешь ты эти байки. Мол, кто им владеет, тот недосыгаем ни для уродов, ни для самих богов. Одно касание Шепота крадет душу, а клинок делает крепче. Всякое такое. – Он уставился на свои карты. – Две семерки, шесть медяков.

Давьян колебался. О картах Келош солгал, но сейчас ему было не до того: он вспоминал ту ночь в Талмиеле, когда их спасла молодая девушка. Вспоминал, как умерли охотники.

– Насчет души не знаю, – тихо проговорил он, – но стоит ему тебя коснуться – и ты мертвец. Мгновенно. Я своими глазами видел.

Несколько секунд за столом почтительно молчали, потом Горрон фыркнул.

– Чего ж не поверить! – он со злостью мотнул головой. – Три восьмерки.

Давьян приготовился. Горрон солгал – наконец-то игре конец.

Однако Горрон, вместо того чтобы назвать ставку, встал и расстегнул пояс с ножнами. Вытянув меч, он положил на стол и клинок, и ножны. Оружие было красиво: изящный изгиб, тонкой работы серебряные накладки на рукояти. Однако оно выглядело не просто нарядным. Это был меч искусного бойца.

– Одна рукоять стоит вдвое против всего, что есть на столе, – заявил игрок. – А клинок, убивший тысячи еретиков и уродов, ему цены нет.

Келош не скрыл удивления.

– Ты ставишь на кон Убийцу? Чего ради? – он почесал в затылке. – Мы же по-дружески играем, Горрон.

Тот помолчал, потом оскалил зубы.

– Я не собираюсь еще раз проигрывать ему, Келош. – Он мотнул головой в сторону Давьяна. – Мне нет дела, у кого он учился и сколько уродов убил. Ты на него посмотри – младенец же! – Горрон прожег мальчика взглядом. – Не верится мне, что он знает, за какой конец держат меч. Пусть-ка попробует его выиграть!

Келош пожал плечами.

– Твое дело, Горрон, – бросил он, взглядом извинившись перед Давьяном. И оглядел игроков.

– Кто-нибудь объявит геш?

Давьян видел, как мотнул головой Вирр. Ясно было, что Горрон любит свой клинок, «убивший тысячи еретиков и уродов». Мучивший его весь вечер страх вдруг сменился обжигающим гневом. Эти люди убивали одаренных. Убивали таких, как он, как Аша и Вирр. И гордились этим!

– Геш, – тихо произнес он.

Горрон вздрогнул так, словно Давьян его ударил. Мальчику было что терять – и только дурак мог допустить, что Горрон блефует на такой крупной ставке. Келош взглянул в лицо своему приятелю и застонал.

– Может, найдем, чем расплатиться вместо...

Слова Келоша заглушил яростный вскрик Горрона. Давьян опомниться не успел, а охотник, выхватив из-за пояса кинжал, уже рванулся к нему.

Время замедлило ход.

Ярость на лице Горрона яснее ясного сказала Давьяну, что удар будет смертельным. Не вставая с места, он сдернул со стола Убийцу и отчаянным движением заслонился клинком.

Кончик меча вошел охотнику в грудь.

Вошел легко, Давьян никогда бы не подумал, что металл так легко пронзает плоть. Горрон замер, кинжал выпал из его руки и зазвенел по полу. Отшатнувшись, охотник тупо взглянул на Давьяна, потом закашлялся, и изо рта у него хлынула кровь.

А потом он закатил глаза и рухнул. Алтеш бросился к другу, и Давьян заранее понял, что он скажет.

– Мертв! – выдавил обомлевший Алтеш. В таверне стало тихо: все взгляды метались от тела на полу к окровавленному клинку, который Давьян так и не выпустил из рук. Мальчик опустил меч.

Келош пристально взглянул на него.

– Впервые вижу, чтобы кто-то был *так* проворен, – наконец заговорил охотник, боязливо понизив голос. – Ты делаешь честь Брешаде, Шаддат.

Вздыхнув, он покачал головой и, покосившись на неподвижное тело Горрона, кивнул на стол.

– Тебе и твоему другу лучше уйти. Забирай выигрыш. Со стражей я разберусь. Скажу им, что это дело между следопытами, и все уладится. Лучше им не видеть, как ты молод, – меньше шума будет.

Давьян молча кивнул – у него пропал голос. Они с Вирром поспешно сгребли в кошельки горки монет.

Никто не успел заступить им дорогу – мальчики вышли за дверь и затерялись в ночи.

* * *

Через четверть часа бега запыхавшийся Вирр поднял руку, и мальчики остановились. – Похоже, погони нет, – заговорил Вирр, глотая воздух. – Наверное, можно...

Его речь оборвалась криком боли, потому что кулак Давьяна врезался ему в нос.

– Судьбы, ты что себе думаешь? – прошипел Давьян, вложив в слова столько яду, сколько осмелился, не поднимая шума. – Ты же знал! Знал, что они охотники, и послал меня прямо им в лапы. Хуже того, меня не предупредил! – Его друг хотел было встать на ноги, но Давьян, шагнув вперед, еще раз врезал ему по носу, добившись нового стона. – Это тебе не игрушки, Вирр. Мы там могли погибнуть!

Вирр больше не пытался подняться и снизу вверх уставился на друга.

– Дав! – он завозился в грязи, но Давьян снова угрожающе шагнул к нему. – Извини...

Разглядев друга – ошеломленного, сбитого с толку, *избитого*, – Давьян почувствовал, как злость отступает, оставляя за собой то чувство, которое пыталась прикрыть собой.

Стыд.

Он упал на колени рядом с Вирром и только теперь заметил, что дрожит всем телом.

– Я его убил, Вирр, – зашептал мальчик. – Я просто схватился за меч, а он...

Вирр, поняв, что друг больше не сердится, подвинулся к нему, сел рядом и осторожно потрогал пальцем нос.

– Ты не виноват, Дав, – заговорил он. – Он хотел тебя убить, как убивал других одаренных. Вспомни, кем он был.

Давьян смотрел в землю, буря в душе сбивала его с мысли.

– И это меня оправдывает?

Вирр прикусил губу, помолчал немного.

– Иначе нельзя было, Дав. Так же, как в Талмиеле, – наконец сказал он.

Давьян перекосило.

– В Талмиеле хоть не я держал меч.

– Значит, другим можно тебя спасти, лишь бы тебе самому не пришлось?

Давьян пальцами взъерошил себе волосы.

– Не знаю, Вирр, – признался он. – Просто я как будто... испачкался. Очень мне тошно. Как будто я сделал величайшую в жизни ошибку, а исправить уже нельзя.

Вирр не нашелся, что сказать, и просто кивнул. Они сидели молча, пока Вирр не прокашлялся.

– Я должен был тебе сказать. Но ведь ты бы ни за что не согласился...

Давьян набрал воздуха в грудь. Молчание позволило ему собраться с мыслями, оттеснить сделанное на задний план.

– Откуда ты знал, кто они? И – судьбы! – почему ты именно их выбрал?

Вирр поморщился.

– В гешетт играют охотники, – объяснил он. – Говорят, что умение распознать ложь помогает в их ремесле. Они только в эту игру и играют, Дав, а другим в нее играть не дозволено. – Он пожал плечами. – Твоя способность не настораживает щупы и не подпадает под догмы. Я не придумал другого способа раздобыть денег.

Давьян скрипнул зубами. Объяснение звучало разумно, хотя им несказанно повезло, что ни один из охотников не додумался проверить мальчиков щупом.

– Только... В следующий раз говори мне все. Я, как понял, кто они такие, едва наутек не бросился.

Вирр слабо улыбнулся и взвесил на руке зазвеневший кошель.

– Учитывая обстоятельства, Дав, ты отменно справился.

Давьян, вопреки всему, тихонько рассмеялся.

– У меня из головы не шло, какое будет лицо у Брешады, когда ей расскажут, что я ее именем одурачил «братьев».

– Сердитое, – подмигнул Вирр. – Оно представляется мне сердитым.

Давьян улыбнулся, и малая толика боли – худшая ее часть – чуточку ослабла. Встав, он протянул Вирру руку. Тот, чуть помедлив, принял ее и позволил Давьяну поднять себя на ноги.

– Ты мне, по-моему, нос сломал, – буркнул он, вытаскивая из кармана платок. Промокнул нос и поморщился, взглянув на пятно крови.

– По заслугам, – отрезал Давьян.

– И то верно, – вздохнул Вирр и задумчиво взглянул на друга.

– Дав... Мне надо спросить. Как ты это сделал?

– Что сделал? – не понял Давьян.

– Во имя судеб, как можно двигаться с такой скоростью? Вот ты сидишь на месте, а вот меч уже торчит из Горрона. Я не сомневаюсь в твоём проворстве, но это было... – он покачал головой, – что-то другое.

Давьян взглянул на меч, оставшийся в его руке. Вытащил клинок из ножен, взвесил, восхищаясь балансом и чистотой линии.

– Он зовется Убийцей, – напомнил мальчик. – Раз у него есть имя...

– Охотник просто хотел придать себе важности! – фыркнул Вирр. – Будь это меч с именем, как у Брешады, мы бы сразу поняли.

Давьян кивнул: Вирр говорил дело. В Шепоте он сразу что-то почувствовал, еще не видя, как он убивает. Раньше, слыша имена мечей, он не находил в них особого смысла. Но повидав Шепот в деле, понял, что точнее его не опишешь.

А вот имя «Убийца» мечу не подходило. Красивый клинок – очень красивый, но... Вирр прав. Без необычных свойств.

Давьян забросил меч в придорожную траву. Сколько бы ни стоил клинок, он не желал иметь с ним ничего общего.

Вирр хотел возразить, но вздохнул и покивал.

– Если дело не в мече, то... Я не знаю, – признался наконец Давьян. – Мне-то показалось, что все происходит очень медленно. Я просто схватил меч и... – Он сбился, от воспоминания о том мгновении ему едва не стало дурно. Глубоко подышав, чтобы сдержать рвоту, мальчик продолжил: – Не могу я этого объяснить, Вирр.

Тот хмыкнул.

– Так или иначе, это тебя спасло. Возможно, – кисло добавил он, – спасло нас обоих. Я чуть не попытался остановить их сутью.

Давьян тихо присвистнул.

– Догма догмой, а это было бы любопытно.

– Ты не представляешь насколько, – отозвался Вирр, обращаясь скорее к самому себе. И огляделся. Ночь была ясная, и хотя луна еще не взошла, звезды давали достаточно света, чтобы разглядеть дорогу. – Надо нам двигаться дальше. Чем дальше уйдем до рассвета, тем лучше.

Они прошли немного молча. Ночная тишина отчасти успокоила звенящие нервы Давьяна.

Вирр вдруг кашлянул.

– Знаешь, – с запинкой вымолвил он, – мне правда жаль.

– Знаю, Вирр, – кивнул Давьян. – Все в порядке. Пройдя еще немного в тишине, Давьян потер озябшие ладони. От этого движения у него задрался рукав, открыв взгляду тщательно замазанное пятнышко на предплечье.

– Удивительные вещи рассказывал Келош, – от нечего делать заговорил он. – Как ты думаешь, правда, что появился одаренный без метки? Может, так далеко от Андарры...

– Нет, – покачал головой Вирр. – Я читал, что метка есть у всех одаренных до самой Восточной империи. Когда были созданы догмы, многие страны едва не объявили нам войну. Возмутились, что Андарра навязала законы, которым вынуждены подчиняться и некоторые из их граждан... Но, конечно, раз их одаренные не могли участвовать в сражении, им не хватило сил. – Вирр поддал ногой подвернувшийся камушек. – Знаешь, что интересно? Гил'шары больше всех возмущались подписанием договора; они считали, что ревнителю могли выжать больше. А в конечном счете они выиграли больше всех. Их армия никогда не полагалась на одаренных, поэтому ничего и не потеряла, и они теперь сильны как никогда.

Давьян кивал, хотя слушать перестал едва ли не с первой фразы. Политикой увлекался Вирр, а не он.

– Жаль, – заметил он. – Пусть даже кругом щупы, все равно свобода от догм была бы нам полезна.

– Это чем же? – нахмурился Вирр.

Давьян поднял бровь.

– Прежде всего для защиты. И еще, ты мог бы при помощи дара стянуть несколько монет, не рискуя жизнью. Чтобы очистить несколько карманов, много сути не надо – можно было бы справиться, не потревожив щупы.

– Пожалуй, – с неохотой признал Вирр.

Давьян удивленно взглянул на друга.

– А ты против?

Вирр пожал плечами.

– Просто мне не нравится мысль обворовывать людей с помощью нашего дара.

Давьян всмотрелся в его лицо – не шутит ли?

– А мы сейчас что сделали?

– Те люди сами решили рискнуть деньгами, – покачал головой Вирр. – Положились на то, что ты не сумеешь распознать ложь, и проиграли. Понимаю, тут тонкая грань, но разница все же есть. – Он вздохнул. – Я не против, Дав, особенно по части самозащиты. Но нам стоит быть осторожнее в своих желаниях.

Давьян насупился.

– Эти дезриельские, дай им волю, вздернут нас на первом же дереве. А нам должно быть стыдно поживиться их монетой? И не ты ли только что оправдывал меня за убийство одного из них?

– Там ты был не виноват, – напомнил Вирр. – Ты убил охотника, убийцу, к тому же защищая свою жизнь. А сейчас заговорил о том, чтобы при помощи дара обворовывать простых людей. Понимаю, деньги нам нужны, но все равно это было бы преступлением, Дав. До войны авгуры позволяли одаренным брать верх над другими при помощи сути, тоже «при нужде». Говорили, что Андарре это на пользу. И смотри, к чему это привело.

Давьян покачал головой, удивляясь, куда свернул разговор.

– Так ты... считаешь договор справедливым?

Он совсем запутался. Ученикам запрещалось обсуждать договор; а поскольку Тален всегда был где-то рядом, они с Вирром никогда не касались этой темы. Да и зачем бы? Разве не каждый одаренный мечтал покончить с договором и догмами?

Вирр покачал головой.

– Нет, конечно, – чуточку виновато ответил он. – Но, будь у тебя шанс отменить все догмы или некоторые, как бы ты поступил?

– Отменил бы все, – без запинки заверил Давьян.

– Правда? – Вирр вздохнул. – А тебе не кажется, что некоторые ограничения в использовании дара не мешают?

– Например?

Вирр пожал плечами.

– Существует четыре догмы. Возьмем первую: не вредить и не препятствовать неодаренным при помощи дара. Что здесь плохого?

– То, что она не дает нам защитить себя, – отозвался Давьян. – Знаю, считается, что она просто уравнивает нас с обычными людьми, но ведь одаренных *ненавидят*. На нас никогда не бросаются по одному – всегда толпой.

Его рука сама потянулась к шраму на щеке.

– Верно, – Вирр немного смутился, почувствовав, что касается болезненного места. – Ну, а если бы догму изменили, позволив одаренным применять дар для самозащиты?

Давьян задумался. Хотел сказать, что этого мало, но, поискав доводов, не нашел ни одного.

– Наверное, это будет правильно, – неохотно признал он.

Вирр покивал.

– Вторая догма: не использовать дар для обмана, устрашения и вообще в ущерб неодаренным. Что с ней не так?

– Она не позволяет нам ничего украсть.

– Да что ты говоришь? – закатил глаза Вирр.

Давьян немного подумал и со вздохом проговорил:

– С ней та же проблема, что с первой, слишком общая. Я не могу использовать дар, чтобы скрыть кражу, – это справедливо. Но не могу и спрятаться, если за мной гонятся, чтобы убить только за то, что я одаренный.

Вирр одобрительно кивнул.

– Этот недостаток будет в основном исправлен изменением первой догмы.

– Ты много об этом думал? – улыбнулся Давьян. Вирр дернул плечом:

– Не зря же я изучал политику.

Давьян на ходу взглянул на звездное небо.

– Тогда давай считать, что третью догму надо оставить как есть хотя бы ради нашей защиты: что блюстителю и одаренные не могут причинять друг другу вреда, ни телесного, ни иного. А что бы ты изменил в четвертой?

– Четвертую, по-моему, можно бы вообще отменить, – признался Вирр. – Пока действуют первые три, не вижу причин, почему мы вынуждены повиноваться блюстителям. Нам не нужны надсмотрщики.

Давьян кивнул, радуясь, что хоть здесь они с другом сошлись во мнениях.

– А сам договор? Изменить все андаррские законы?

– Некоторые тоже придется пересмотреть, – пожал плечами Вирр, – но есть и разумные сдержки и противовесы.

– Ты не считаешь, что нам следует вернуть власть? Вирр ответил ему спокойным взглядом.

– Я сильнее и проворнее обычного человека. Я могу днем работать за пятерых и ночью, подпитываясь сутью из своего тайника, продолжать работу вместо сна. Если ничего не случится, я проживу лет на двадцать дольше большинства людей. Стану ли я от этого хорошим правителем или хотя бы лучшим, чем тот, кто даром не обладает?

Давьян молчал. Он видел, что Вирр прав, но тем досаднее ему было. Почему-то прежде мальчик никогда об этом не задумывался. В школе просто считалось, что договор плох, что одаренных лишили законного места в жизни.

Наконец он со вздохом признал:

– Ты прав. Страшно подумать, что будет, дай тебе власть! – он коротко улыбнулся другу и продолжал: – Впрочем, это все не важно. Насколько я понимаю, создавший догмы сосуд позволяет изменить их только согласным усилием короля Андраса и одного из одаренных. А король Андрас – всем известно – ни за что не доверится одаренному.

– Верно, – кивнул Вирр. – Но это интересное упражнение для ума.

Давьян склонил голову, сообразив, что разговор этот наконец-то заставил его забыть о недавних событиях.

– А твоя шкатулка еще светится? – снова сменив тему, спросил Вирр.

Давьян почти забыл о сосуде. Достав его из кармана, он чуть не ослеп от сверкнувшей в темноте вспышки. За последние дни он не раз видел светящийся символ, но свечение было нестойким и быстро гасло, не позволяя толком рассмотреть рисунок. Только этим утром линии засветились ярче и ровнее, хотя по-прежнему только с одной стороны.

Давьян медленно повернул шкатулку. Волчья морда высветилась на другой грани. Мальчик снова повернул ее, как было. И снова загорелась первая.

– Ты и теперь не видишь? – спросил он Вирра.

– Нет. – В голосе Вирра звучала тревога. Давьян понимал друга. Свечение, несомненно, вызывалось сутью, а значит, не могло быть видимым для одного Давьяна.

Тот повернул коробочку по другой оси – свечение перешло на новую грань. Мальчик обвел рисунок пальцем. Что это: головоломка? Подсказка, как открыть шкатулку? Он осторожно потряс ее: как и раньше, внутри ничего не сдвинулось. Она либо пустая, либо сплошная, либо то, что лежит внутри, плотно упаковано.

Давьян постучал пальцем по грани с символом. Она была теплой на ощупь, а кончик пальца, соприкоснувшегося с металлом, тонул в белом сиянии. Но, кроме тепла, он ничего не почувствовал. Ничто не выдавало назначения этой вещицы.

С досады мальчик подбросил кубик вверх, и тот закрутился в воздухе так, что грани слились перед глазами.

Поймав шкатулку, Давьян нахмурился. Если не померещилось...

Он снова подкинул ее, еще выше, и раскрутил так, что кубик стал казаться цилиндром. И, подхватив, ухмыльнулся от волнения и подкинул снова. Зародившаяся в голове смутная мысль быстро разрасталась в уверенность.

Он еще раз подкинул кубик и расхохотался.

Вирр, беспокойно прищурившись, наблюдал за другом.

– Ты... здоров, Дав?

– Лучше того, – торжествующе выкрикнул тот, – я понял, куда нам надо!

Глава 11

– Уверен? – Вирр не сумел скрыть сомнений.

– Я-то? – Давьян всем видом изображал уверенность, хотя за прошедшую ночь ее основательно поубавилось. К этому перекрестку они шли все утро. Отсюда дорога на север привела бы в Триндар. Если же, согласно догадке Давьяна, выбрать восточную дорогу, они попали бы в Малакарский лес, в самую глушь.

Бронзовый кубик был путеводителем. Наверняка. Давьян читал о них много лет назад: настроенные друг на друга, такие сосуды играли роль компаса, всегда указывая один на другой.

Мальчик повертел в руках шкатулку. Как ни поворачивай, волчья морда зажигалась на той грани, что указывала на восток. Все складывалось: Илсет ведь сказал, что, когда придет время, она приведет его к сиг'нари. Так и *должно* быть!

Вот только, как напомнил Вирр, искусство изготовления путеводителей утрачено столетия назад. Это обстоятельство – в сочетании с неспособностью Вирра увидеть свет – сильно беспокоило Давьяна.

Мальчики долго выбирали путь. Наконец Вирр чуть заметно пожал плечами.

– Я тебе доверяю, – сказал он, и в его голосе не было ни насмешки, ни колебаний.

Давьян ответил ему благодарным взглядом, и мальчики молча двинулись на восток.

* * *

Дорога к Малакарскому лесу оказалась куда тише той, по которой они шли в последние дни, и от этого напряжение, сводившее Давьяну лопатки, стало ослабевать. Погода стояла ясная и не слишком жаркая, и они с Вирром шли хорошим шагом. Молчание не тяготило друзей. От нечего делать мальчик снова задумался, как приняла их уход Аша. За эти недели Давьян часто вспоминал о ней, и всякий раз ощущал укол вины, представляя, как метался бы в тревоге на ее месте, как обижался бы на бросивших ее друзей. Давьян задумался, чем она сейчас занята: наверное, на уроке, если после ухода атьянских старших жизнь вернулась в прежнюю колею.

Он вздохнул про себя. Как ни скучай по подруге, все же хорошо, что она осталась в Каладеле, подальше от опасностей, подстерегавших его и Вирра.

Давьян огляделся. Они подходили к опушке Мала-кара: открытые поля сменялись высокими толстыми деревьями. Скоро дорогу накрыли листовые своды, сквозь которые пробивались лишь редкие солнечные лучи. И все равно лес казался веселым и просторным – не то что встречавшиеся им до сих пор зловещие заросли. Деревья росли свободно, подлесок был редким и не мешал видеть, что вдалеке.

Пока мальчики дружески болтали, солнце собралось уйти за горизонт, и тут Давьян, нахмурившись, резко остановился. Вирр ушел еще на несколько шагов вперед и только тогда заметил, что друг отстал.

– Уже запыхался?

Покачав головой, Давьян полез в карман и чуть не отдернул руку от жара. Он осторожно достал шкатулку. Она была горячее, как раскаленный на солнце камень: держать можно, если не сжимать пальцы и перекидывать из руки в руку.

Держа кубик на отлете, мальчик осмотрел его со всех сторон. Свечение стало таким ярким, что поглотило знак волка.

– По-моему, где-то рядом, – сказал он.

Вирр озабоченно присмотрелся.

– Тебе виднее, – вздохнул он. – Указывает по-прежнему на восток?

Давьян, прищурившись, кивнул.

– Тогда, думаю, надо идти дальше, пока не покажет другого.

Они шли еще несколько минут. Бронзовая шкатулка обжигала теперь даже сквозь ткань штанов. Давьян подумывал, не попросить ли Вирра понести сосуд вместо него, когда, свернув за поворот дороги, мальчики остановились как вкопанные.

Впереди, на прогалине у самой обочины, стояли лагерем солдаты в мундирах Дезриеля. На первый взгляд – около десятка, и у каждого на запястье многозначительно поблескивал щуп. Двое подняли головы и заметили парней.

– Не останавливайся, – тихо бросил Вирр. – Теперь уж только хуже будет, если показать, что боимся.

Давьян усилием воли приказал ногам шагать вперед. Им уже приходилось видеть дезриельских солдат, но не так близко и уж точно не в таком количестве. У него пересохло во рту, озноб странно сочетался с выступившим на теле потом. Он не сомневался, что кровь отлила от лица, но дышать старался ровно и понемногу взял себя в руки. Солдаты глядели на путников, но остановить не пытались. Вот и хорошо. Главное – не задерживаться.

Вирр, проходя мимо, приветливо помахал солдатам, и те вежливо ответили, уверившись, как видно, что прохожих можно не опасаться. Перетрусивший Давьян невольно дивился самообладанию друга. Тот выглядел как ни в чем не бывало – шел небрежной походкой, словно радуясь вечернему теплу.

К счастью, до следующего поворота было не больше ста шагов. Через минуту солдаты потеряют их из вида.

Едва скрывшись за углом, мальчики остановились. Давьян уперся ладонями в колени, медленно, протяжно выдохнул и чуть не рассмеялся от охватившего его облегчения. Вирр тоже перевел дыхание и протянул к Давьяну руку. Пальцы дрожали.

– Ты отлично держался, Дав. – Вирр больше не притворялся, и стало заметно, что трясет его не меньше, чем Давьяна. – На вид казалось – счастлив их видеть.

– Я-то? – засмеялся мальчик. – Я бы сбежал, поджав хвост, если бы ты не сохранил голову на плечах. – Он болтал как пьяный и не мог остановиться. – Я бы давно дал деру, а ты шествуешь себе, будто хозяин этого Элом клятого леса.

Он потер щеки, сдерживая безумный смехок.

Вирр хлопнул его по плечу.

– Ну, как бы то ни было, всё позади.

Далеко не сразу мальчики пришли в себя настолько, чтобы двинуться дальше. Но не прошло и минуты, как Давьян снова остановился. Что-то было не так: сосуд в кармане стал остывать.

Встревоженный, он достал кубик и присмотрелся к бронзовым граням. И застонав, принялся вертеть его в руках в тщетной надежде, что ошибся.

– Что такое? – спросил Вирр.

Давьян прикусил губу.

– Показывает обратно.

– К солдатам?

Помедлив, Давьян кивнул.

– К солдатам.

Вирр разразился затейливыми ругательствами, каких Давьян прежде от него не слышал. Потом несколько раз глубоко вздохнул, чтобы собраться с силами.

– Ну конечно, – сказал он.

* * *

Ктому времени, как мальчики снова увидели солдат – на сей раз из укрытия, – солнце село, оставив на небосклоне лишь тусклую розовую полосу.

До лагеря было не больше сотни шагов, но вечерние тени скрывали их; главное было обойтись без резких движений. Давьян, растянувшись на земле, вглядывался в аккуратно разбитые палатки. Солдаты болтали и пересмеивались у костра, только двое часовых сидели между огнем и дорогой спинами к свету.

Ближе к костру, но тоже на отшибе, сидел у маленькой крытой телеги еще один человек. Давьян видел, как он заглянул в оконце в передней части навеса, что-то тихо проговорил и плюнул внутрь. Наблюдавшие за ним солдаты только расхохотались.

Судя по их поведению, никто не опасался нападения. Часовые метали кости и лишь изредка поглядывали, не видно ли движения на дороге. Человек у телеги дремал под разговоры товарищей и только иногда, встрепенувшись, вставлял слово-другое.

И все же походило на то, что сторожить будут всю ночь. К чему бы ни влек Давьяна путеуказатель, добыть это будет нелегко.

Рядом шевельнулся Вирр.

– Что ты высматриваешь? – шепнул он. – Не могу поверить, чтобы сиг'нари водили компанию с этим сбродом.

– Сам не знаю, – признался Давьян и нахмурился, обводя лагерь взглядом. Он почти не сомневался, что путеуказатель вел его именно сюда – тепло снова усилилось, едва мальчики повернули обратно. Неужели среди дезриельских солдат действительно скрывается сиг'нари? Или пара к его путеуказателю как-то попала в руки этих людей? Давьяну даже думать не хотелось, что он будет делать, если сосуд найден или украден солдатами.

Вирр снова шевельнулся, отвел от лица ветку.

– Может, в фургоне? – предположил он.

Давьян прищурился, всматриваясь. Фургон был крепко сбит, основательнее обычной телеги, и вместо полотняного навеса накрыт толстыми досками, так что походил на поставленный на колеса ящик. Без окон, если не считать узкой прорези спереди, в которой под светом костра поблескивали прутья прочной решетки.

Потом Давьян заметил прибитую поперек двери деревянную балку, явно предназначенную, чтобы тот, кто находился внутри, не мог выйти.

– Ты прав, – проговорил он, кусая губы. – Должно быть, тот, кого мы ищем, заперт в фургоне.

– Замечательно, – буркнул Вирр, не оспаривая догадки друга – видно, и сам пришел к тому же выводу. – Раз уж мы так далеко зашли, попробуем вытащить?

Давьян еще раз взглянул на вооруженных солдат.

– Давай попробуем, – нехотя согласился он.

* * *

Несколько часов они выжидали, перешептываясь только при необходимости. Наконец солдаты стали понемногу перебираться от костра в палатки, а вскоре за ними ушли и двое, наблюдавшие за дорогой. Костер прогорел до углей, и даже их притоптал последний уходивший солдат. На лагерь легла тяжелая тишина, нарушавшаяся изредка только бормотанием часового у фургона.

– Кажется, нападения они не слишком опасаются, – тихо проговорил Давьян.

Вирр кивнул.

– Это же дезриельские солдаты. Вряд ли в округе найдется такой отчаянный разбойник, чтобы выступил против гил'шаров.

Давьян нервно потирал руки.

– Так что будем делать?

Вирр покусал ноготь.

– Пожалуй, подкроемся к часовому, оглушим и попробуем забраться в фургон, пока остальные не проснулись, – предложил он далеко не так уверенно, как хотелось бы Давьяну. – А потом исчезнем в лесу.

Давьян поморщился.

– А с помощью дара ты не мог бы... уменьшить риск?

Вирр покачал головой.

– Я об этом думал, но не получается. Первая и вторая догмы не дадут мне им повредить, связать или хотя бы усыпить. Разве что дверцу фургона смогу быстро открыть, если понадобится.

– Если до этого дойдет, плохо наше дело, – крикнул Давьян. – Нам надо успеть уйти подальше.

– Малакар – большой лес, – утешил его Вирр, – и следы я сумею скрыть. Вывернемся, если они сразу не повиснут у нас на пятках.

Давьян отрывисто кивнул, соглашаясь, но на темный лагерь смотрел без особой надежды. Впрочем, если они сумеют добраться до сиг'нари, выход непременно найдется.

Без дальнейших обсуждений мальчики стали пробираться в обход поляны. Давьян сжимался от каждой подвернувшейся под ногу сухой ветки. Скоро они подобрались к фургону, насколько сочли безопасным, шагов на пятьдесят. Лагерь был одет темнотой: месяц в эту ночь был с ноготок, да и его то и дело скрывали облака. На фоне темного леса очертания фургона, палатки и часового едва проступали.

Вирр глянул на Давьяна, и тот кивнул, стараясь не замечать, как колотится у него сердце. В палатках, должно быть, все уже уснули. Если начинать, то сейчас.

Медленно, пригибаясь, они подобрались к фургону сбоку, с той стороны, куда не смотрел сторож. Толстый сук Вирр приготовил заранее: сжимая его как дубину, он обогнал друга и скользнул за угол фургона. Раздался треск, за ним глухой удар.

Давьян осторожными шагами догнал Вирра, и с полминуты оба стояли, затаив дыхание, – вслушивались, не прозвучит ли из палаток крик тревоги. Все было тихо.

Давьян кивнул Вирру и легкими шагами пошел дальше. Не глядя на бесчувственного часового, он принялся осматривать дверь.

Засов был тяжелым, но простым. Еще раз опасливо оглянувшись на палатки, Давьян ответил на вопросительный взгляд Вирра успокоительным жестом. Пока можно было обойтись без сути.

Чуть дыша, он сдвинул задвижку и снял запиравшую дверь тяжелую балку. Петли были смазаны маслом: напрасно мальчик боялся скрипа. Открыв дверцу, он подтянулся и заглянул в темное нутро фургона.

Снаружи было темно, а внутри – непроглядно. Давьян всматривался, задыхаясь от шедшей изнутри вони. Чтобы не удариться головой, ему пришлось скрючиться вдвое, а потом и встать на колени – чтобы тут же отшатнуться от влажного пятна на полу. Наморщив нос, мальчик уговаривал себя, что это просто вода.

Наконец он рассмотрел примостившегося у дальней стены человека. Когда тот шевельнулся, стало ясно, что пленник не спит, а наблюдает за ним.

Давьян подполз к нему.

– Я тебе помогу, – шепнул он. – Меня прислал Илсет Тенвар.

Последовала долгая пауза, потом пленник снова шевельнулся, и у Давьяна захолонуло сердце: зазвенели цепи. Мгновенно, насколько это возможно на четвереньках, развернувшись, он выглянул наружу. В лагере все еще было тихо.

Выбравшись из фургона, мальчик прокрался к лежащему на земле сторожу и поспешно обшарил его. Когда под рукой звякнули ключи, он выхватил их из кармана солдатского мундира и бросился обратно.

Глаза уже немного привыкли ко тьме, и его потряс вид человека, которого они пытались спасти. Все его лицо было изуродовано синяками и ссадинами, один глаз заплыл, губы были разбиты – и не одним ударом. Запекшаяся кровь из более старой раны стекла от левого виска на шею и разорванную в клочья рубаху. Сквозь дыры виднелись синяки и на теле, а на левой руке тускло поблескивала окова. Дышал пленник с трудом, но за спасителем наблюдал внимательно и, во всяком случае, был в сознании. Пока они рассматривали друг друга, рука Давьяна нащупала сосуд в кармане, пальцы скользнули по грани шкатулки. Мальчик замер. Рядом с браслетом кандалов на правом запястье незнакомца возникло свечение – сразу погасшее, но очень заметное в темноте.

Давьян снова тронул сосуд и нахмурился, но не потому, что шкатулка по-прежнему обжигала пальцы. Опять та же вспышка. Он наклонился ближе и, прежде чем свет погас, кивнул самому себе.

На запястье пленника тонкими линиями была вычерчена та же волчья морда. Несомненно, это тот, к кому его послали.

На кольце висели всего три ключа, а подошел к кандалам уже второй. Замок, громко щелкнув, открылся, и Давьян уловил на лице пленника благодарность, впрочем, сменившуюся болезненной гримасой, едва тот попытался привстать.

– Идти сможешь? – шепнул Давьян.

Пленник кивнул и, держась, похоже, на одной силе воли, пополз к двери. Давьян, морщась от чужой боли, помог ему выбраться из фургона. В лунном свете избитый выглядел еще хуже. Удивительно, как он держался на ногах.

В одной из палаток вдруг вскрикнули. Сердце у Давьяна ушло в пятки.

Дожидавшийся их снаружи Вирр побледнел при виде изуродованного незнакомца, но заговорил о другом.

– Нас заметили, – торопливо прошептал он, когда на первый крик отозвались другие. – Надо уходить.

Давьян в отчаянии смотрел на друга.

– Далеко не уйдем.

– Попробуем.

Время как будто замедлилось: подхватив незнакомца под руки, они неуклюже бежали к лесу, а солдаты выскакивали из палаток с мечами наголо.

В душе Давьян не сомневался, что все кончено. Будь они одни, может, и затерялись бы в лесу. Но с раненым на руках их мигом поймают.

Избитый пленник повис на плече у Давьяна, потому что Вирр, бросив его, обернулся лицом к набегающим солдатам. Он простер вперед руки; из них змеями рванулись вперед ослепительные белые нити. Поддерживая раненого, Давьян завороченно смотрел, как вспыхивают голубыми огоньками щупы на запястьях солдат.

Он не вполне понимал, что задумал Вирр: догмы оставляли ему немного возможностей – но, несмотря даже на панику, невольно восторгался. Давьян всегда знал, что у его друга могущественный дар, но впервые видел его в полной силе. Такого выброса сути мальчику видеть еще не доводилось.

И все напрасно. Последняя надежда рухнула, когда светящиеся нити ударились в невидимую преграду, окружавшую солдат. Значит, у кого-то из них имелась ловушка – устройство, расщеплявшее суть вокруг себя. Вирр был бессилен против нее.

Солдаты стояли в нескольких шагах, когда вся поляна вспыхнула белым светом и толчок от взрыва повалил Давьяна наземь.

Задохнувшись от удара, он лежал ничком, глотая воздух и силясь понять, что случилось. Неужели Вирр попробовал что-то еще, что-то новое? Первый его удар был силен, но этот сильнее вдесятеро, если не в сотню раз.

Перед глазами прояснилось. Солдаты уже шевелились, вставали на ноги, оглушенные, но на вид невредимые. Давьян не сразу разглядел за их спинами человека, закутанного в плащ такой черноты, что он выделялся в ночном мраке. Черный на миг замер, наблюдая.

Потом сделал движение.

Он скорее скользил, чем шагал. У Давьяна кровь застыла в жилах; некто двигался бесшумно, но при его приближении мальчик ощутил зловещую угрозу, от которой ноги налились свинцом. Солдаты почувствовали то же самое и развернулись спиной к мальчикам. Теперь Давьян не видел их лиц, но тяжелое дыхание слышал даже на расстоянии.

Какой-то частью сознания Давьян отметил, что, кроме этих испуганных вздохов, кругом не слышно ни звука. Ни шорохов ночных зверьков, ни стрекота кузнечиков и комариного звона. Казалось, мир затаил дыхание.

Черный, сливаясь с темнотой, тек к ним. Его рука взметнулась, будто выхватила что-то из воздуха, и в ней внезапно засветилось нечто длинное и тонкое, почти такое же смутное, как его фигура. Кинжал – узнал Давьян. Страх сковал его, перехватил горло, не давал даже вскрикнуть – от ужаса или предостерегая.

Существо – Давьян не решился бы назвать его человеком, – продолжало приближаться и уже добралось до первого из солдат. Не замедляя движения, оно взмахнуло рукой. Взмах был небрежным, почти презрительным.

Солдат беззвучно упал, из вскрытой яремной вены брызнула кровь. Тело повалилось на траву с глухим стуком.

Этот звук вырвал из оцепенения остальных солдат;

двое принялись на шаривать мечи, а третий дрожащей рукой выставил вперед длинную узкую ловушку, как щит против зла. От страха у него закатывались глаза, в темноте блестели белки. Все по-прежнему молчали, словно боялись криком привлечь к себе внимание врага.

Эта сцена казалась нереальной. Давьян все еще не мог шевельнуться и не сумел отвести глаз, когда от кинжала погиб следующий солдат – его булькающий последний вздох был страшен в тишине. Третий успел вслепую замахнуться, но его меч замер в воздухе, будто натолкнвшись на кирпичную стену. Он погиб, как и двое других.

Было уже ясно, куда направляется существо. Оно чуть отклонилось от цели, чтобы избежать от солдат, но двигалось к мальчикам.

Упал последний дезриелит. Все заняло не больше десяти секунд; тень плыла с непостижимой быстротой. Она повернула к Давьяну, до которого уже оставалось совсем немного. Фигура под плащом выглядела человеческой, а лицо скрывал черный капюшон. А вот нож был бестелесным: в нем билась тьма – эфирная сталь раз за разом сменялась прозрачным черным стеклом.

«Ша нашен тэл. Эриен дес ту нашен тэл».

Шипящий голос твари был низок, холоден и гневен. В нем звучал древний ужас, а от слов у Давьяна поплыла голова.

Волоски на загривке встали дыбом: из-за спины ударил мощный разряд.

Вспышка миновала Давьяна и ударила в существо. Это был не луч – поток. Река. Она не задела Давьяна, но все равно он чувствовал ее мощь и мечтал ухватиться за что-нибудь, чтобы не унесло течением.

Свет ударил черного прямо в грудь – и на кратчайший миг лицо его осветилось. Черты походили на человеческие, но были искажены до неузнаваемости: кожа потемнела и обвисла, белые губы были в ужасных шрамах. А вот глаза оказались знакомыми. И знакомо округлились от неожиданности.

Поток света прервался. Когда к Давьяну вернулось зрение, существа уже не было.

Несколько секунд он простоял как вкопанный – тело отказывалось поверить, что все произошло.

Затем Давьян задрожал в ознобе и упал на колени, хватая воздух ртом. Он называл страхом то, что испытал, когда они попались охотникам в Талмиеле, и недавно, когда казалось, что нет спасения от дезриельских солдат. Но сейчас было другое. Сокрушительный, подлый ужас заполнял все его жилы. Теперь, когда он отступил, каждая частица его тела изнемогала от усталости.

Наконец Давьян опомнился настолько, что сумел оглянуться. Вирр сидел на земле, обхватив колени руками. Даже в темноте Давьян видел, что его друг бледен как полотно.

– Это было потрясающе, Вирр, – заговорил он приглушенным от почтения голосом. – Вот уж не думал, что ты *настолько* силен. Ты был... как бог! Ты...

– Не я, – не поднимая взгляда, оборвал его Вирр. – Я ничего не делал. Это он.

Вирр кивнул на распростертое рядом тело. Окова, недавно охватывавшая предплечье незнакомца, валялась теперь, полуприсыпанная землей.

Спасенный ими человек!

Давьян решил бы, что тот мертв, если бы грудь лежащего чуть заметно не поднималась. Мальчик недоверчиво покачал головой.

– Ты на него посмотри, Вирр. Он же чуть жив. Не могло у него хватить сути на...

– Это он. Окова спала, когда погиб последний солдат, и... это он. – Вирр говорил так твердо, что Давьяну пришлось прикусить язык. Он все еще не до конца поверил другу, но спорить было не время. Собравшись с мыслями, он сумел подняться на ноги и протянул руку, чтобы поднять и Вирра.

– Это было видно и в Триндаре. – Сказал он.

– Это было видно и в Восточной империи, – мрачно усмехнулся Вирр. – Ничего не поделаешь. Берем его и уходим.

– А солдаты? Их же надо... похоронить, что ли? – запнулся Давьян.

– Некогда. – Вирр потер лоб. – Хотя теперь, когда найдут трупы, решат, что это сделали мы.

Давьян пожал плечами.

– Два раза не казнят.

В ответ Вирр истерически хихикнул, и оба зашлись в припадке хохота, давая наконец выход потрясению и облегчению.

Они еще хихикали, когда темнота позади вновь осветилась вспышкой.

А потом оба, Вирр и Давьян, очутились на коленях, с заломленными за спину руками. Пульсирующие узы стянули им запястья и лодыжки, еще одна веревка обвила бесчувственного незнакомца и стянула его так же надежно.

Давьян, от страха забывший о смехе, забился, но без успеха.

– Надеюсь, у вас найдется этому хорошее объяснение, – произнес у них за спинами низкий голос. Сквозь его ровный тон пробивался сдержанный гнев.

Давьян хотел оглянуться, но вдруг обессилел, словно на него разом навалилась усталость последнего месяца. Слева он услышал, как зевает Вирр.

Он запомнил еще мягкую траву под собой и резкий белый свет вокруг, а потом все погасло.

Он спал.

Глава 12

Аша еще раз подергала ручку – хоть и поняла уже, что заперто. Хмуρο разглядывая черные стены камеры, она безуспешно пыталась разобраться, что произошло. Ее, еще не опомнившуюся после гибели Джина, свалил сон – или обморок, – но то было в доме Шаны, среди озабоченных теней, где ей, казалось бы, ничто не грозило. Шана уже подтвердила ее рассказ о наблюдателе, после чего никто и не думал винить девушку в случившемся. Скорее, тени беспокоились за нее.

С тех пор, как видно, что-то переменялось, иначе она не проснулась бы одна в каменном мешке. Прочная дверь на замке, и никто, кажется, не слышит ее криков.

Со злости Аша ударила по двери ладонью – стук гулко разнесся по наружному коридору. – Эй, есть здесь кто-нибудь? – заорала она.

Как и прежде, ни ответа, ни признака, что ее услышали. Вздохнув, девушка вернулась на кровать. В камере только и было, что кровать, два стула и стол – и ничего, что помогло бы выбраться на свободу. Оставалось только ждать.

Улегшись на кровать, Аша заняла себя размышлениями. Убежище, несмотря ни на что, ей понравилось;

его обитатели выглядели хорошими, честными людьми, и она восхищалась трудами Шадрехина по созданию подземной общины.

Но едва она пыталась подумать о хорошем, в мыслях возникал наблюдатель. Откуда он узнал ее имя, как понять его слова? И еще Аше все вспоминался ужас в обращенном на нее взгляде умирающего Джина.

Прошел, наверно, час, когда в коридоре простучали шаги и в замке звякнул ключ.

Вскочив на ноги, Аша увидела в дверях тощую, как проволока, тень – узколицего мужчину с растрепанной бородой. И удивленно уставилась на него. Из знакомых ей теней никому не было больше тридцати с небольшим – это возраст тех, кто провалил первые после войны испытания. Одна из статей договора амнистировала тех одаренных, кто проходил испытания раньше... Но тени в дверях было не меньше сорока.

Заметив ее лицо, мужчина усмехнулся.

– Старше, чем ожидала?

Застигнутая врасплох, Аша вспыхнула, но мужчина махнул рукой, извиняя ее мысли.

– Ничего. В первый раз все так. Присядь, пожалуйста, – добавил он, указав ей на стул. – Нам многое нужно обсудить.

Аша осталась стоять.

– Кто ты?

Она уже заметила двоих, оставшихся охранять выход.

– Я пленница?

Мужчина поднял бровь – вопрос скорее позабыл, чем рассердил его.

– Меня зовут Скайнер, но все здесь называют меня Шадрехином. Можешь считать, что я главный в Убежище. Отвечаю за безопасность его жителей. – Он подался к ней, и взгляд его стал вдруг жестким. – А когда человек является в Убежище под чужим именем, возникает вопрос, можно ли ему доверять, Ашалия.

Аша заглянула в его полные холодной уверенности глаза, потом медленно прошла к стулу и села.

– Хорошо. Не тратьшь моего времени на отпирательства, – кивнул Скайнер, сразу вернувшись к прежнему бодрому тону.

– Как ты узнал, кто я?

Шадрехин потерял бороду.

– Сперва мы решили, что тебя подослали блюстители, – признался он. – Они уже делали такие попытки. Предлагали одаренным, которым предстояло стать тенью, шанс на «лучшую» жизнь. Однако у блюстителей не нашлось никаких записей о Лиссе из Налена, а это было странно. Зачем понадобилось менять тебе имя? И лгать о твоём происхождении?

Он полез в карман.

– А потом все сложилось. По срокам. Мы залезли в список учеников Каладеля и обнаружили изображение молодой одаренной, Ашалии Чедрис. – Достав свернутый лист, Скайнер раскрыл его перед Ашей. Ее рисовали пару лет назад, когда в Каладель приезжал художник из Надзора, но с тех пор девушка не слишком изменилась.

Аша коротко кивнула – взгляд на рисунок уколол ее болью, вспомнилась школа, где она позировала художнику. Аша отвела глаза, взглянула на Шадрехина.

– Кроме меня, никто не выжил, – тихо объяснила она, не видя смысла скрывать правду. – Что там произошло, я не знаю, но Совет полагает, что я что-то значу. Меня спрятали в Толе, велели назваться другим именем, чтобы блюстители не нашли. – Она смотрела в глаза Скайнеру. – Я никому из твоих людей не хотела зла.

– Однако один из моих друзей мертв! – Шадрехин мгновенно совладал с чувствами, глубоко вздохнул. – До тебя мы сейчас дойдем. Но прежде я хочу услышать, что случилось с Элритом.

– Это... наблюдатель? Тот человек, который... – Аша не договорила.

– Да, – сказал Шадрехин. – Только кем бы он ни был, он не человек.

Аша вздрогнула, но кивнула без удивления. И рассказала, пару раз прервавшись, когда воспоминания становились непосильными. Дослушав, Шадрехин еще несколько секунд задумчиво разглядывал ее.

– Я тебе верю, – решил он наконец.

Аша с облегчением кивнула: ей меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь оспорил ее рассказ.

– Вы поймали этого Элрита?

– Нет, даже не видели, как он уходит, – признался Скайнер. – Если бы не слова Шаны, я бы усомнился, побывал ли он в доме.

– Значит, он ушел? – Аша побледнела. – Он на воле?

Шадрехин кивнул.

– Он приходит и уходит через катакомбы – они тянутся на много миль, а выходы из них повсюду, и в городе, и за горами. Даже будь у нас охота ловить такую опасную тварь, как Элрит, мы знаем только малую часть тоннелей. Уже были случаи, когда зашедшие слишком глубоко не возвращались. – Взглянув на лицо Аши, он заговорил мягче. – Не тревожься. По твоему рассказу мне не кажется, что он тебе угрожает. Больше похоже на то, что мы его уже не увидим.

Аша кивнула в ответ, хотя при мысли о существовании под черным плащом у нее сводило живот.

– Как ты думаешь, что означали его слова?

Шадрехин пожал плечами.

– Я понимаю не больше тебя, Ашалия, – признался он. – Честно говоря, не уверен, что в них был смысл. Не знаю, что такое Элрит, но подозреваю, что он не в своем уме. На самом деле, почти уверен после того, что он сотворил с Джином.

Аша содрогнулась, припомнив.

– А что такое, по-твоему, Элрит?

– Точно не знаю, – вздохнул Шадрехин. – Под конец войны ходили слухи, что в Толе Атьян пытаются превратить своих людей в солдат, неподвластных ловушкам и оковам... Если уж гадать, я бы сказал, что он – один из таких солдат. Знает ли о нем Совет, я понятия не имею.

Он потер подбородок, взгляд его стал рассеянным.

– Когда я обнаружил это место и понял, что оно может стать безопасной гаванью для теней, Элрит уже был здесь – сидел, уставившись в свет. До сегодняшнего дня я не слышал, чтобы он с кем-нибудь заговаривал. Мы с ним пришли к соглашению: мы не станем докучать ему, а он нам. Сегодня это соглашение было нарушено впервые.

Он замолчал, и Аша, выждав, подтянулась, набрала воздуха в грудь.

– И что ты теперь сделаешь со мной? – спросила она, страшась услышать ответ.

Скайнер поднял бровь.

– Сделаю с тобой? Ты вольна вернуться в Тол, Ашалия. Или остаться, если захочешь, – проговорил он не без удивления. – Тебя заперли, потому что я заподозрил в тебе шпионку. Но теперь убедился, что это не так. – Он помедлил. – Впрочем, прежде, чем ты станешь решать, я хочу сделать предложение, которое может тебя заинтересовать.

Аша выдохнула и немного расслабилась.

– Меня... интересует, что именно случилось с твоей школой и с другими, вырезанными раньше, – продолжал Шадрехин. – Подозреваю, что тебя тоже. Если хочешь, я думаю, что знаю, где искать ответы.

С минуту Аша тупо таращилась на Скайнера, не веря своим ушам.

– Где? – жадно спросила она и запнулась. – И... Почему тебя это интересует?

Шадрехин склонился к ней.

– Дело в том, Ашалия... Надзор знает о нашем Убежище. Не знает только, где оно расположено и как в него попасть. *Пока* не знает. Но, зная, что оно существует, они настойчиво ищут способ его уничтожить.

– Разве блюстителю не погибнут, спустившись сюда? – спросила Аша.

– Погибнут, – кивнул Скайнер, – но они и не замышляют открытой атаки – во всяком случае, пока. Сейчас они пытаются отрезать нас от снабжения. Вода нас не тревожит – немного дальше через катакомбы протекает река. А вот пищу... Нам не удастся вырастить здесь достаточно для всех, – вздохнул он. – Теперь в городе от теней, которые закупают продовольствие в больших количествах, требуют письмо нанимателя. Пока запрет удастся обходить, но в скором времени блюстителю затынут удавку.

Он пожал плечами.

– Сама понимаешь, я добиваюсь, чтобы они оставили нас в покое. Несколько раз я пробовал договориться, но меня не хотят слушать. Так что теперь мы подыскиваем человека, имеющего влияние на Надзор. Через кого можно было бы... добиваться своего.

– Шантажировать их, ты хочешь сказать, – довольно мрачно уточнила Аша.

Скайнер виновато улыбнулся.

– Понимаю, это не лучшее средство, но другие мы уже исчерпали. – Он покачал головой. – Так или иначе, несколько месяцев назад мы заметили, что Страж Севера пренебрегает некоторыми своими обязанностями. Точнее, многими обязанностями, и отвлекается на другое. А «другим» оказались попытки докопаться до подоплеки этих нападений.

Аша нахмурилась.

– Это выглядит не так уж удивительно.

Шадрехин поднял брови.

– Речь идет о Страже Севера – главе Надзора, создателе догм. Мало кто ненавидит одаренных так, как он. То, что он занимается нападениями, не удивительно, но ради этого пропустить присягу новых блюстителей? Отказаться от встреч с Великими домами, не присутствовать на собрании Ассамблеи? Это положительно странно.

Скайнер мрачно улыбнулся.

– И чем пристальнее мы вглядывались, тем очевиднее становилось, что Страж Севера слишком уж интересуется случившимся. Можно сказать, до безумия. Бывает, не спит

ночами... И, насколько нам известно, скрывает расследование от блюстителей. Скрывает даже свой интерес к этому делу.

Он потер лоб.

– Почему – мы не знаем. У нас немало связей во дворце и даже в самом Надзоре, но никто не дал нам ответа.

Аша смотрела на Шадрехина, и под ложечкой у нее неприятно сосало.

– А при чем тут я?

Он взглянул ей в глаза.

– Я хочу сообщить ему, кто ты такая и откуда ты. Несколько секунд Аша не отвечала, заподозрив в сказанном неудачную шутку.

– Ты же не думаешь, что я соглашусь на такое?

– Дослушай, – остановил ее Скайнер. – Я понимаю, есть опасность, что если о тебе узнает Надзор... Но мне не верится, что Страж Севера им сообщит. Он захочет расспросить тебя, может быть, даже заберет во дворец, чтобы держать поближе к себе. А выдав тебя Надзору, он потерял бы с тобой связь, в таком случае и сведениями пришлось бы делиться. Нет... – Шадрехин покачал головой. – Нет, скорее он сохранит твою тайну. И, добиваясь сотрудничества, допустит тебя к участию в розысках. Тогда у тебя появится надежда найти ответы.

Аша закусила губу.

– А со временем, может быть, он проговорится, почему это так важно для него?

– Вот именно. А ты передашь нам, – улыбнулся Шадрехин. – Узнав подробности, мы надеемся повлиять на Стража Севера, чтобы он придержал блюстителей. Действовать, конечно, будем так, чтобы не впутать тебя, – поспешно добавил он.

– И только ради этого вы хотите знать? – хмуро спросила Аша.

– Только ради этого, – уверил Шадрехин.

Она покачала головой.

– Очень рискованно. Даже если Страж Севера не выдаст меня Надзору, это не помешает ему самому допрашивать меня под пыткой.

– Знаю, – кивнул Шадрехин. – И не заставляю тебя соглашаться. Однако, – серьезно продолжал он, – судя по твоему рассказу, Совет пока не вышел на след. Так что, если ты действительно хочешь знать, что произошло в Каладеле, другой возможности может и не представиться. Я дам тебе время... – он запнулся.

– Я согласна, – перебила Аша.

Она не колебалась ни минуты. В Толе от нее никакого проку, а след убийц Давьяна остывает с каждым днем. Теперь у нее появилась хотя бы надежда что-то изменить.

– Хорошо.

Встав, Шадрехин положил руку ей на плечо.

– Мы постараемся обеспечить тебе защиту, Аша-лия, – даю слово, кто-нибудь постоянно будет за тобой присматривать. И если все пойдет, как задумано, я найду способ связаться с тобой и во дворце.

Подойдя к двери, он шепнул что-то на ухо стражу и снова повернулся к девушке.

– Шанин проводит тебя в Тол и подберет объяснение пропаже Джина, – тихо сказал он. – Тебя не было не так уж долго, вряд ли твое отсутствие заметили. – Он поклонился, прощаясь. – Да направят тебя судьбы, Ашалия. Надеюсь, мы скоро встретимся.

На этом разговор оборвался, и Аше оставалось только вернуться в Тол следом за Шанином.

* * *

Вскоре она оказалась в своей комнате.

Время было позднее, но Аша успела выспаться. Побродив по комнате, она присела на кровать и задумалась. Сколько времени понадобится Стражу Севера, чтобы ее разыскать? Часы или дни? Она взглянула на распад-часы. Ночь близилась к концу, через пару часов ей идти в библиотеку.

Заснуть она не могла, но и зря тратить силы толку не было. Как и ломать голову над тем, чего еще не случилось. Теперь уже ничего не изменишь, если и захочешь.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Аша растянулась на кровати и стала ждать.

Глава 13

Давьян застонал.

Память возвращалась неохотно, голова гудела. Что-то было не так. Он потянул руку ко лбу, но тотчас обнаружил, что локти у него привязаны к бокам.

Мальчик окончательно пришел в себя, вспомнил все разом. Попытку спасения пленника, солдат, то существо.

Распахнув глаза, он забился, силясь высвободить руки или хоть шевельнуться. Ничего не получалось. Он, замерев, ощутил на предплечье холодный металл оковы. Побарахтавшись несколько секунд, Давьян вздохнул, вывернул голову – кажется, только голова у него и осталась свободной – и заставил себя оценить положение.

Комнатка была маленькая, опрятная, довольно скромная: ничего, кроме второй кровати у стены напротив и втиснутого в промежуток между ними тюфяка, не было. Окно открыто, шторы раздвинуты, но ясно было, что расположились они высоко: снаружи виднелись только кусочки крыш. В комнату вливался уличный шум: крики расхваливающих товары купцов смешивались с цокотом копыт по булыжнику, скрипом телег и будничным гомоном горожан. Явно не село – городок, а то и город, только знать бы еще, как он сюда попал.

Вирр растянулся на второй кровати. На руке окова, лежит в неудобной позе, как бросили связанным. Но с его стороны доносился не слишком деликатный храп, и раненым, к облегчению Давьяна, друг не выглядел.

Тюфяк на полу занимал хрупкий юноша – он тоже крепко спал. Отросшие до плеч рыжеватые волосы падали ему на лицо, но Давьян и так узнал парня. Синяки сошли, лохмотья одежды выглядели почище, и все же это был человек из фургона – тот самый, которого спасали они с Вирром. Парень был моложе, чем показалось сперва Давьяну – всего года на два, на три старше их.

Давьян с огорчением отметил, что незнакомец по рукам и ногам стянут толстой веревкой, а охватывавшая его руку окова указывала, что успех спасителей оказался недолговечным. Одно утешение: кто-то, по крайней мере, оказал раненому помощь.

Толком обдумать свое положение Давьян не успел, потому что снаружи звякнул ключ. Мальчик напрягся, глядя на открывающуюся дверь.

Шагнувший в комнату мужчина был немолод: на висках, среди его песочных волос, уже проглядывала седина. Но Давьяна прежде всего поразило лицо: сплошные шрамы, большие и маленькие, старые, побледневшие, и розовые, едва зажившие. Один, припухший и совсем свежий, тянулся от носа к уху; красный рубец пересекали черные стежки шва. От страшного зрелища Давьян вжался в подушку.

Глубоко посаженные глаза вошедшего обежали комнату. Заметив, что Давьян не спит, незнакомец остановился.

– Не ори, – тихо, но властно предупредил он. Голос его, в отличие от лица, успокоил мальчика. – Я тоже одаренный. Если нас обнаружат, погибнем все. – Закатав рукав, он показал метку и, поняв, что Давьян не намерен поднимать шума, немного расслабился. – Ты очнулся намного раньше, чем должен был.

Давьян умиротворенно вздохнул. Значит, они не пленники гил'шаров. Для начала неплохо.

– Кто ты? – спросил он. – Если одаренный, почему я связан?

– Связан ты потому, что я еще не разобрался, что о вас думать. Пока разбираюсь, поговорим о нем. – Незнакомец кивнул на лежащего на полу юношу. – Вы его освободили. Зачем?

Давьян насутился.

– Это... трудно объяснить.

– Постарайся попросе, – мужчина уселся на единственный стул. – Я не спешу.

– Он одаренный. Мы решили, что так будет правильно.

Давьян поежился, сам заметив, как неубедительно это звучит.

Не убедил он и схватившего их мужчину.

– Мы, парень, посреди Дезриеля. Вы не от нечего делать его спасали. Придумай объяснение получше.

Давьян покачал головой.

– Предпочту помолчать.

– Что ты предпочтешь, никого не волнует, – возразил незнакомец. Его изрезанное лицо не дрогнуло. – Или ты рассказываешь все мне, или из тебя это вытянут гил'шары. Я знаю, что бы выбрал на твоём месте. Пока не объяснишь, какую роль сыграл, я тебя не развяжу.

Давьян побледнел. Этот человек не лгал.

Лицо незнакомца смягчилось, насколько это было возможно.

– Слушай, парень, вполне возможно, что мы на одной стороне, – успокоил он испуганного мальчика. – Я неделю шел по его следу, пока не вмешались вы с приятелем, – я и сам попробовал бы его спасти. Но у меня были свои причины так рисковать. Пока не узнаю ваших, я вам доверять не могу. – Поколебавшись, мужчина добавил: – Если тебе от этого легче, я знаю, что ты авгур. Для тебя одним секретом меньше.

Давьян похолодел. Он открыл было рот, чтобы отпереться, но по лицу мужчины понял: бесполезно. В его глазах была холодная спокойная уверенность.

Под этим ровным твердым взглядом решимость Давьяна растаяла.

– Я... не знаю, с чего начать, – чуть дрожащим голосом сказал он.

Незнакомец склонился к нему.

– С начала, паренек, – тихо посоветовал он. – Начни с начала.

* * *

Ктому времени как Давьян договорил, в глотке у него пересохло. Он ничего не скрывал: какой смысл, если этот человек уже знает, что он авгур? Незнакомец с изуродованным лицом слушал внимательно, изредка кивал, чему-то хмурился. Наконец он взглянул на Давьяна, и во взгляде его была... печаль.

– Ну и история, – тихо проговорил он. – Вопросов в ней больше, чем ответов, и все же... ничего себе история.

Давьян выдохнул.

– Так ты мне веришь?

Незнакомец вместо ответа вытащил что-то из кармана. Давьян не сразу узнал в вещице свой бронзовый сосуд. Незнакомец повертел его в руках, хотя Давьяну показалось, что он осматривает шкатулку не в первый раз.

– Да, я тебе верю, – проговорил он. – Это не значит, что доверяю, но для начала... – Оторвав взгляд от шкатулки, он посмотрел в глаза Давьяну. – Это наверняка не просто путевказатель. Вещица, чем бы она ни была, древняя. Ты в самом деле не представляешь, на что она способна?

Давьян покачал головой. Он видел, что грань, обращенная к беспмятному юноше, все так же ярко сияет.

– Она еще действует, – сообщил он. – На той стороне, которая ближе к нему, – он кивнул вниз, – загорается рисунок волка. Так ярко, что глаза слепит.

Незнакомец хмыкнул и пристально уставился на сосуд, словно надеялся, что если смотреть подольше, увидит.

– Рисунок, о котором ты говоришь, – знак, который выколот у него на запястье, – это символ Тар Ана-на. За Рубежом его можно увидеть повсюду.

– Что... что он означает? – хмуро спросил Давьян.

– Точно не знаю. – Человек со шрамами бросил взгляд на бесчувственного пленника. – Когда я беру сосуд в руки, у него загорается татуировка. Но на самой коробочке я ничего не вижу. – Он недоуменно скривил рот. – Нет, я не сомневаюсь, что это путеводитель, что символы связаны друг с другом. Вероятно, он будет действовать, пока они не соприкоснутся. Чего я не понимаю – это почему коробочка работает только на тебя. Как такое возможно без твоего ведома? Без твоего согласия? – вздохнув, он спрятал сосуд в складку плаща.

Давьян неловко шевельнулся.

– Теперь ты меня развяжешь?

Оглянувшись на Вирра и на юношу на полу, незнакомец покачал головой.

– Нет. Есть способ проверить, по крайней мере, часть твоего рассказа, и я хочу прежде убедиться. Нет, я тебе верю... Но мне и прежде попадались умелые лжецы. Бывало, и не старше тебя.

Давьян помрачнел.

– Может, согласишься мне хотя бы свое имя?

Мужчина кивнул.

– Терис Сарр, – назвал он, явно ожидая, что имя произведет впечатление.

До Давьяна дошло не сразу. Имя человека, который спас его три года назад, который якобы нарушил первую догму, убив его мучителей.

Человек, казненный Надзором.

– Нет, – наморщив лоб, отозвался Давьян. – Те-рис Сарр умер.

Мужчина улыбнулся.

– Вот как говорят? А я-то думал... – он усмешливо покачал головой. – Ну, нет, определенно не умер.

– Ты лжешь, – без выражения проговорил Давьян.

– А что говорит твоя способность?

Давьян замолчал. Из рта незнакомца не вылетало ни струйки черного дыма.

– Как же? – спросил он, помедлив.

Мужчина рассеянно потирал шрамы на щеках.

– Я сбежал. Очевидно, Надзор, чтобы не позориться, предпочел уверить всех, что казнь состоялась. – Он пожал плечами. – Я укрылся здесь – здесь никто бы не додумался меня искать. Хотя оказалось, что навсегда укрыться от прошлого невозможно, – сухо добавил он.

Давьян хотел заспорить, но передумал. Этот человек опять говорил правду.

Он был Терисом Сарром.

– Я... знакомство с тобой – честь для меня, старший Сарр, – начал Давьян, когда вновь обрел дар речи. – Не могу высказать, сколько раз я мечтал тебя поблагодарить.

– Пусть будет просто Терис. Услышь кто, как ты зовешь меня старшим, и мы все покойники. – Терис закашлялся, вид у него был смущенный. – И благодарить меня не за что. Трое взрослых мучают тринадцатилетнего парнишку? Мужчине, который бы не вмешался, нет оправданий.

– И все же я тебе благодарен. – Давьян ошалело помотал головой. – У меня столько вопросов...

Терис выглянул в окно.

– Пожалуй, время есть. Пока эти двое не придут в себя, сделать ничего нельзя. – Он махнул рукой. – Спрашивай.

Давьян ненадолго задумался.

– Ты и вправду, спасая меня, нарушил первую догму?

Терис хихикнул, но в его смехе не было веселья.

– А, так ты так и не вспомнил за эти годы? – он вздохнул. – Нет, парень, просто у меня нашлась пара кинжалов. Я приказал им перестать, а они бросились на меня. Так что я защищался. Они были пьяны, а я проворнее, чем выгляжу... Но блюстители увидели три трупа и одаренного, который никак не мог с ними справиться.

– А я не годился в свидетели, – с ужасом понял Давьян. – Прости.

Терис отмахнулся от извинений.

– Ты почти все время был без памяти, да и в любом случае твоего слова бы не хватило. Блюстители решили преподать урок: напомнить всем, как опасен одаренный, не связанный догмами. Не подвластный *им*.

– Как же ты бежал? – спросил Давьян.

Помедлив, Терис достал из кармана два гладких камушка, черный и белый.

– Это путевые камни, – пояснил он. Сосуды, открывающие порталы друг к другу. За эти годы они не раз мне пригождались. И в тот день тоже. Как и прошлой ночью.

Давьян смотрел на Териса, разинув рот. Он впервые слышал о подобных сосудах, но теперь становилось понятно, каким образом удалось доставить трех бесчувственных парней из леса в гостиницу.

– А что ты делал в Дезриеле? – спросил Давьян, опомнившись. – Зачем искал его? – мальчик подбородком указал на лежащего юношу. – Тебе тоже понадобился сиг'нари?

Терис поморщился.

– Я тебя огорчу, парень. Человек, пославший тебя сюда – этот Тенвар, – морочил тебе голову. В Дезриеле нет сиг'нари.

– Не может быть, – возразил Давьян. – Он не лгал.

– Уверен? Ты сказал, что не успел разобраться со своими способностями.

– Уверен, – отрезал Давьян.

Терис смерил его взглядом.

– Окова тебе не помешает? – Давьян мотнул головой. – Тогда давай кое-что покажу. Я сделаю три утверждения: два правдивых и одно ложное. Посмотрим, сумеешь ли ты выявить ложь.

– Отлично, – пожал плечами Давьян.

Терис, сосредотачиваясь, прикрыл глаза.

– Сейчас полдень. Мы в городке под названием Данмар. Мне сорок пять лет.

Давьян нахмурился: от напряжения в виске забила боль. Из рта Териса не вырвалось ни струйки дыма.

– Все правда, – медленно проговорил он.

Терис покачал головой.

– Сейчас далеко за полдень, городок называется Анабир, а мне сорок восемь лет.

Давьян недоверчиво уставился на него. Опять ни струйки.

– Как ты это делаешь? – ошарашенно спросил он. Терис пожал плечами.

– Старый фокус. В твоём поколении его мало кто знает, а во времена правления авгуров это было обычным делом. Мысленная защита, щит против вторжения. Чтобы продержаться долго, нужно учиться, но закрыться на несколько минут могут почти все. – Видя, как вытянулось лицо Давьяна, он покачал головой. – Мне жаль, парень. Правда.

– Но... – Давьян покосился на лежащего на полу. – Тогда кто же он? Зачем старший Тенвар меня сюда послал?

– Это нам и надо выяснить. Надо сказать, я думаю, насчет Рубежа Тенвар не солгал. Чтобы одурачить твою способность, он должен был вплести в ложь как можно больше правды. – Терис встал. – Мне нужно кое-что разузнать в городе. Если твой рассказ подтвердится, еще поговорим.

На полпути к двери он задержался и кивнул на лежащего юношу:

– Вряд ли он очнется до моего возвращения, но если очнется... Лучше притворись спящим. Не знаю, зачем Тенвар тебя обманул, но вряд ли он, посылая сюда, заботился о твоей безопасности. А значит, и этот человек не станет о тебе заботиться.

Он вышел и закрыл дверь, оставив бледного, потрясенного Давьяна наедине с собой. Тенвар лгал. Все, что было, было напрасно.

Глава 14

К тому времени как Вирр зашевелился, дневной свет за окном стал гаснуть. Давьян без лишних слов рассказал ошарашенному приятелю все, что узнал. Известие об обмане Ил-сета Вирр принял невозмутимо, за что Давьян был ему благодарен. Ведь слепая самоуверенность Давьяна довела их до беды, привела сюда. Тяжело было бы ему, кроме чувства вины, вынести еще и гнев друга.

Когда он договорил, Вирр неуклюже шевельнулся на кровати, разминая затекшие мышцы.

– Ты уверен насчет Териса Сарра?

– Насколько могу быть в чем-то уверен.

Вирр прикусил губу.

– Дав, если он... знаю, он тебя спас, но... лучше я расскажу, что о нем слышал. Его считали опасным. Может быть, даже безумным. Если он...

Вирр осекся, заслышав звяканье ключа.

Терис ворвался в комнату, как будто не слышал прервавшегося разговора, и удовлетворенно кивнул, увидев, что незнакомец на полу еще без сознания.

– Давьян тебе сказал, кто я? – обратился он к Вирру.

Тот кивнул, с боязливым любопытством вглядываясь в изрезанное шрамами лицо.

– Хорошо.

Терис задавал Вирру вопрос за вопросом, пока не убедился, что отчеты о минувших неделях у мальчиков совпадают; тогда он принялся развязывать Давьяна.

– Мои знакомцы в городе подтвердили кое-что из твоего рассказа. В потасовке в Феджете убит известный охотник. В Талмиеле один человек ни с того ни с сего упал в обморок, а очнувшись, недосчитался двух лет жизни. Не много, но пока хватит.

Давьян растирал запястья и разминал онемевшие мышцы, сидя на кровати.

– Что ты сказал про человека из Талмиеля? – переспросил он, вдруг похолодев.

Терис задумчиво глянул на него.

– Ты гадал, не сделал ли чего-нибудь, чтобы твой дружок-контрабандист «забыл» про сосуд. Похоже, что сделал.

Он уже развязывал Вирра.

Давьяну стало дурно. Его не слишком утешало, что Анаар заслужил наказание. Еще один человек пострадал из-за его доверчивости к лжецу Тенвару.

Вирр, как только сумел подняться, кругами заходил по комнате, встряхивая руками.

– Так что тебе про него известно? – недоверчиво осведомился он у Териса. – Давьян говорит, что ты его искал. Зачем?

– Из-за того, что случилось на Рубеже. Думаю, в этом Тенвар не лгал Давьяну, – Терис вздохнул. – Только он не все сказал. Я подозреваю, что Рубеж слабеет не сам по себе. Я давно его изучаю, начал еще до войны. Распад скрепляющей его сути стал заметен только в последние десять лет.

– И что это может означать? – нахмурился Вирр.

– Представь, что это обычная стена. Ты строишь стену из больших прочных камней и оставляешь ее на две тысячи лет. Возвращаешься и видишь, что стена стоит: немного выкрошилась, изъедена дождями, но еще крепка, еще делает свое дело.

Терис помолчал.

– А еще через десять лет ты видишь, что стена исчезла. Что ты подумаешь?

Вирр наморщил лоб.

– Что она чем-то разрушена, – подсказал Давьян.

– Или кем-то, – тихо поправил Вирр.

Помолчав, Вирр мрачно осведомился:

– А в Толах знают о твоих подозрениях? Распад ты заметил десять лет назад, а в изгнании живешь всего три года.

– Я несколько раз пытался уведомить оба Совета, но... – Терис досадливо мотнул головой. – Толы уже тысячу лет как отказались от регулярной проверки Рубежа, так что, кроме моих наблюдений, у них не было доказательств. Они признавали, что Рубеж может ослабевать, но не верили в ускорение распада и полагали, что вызвано это просто старением. В Толе Атьян меня объявили паникером, а в Толе Шен рассмеялись мне в лицо.

– И все же ты уверен.

– Да. И потом последние несколько лет я наблюдаю за всем, что с ним связано. Ищу подтверждений, что разрушение Рубежа – часть более грандиозного замысла, ищу доказательства, которым поверили бы в Толах. – Он взял лежащего за руку, оттянул ему рукав, открыв черный знак волка на запястье. – Намеков хватало, но надежных доказательств не было, пока один знакомый не рассказал мне об этом. Этот символ вырезан на каждом Рубежном Камне. А у нашего друга он выколот на руке.

– И ты решил, что он может что-то знать? Что он в этом замешан? – Давьян опасливо покосился на юношу.

– А если так, замешан и Илсет Тенвар, – угрюмо заключил Вирр.

Терис кивнул.

– И тебя с ним связал тот же символ... Не знаю, что это означает, но уверен: что-то важное. Что-то готовится. – Терис помолчал. – И это еще не все.

Он засучил рукав выше, обнажив левую руку лежащего до локтя.

Давьян понял не сразу. Потом он выпучил глаза, а рядом резко, с присвистом вздохнул Вирр.

На предплечье юноши не было метки.

– Судьбы! Так он не связан догмами? – медленно проговорил Вирр.

– Как видно, нет, – ответил Терис.

Давьян вдруг вспомнил.

– Так это о нем рассказывали охотники... Это он убил столько народу?

Терис покивал.

– Так, во всяком случае, утверждают гил'шары. Вырезана целая деревня, и обвиняют в этом его. – Терис покачал головой. – Сколько в этом правды, не могу сказать: мне ли не знать, что могут навдумывать люди из страха перед одаренными. К сожалению, это ничего не меняет.

– Об этом знает вся страна. Вся страна будет искать его. И нас! – выдохнул Вирр.

Терис кивнул.

– Если бы вы не вмешались, его бы доставили в Триндар для публичной казни прямо на Песне Мечей. Гил'шары хотели показать гостям из соседних стран, что одаренные не только злы, но и по-прежнему опасны. Что догмы – не основание с ними мириться и ослаблять оборону.

Давьян невольно попятился от спящего на полу человека. Тот не выглядел опасным и был связан, но все-таки...

А Вирр волновался все больше.

– Если гил'шары узнают, что его освободили одаренные... – В его глазах мелькнул страх. – Они придут в ярость. Объявят, будто это затея андаррского правительства, будто бы мы ищем способ освободить от догм всех одаренных... Это повод к войне!

Терис с уважением кивнул мальчику.

– Это – одна из многих причин, почему я не освободил его раньше, – резковато проговорил он. – Гил'шары готовы воевать и без повода. Эти пятнадцать лет от удара по Андарре их удерживал лишь страх, что война заставит короля Андраса изменить догмы, но стоит им заподозрить, что догмы все равно будут изменены, их ничто не удержит.

Давьян побледнел: он и вообразить не мог, как далеко может завести его затея.

– Что же нам с ним делать? – спросил он. – Не возвращать же гил'шарам.

– Если он виновен – вернуть, – отрезал Вирр. – Непременно вернуть. Лучше пусть устраивают свою политическую демонстрацию, чем появится повод к войне.

Давьян, обомлев, уставился на друга.

– Ты шутишь!

Терис поднял ладонь.

– Давайте выслушаем его, прежде чем решать. Парень на удивление быстро поправляется. Его уже можно разбудить.

Вирр вздернул бровь.

– Разве не ты его исцелил?

– Я не рискнул применять суть, – покачал головой Терис. – Кругом слишком много солдат со шупами. Но, кажется мне, он бессознательно черпает из своего тайника и исцеляет сам себя. Поразительно!

Давьян с беспокойством разглядывал спящего. Одаренные умели заживлять свои раны, но он впервые слышал, чтобы кто-то проделывал такое в беспамятстве.

Терис склонился над рыжеволосым парнем, задумался...

– Давьян, он вряд ли сразу опомнится настолько, чтобы скрыть ложь, даже если умеет. Скажешь мне, если он станет лгать.

Потом он взял спящего за плечо и осторожно встряхнул.

Юноша проснулся со стоном.

– Где я? – сипловато заговорил он.

Все трое молча смотрели на незнакомца. Сейчас он был совсем не тот, что ночью: с бледной кожи за несколько часов полностью сошли синяки. Голубые как лед глаза обшаривали комнату; рыжеватые волосы падали на плечи, обрамляли лицо, казавшееся совсем узким из-за впалых щек. Фигура у парня была тонкая, но, опять же, скорее от недоедания, чем от природы.

Наконец Терис отозвался.

– Пока тебе ничего не грозит. Но если ты мне солжешь, через час снова будешь в руках гил'шаров. Понял меня?

Незнакомец молча кивнул.

Терис поднес к его лицу сосуд.

– Что это такое?

Юноша прищурился, всматриваясь.

– Не знаю.

Терис метнул быстрый взгляд на Давьяна. Тот наклонил голову: сказанное было правдой – насколько он мог судить.

– Но ты видишь, как он светится? – продолжал допрос Терис.

Рыжеволосый кивнул.

– Как моя рука, – растерянно проговорил он.

Терис поразмыслил.

– Хорошо, – продолжал он. – А кому ты служишь? Что должен был сделать, получив эту вещь?

Юноша уставился на Териса в беспомощном недоумении.

– Честно, – тихо проговорил он, – я не понимаю, о чем ты говоришь. Я помню... – он помотал головой, – только последние три недели, а до того – ничего. Не знаю даже, виновен ли я... – он сбился и замолчал. В глазах его стояла боль.

После минутного молчания Терис презрительно фыркнул.

– Придумай что-нибудь получше!

Давьян, все это время внимательно наблюдавший за незнакомцем, обернулся к старшему.

– По-моему, он не лжет.

Терис хмуро осведомился:

– Хоть имя-то у тебя есть?

– Седэн, – ответил юноша. – Так меня называли деревенские.

– Седэн... – хмыкнул Терис. – Имя из даресийской сказки. Очень подходящее, – сухо заключил он. – Что ж, Седэн, попробуй рассказать нам, что *помнишь*, а дальше видно будет.

– Рассказывать особо нечего, – признался Седэн. – Несколько недель назад я очутился среди леса, не помня, как туда попал и кто я такой. Не знал даже, в какой стране. В руках держал меч, и одежда была в крови. Сперва я решил, что это моя кровь, но у меня оказалось всего несколько царапин.

Я нашел ручей и постарался отмыть одежду, но кровь уже запеклась. Несколько часов шел наугад, наткнулся на дорогу, а потом мне встретились люди. Когда я им сказал, что ничего не помню, мне предложили ужин и ночлег в деревне. Один меня вроде бы узнал, он сказал, что на меня, наверно, напали разбойники. Тогда они показались мне добрыми людьми, – Седэн поморщился.

– На следующий день пришла весть о перебитой деревне. Кто-то прошел через нее, убивая всех. *Всех*. Те, кто там побывал, рассказывали, что на улицах лежали женщины и дети, повсюду кровь. И у всех лица... обезображены. До неузнаваемости. – Юноша содрогнулся. – У людей, которые меня приютили, погибли друзья и родные. Было много горя и много страха.

Люди быстро связали концы с концами. Меня посадили под замок: сказали, чтобы не беспокоился, что я, наверно, один из выживших, может, даже свидетель, и что меня запирают «просто на всякий случай». Но, думаю, они уже всё решили.

Через пару дней вернулся крестьянин, у которого жена во время резни гостила в том селении. Он нашел ее тело – во всяком случае, думал, что это ее тело, – и оттуда пошел прямо ко мне. – Рассказчик вздрогнул. – Он был крепкий мужчина, и его впустили ко мне. Сторожа предпочли отвернуться. Заперли дверь снаружи и оставили нас наедине. Я пытался объяснить, но он был так сердит... – Голос Седэна дрогнул. – Он хотел меня убить. Я так испугался, что... все вышло само собой. Наверно, я применил дар. Его так швырнуло на дверь камеры, что он сломал себе шею.

Парень провел ладонями по волосам.

– Это вышло случайно, но мне никто не поверил. У деревенского священника сработал щуп, так что они знали, кто это сделал. То, что у меня не оказалось метки, напугало их еще больше... Узнав о моей силе, они уже не сомневались.

Они хотели меня повесить – многие хотели, – но гил'шары известили село, что намечена публичная казнь в Триндаре. Поэтому на меня надели окову и продержали еще неделю. – От воспоминаний у рыжего тряслись руки; он сцепил пальцы, чтобы не дрожали.

– Тебя били? – спросил уже мягче Терис.

– Каждый день, – кивнул Седэн. – И солдаты, когда везли меня в Триндар, каждый день вытаскивали из фургона и били. Я только успевал прийти в себя до следующей ночи. – Он запнулся. – И все-таки я рад, что мы не добрались до Триндара.

Терис ему не ответил. Через несколько секунд он обернулся к Давьяну.

– Ну?

Тот не сводил глаз с Седэна.

– Все правда, – проговорил он наконец.

Только это было не совсем так. На последней фразе изо рта юноши вылетела тончайшая струйка дыма. Парень лгал, что не хотел в Триндар. Он хотел казни.

Терис наклонил голову, и Давьян, видя, как изменилось его лицо, понял, что старший колеблется.

– Мы не можем его выдать, – заметил мальчик. Вирр согласно кивнул.

– И про Элом клятый Рубеж он ничего не знает, – проворчал Терис, не оспаривая их слов. – Уверен, что он не лжет?

– Насколько могу быть уверен, – Давьян постарался не выдать горечи.

Помолчав, Терис, так и не выпустивший из рук сосуд, обратился к Седэну.

– Не могу сказать, что мне это нравится, но кое-кто очень постарался, чтобы эта коробочка попала к тебе. Чем-то ты важен. Слишком важен, чтобы выдать тебя гил'шарам. – Он покачал головой. – Мы вернем тебе память.

– Как? – спросил Седэн.

– В Толе Атьян найдется средство. Сосуд для восстановления разума. Так что нам надо туда, и... Как видно, нам придется доверять друг другу. – Терис принялся развязывать юноше руки. – Но окову я оставляю. Если ты...

Дверь внезапно слетела с петель, едва не снеся голову Териса, и врезалась в противоположную стену.

Все остолбенели, уставившись на скользнувшую в комнату фигуру. Давьян успел заметить черный плащ, низко надвинутый капюшон, струящийся клинок, как бы не вполне принадлежащий этому миру. Он видел это существо прошлой ночью.

Мальчик никогда бы не поверил, что можно двигаться так стремительно, как это сделал Терис. Немолодой мужчина упал на бок, перекатился и вскинул перекрещенные в запястьях руки, закрывая себе глаза. В воздухе с ревом взорвалась слепящая вспышка, и существо будто запнулось, отступило на несколько шагов. На миг высветилось его безобразное мертвенное лицо, искривленные в судороге боли губы. У Давьяна замерло сердце: существо помедлило и вновь двинулось вперед. Они трое, связанные оковами, мало чем могли помочь Терису.

Струящийся клинок сверкнул над его головой; Те-рис увернулся, вскинув перед собой пылающий щит. Кинжал снова метнулся вперед, ударил по щиту. Звона не было: клинок прошел сквозь оборону Териса и мгновенно погасил ее.

Забыв о мужчине, существо повернулось к трем парням в оковах. Кинжал оно держало над собой.

– *Ша'тес келоран са, Элрит!* – выкрикнул Терис. Слова остановили черного. Опустив клинок, он снова повернулся к мужчине и несколько долгих мгновений вглядывался в него немигающими, мертвыми глазами.

– Ша'тес ди сендра ан, – прорычало существо, к явному изумлению Териса, и, разразившись гортанным смехом, повернулось для смертельного удара.

Первая его атака разбросала по полу все, что было в кошеле у Вирра, и Седэн, едва враг повернулся к нему спиной, зашарил по полу и запустил руку под кровать. Давьяну пришлось в голову, не выронил ли Те-рис в суматохе сосуд, и он чуть не бросился перехватить парня.

Но Седэн уже нашел то, что искал. Еще одну окову. Когда тварь снова повернулась к нему, Седэн был готов ее встретить.

Он прыгнул вперед, поднырнул под клинком-тенью, запустил руки под черный капюшон и прижал к горлу врага разомкнутые концы обруча.

Леденящий вопль был исполнен боли и муки. Кинжал исчез из руки черного, а сам он запрокинулся назад; окова вплавлялась в его плоть, вырывая из горла пронзительный визг, который вынудил четверых людей зажать себе уши. Когда упал капюшон, Давьян в ужасе

отшатнулся. Пепельное нелюдское лицо, но с этого лица смотрели живые человеческие глаза, они впивались в него, моля о пощаде.

А потом существо рухнуло на пол, содрогнулось и замерло.

Терис круглыми глазами смотрел на Седэна.

– Ты...

– ...быстро соображаешь, – выдохнул Давьян и похлопал парня по спине – кроме всего прочего, чтобы остановить дрожь в руках. Тяжело дышавший Седэн склонил голову.

– Он мертв? – осторожно осведомился Вирр.

Внизу что-то с грохотом повалилось, зазвучали сердитые голоса. Терис издал стон и заметался по комнате, собирая скудные пожитки.

– Надо уходить. Всем. – Он многозначительно глянул на Седэна. Рыжеволосый помедлил, но кивнул не без облегчения.

Долю секунды Давьян таращился на старшего, не понимая, что его напугало. Потом догадался: Терис применил дар. Через несколько минут, если не меньше, здесь будет полно стражи Гил'шар.

Они сбежали по лестнице и незамеченными выскользнули наружу черным ходом. На улице даже в сумерках было полно народу; уже затесавшись в толпу, Давьян рискнул обернуться. Как раз в этот момент в гостиницу врывались солдаты – около двух десятков мрачных мужчин. Даже издали Давьян заметил в их руках щупы и заготовленные ловушки.

Город был велик, и люди на его грязных, темных улочках не обращали внимания на спешащих беглецов. Давьян ежился от каждого случайного взгляда, но до восточных ворот они добрались без заминки.

– Куда теперь? – впервые после бегства из гостиницы подал голос Вирр.

– На север, – ответил Терис. – Объясню, когда уберемся отсюда подальше.

Вирр скривился – как видно, такой ответ устроил его не больше, чем Давьяна, но что они могли сделать? Мальчики молча кивнули.

И молча зашагали по темной дороге.

Глава 15

Всего через несколько минут Терис остановился и жестом попросил спутников сделать то же. – Ну вот, теперь рассказывайте, кто из вас оставил в Толе Атьян свой след? – угрюмо потребовал он. – А заодно можете объяснить, почему там решились его использовать.

Давьян нахмурился. Какой еще след? Он покосился на Вирра, но его друг смотрел только на Териса.

– Если я, то я этого не помню, – заметил Седэн. – И даже не знаю, какой такой след.

Терис присмотрелся к их лицам и кивнул на Вирра.

– Вот он вам объяснит.

Вирр ответил старшему злым взглядом.

– След – это образчик твоей сути, запечатанный в емкость, которая сохраняет ее... свежей. Суть каждого неповторима, и по следу Тол Атьян может найти любого.

– Это как запах для собаки, – пояснил он для Седэна и Давьяна. – А ша'тесы – ищейки. Впрочем, по следу можно найти только того, кто прибегает к дару. – Терис устало потер себе лоб. – Что и сделал, насколько я понимаю, юный Вирр, выручая Седэна.

– Но в гостинице я ничего такого не делал! – возразил Вирр.

– След держится еще сутки, и даже дольше, если твой тайник велик, – хмуро сообщил Терис. – Выбрасывая из себя силу, ты превращаешь свое тело в фокус линзы, напитывая его сутью, и рассеивается она далеко не сразу. Щупы ее не улавливают, а вот ша'тесы чувят.

– Я не знал, – понурился Вирр.

– Мог бы спросить, – буркнул в ответ Терис. Но вопрос в другом: почему Тол Атьян добивается твоей смерти, Вирр? Что за преступление ты совершил, чтобы они пошли на такие меры?

Давьян с Седэном слушали эту перепалку, разинув рты. Давьян недоверчиво уставился на друга. Неужто это он навлек на них то создание?

– Оно называется... ша'тес? – Давьян впервые слышал это слово. – Что оно такое? – Мальчик растерянно обратился к Виру: – Что творится-то?

Вирр, судя по его лицу, понимал не больше Давьяна.

– Точно не знаю, – бросил он и обернулся к Терису, – если Тол Атьян и послал за мной ша'теса, то, уверяю тебя, не для убийства. Не понимаю, почему он атаковал. Мой след у них есть, но не потому, что я преступник. – Мальчик покачал головой. – Все сложно, а мне нельзя об этом говорить.

Терис потемнел лицом.

– Ша'тесы – убийцы, для того и созданы. Ты расскажешь все, мальчик, или эта окова еще надолго останется на твоей руке.

– Значит, останется. Но я не обманываю – Вирр холодно, без страха встретил взгляд мужчины со шрамами. В Каладеде он не боялся возражать старшим, если чувствовал свою правоту, и перед Терисом не дрогнул.

– Он не лжет, – поддержал друга Давьян.

Терис напустился на него.

– А тебе нисколько не любопытно узнать, с чего это ша'тес охотится за твоим приятелем?

Давьян внимательно посмотрел на Вирра и вздохнул.

– Мне любопытно, но я... Я ему доверяю. Если бы нам необходимо было знать, в чем дело, он бы нам сказал.

Терис недовольно промычал что-то, а Вирр поблагодарил друга взглядом.

– Мы об этом еще потолкуем, когда будет безопасно, – посулил человек со шрамами. – Сейчас опасность миновала – пока ты носишь окову, остальные на тебя не выйдут. Мы в безопасности... – он поморщился. – Насколько это возможно.

Теперь встрепенулся Седэн.

– Есть еще ша'тесы? – спросил он, словно подслушав мысли Давьяна.

Терис кивнул.

– Четверо. Хотя тот, которого ты убил, был их лучшим следопытом. Мы называли его наблюдателем. Он никогда не уходил из Тола с остальными, когда те отправлялись на поиски. Он выжидал, пока почует искомого, и тогда... Каким-то образом перепрыгивал к нему. Как, никто не знал, но я уверен, что остальные такой способностью не обладали. – Терис оглянулся на город Анабир. – И все же, кто бы ни держал другой конец поводка, Тол Атьян или другие, остальные пойдут за нами и вряд ли скажут нам спасибо за убийство собрата. Надо нам пошевеливаться.

Вирр поднял руку.

– Мы не пойдем за тобой, пока ты не ответишь на несколько *наших* вопросов.

– Конечно, – устало кивнул Терис.

– Другие ша'тесы пойдут за нами?

– Почти наверняка, – вздохнул старший. Может, сразу, может, и нет. Но если ты прав и им не было приказано тебя убить... ну... как мне видится, Тол Атьян мог утратить над ними власть. Тот, что напал на нас, без особого труда ослушался моего приказа, а такое считалось невозможным.

– Что он тебе сказал? – с любопытством спросил Давьян.

Ему ответил Седэн:

– Он сказал: «Ша'тес больше не слуга».

Все взглянули на рыжего парня. Тот немного смутился.

– Тогда я не понял, но сейчас вспомнил и... понял, что это значило. Правильно? – спросил он у Териса.

– Правильно, – протянул Терис, с интересом разглядывая Седэна. Наконец он пожал плечами. – Возможно, пока меня не было, изменили формулу приказов, и эта тварь просто издевалась надо мной. И все же... – вид у него был встревоженный.

Вирр уже смотрел на дорогу.

– Итак, нам надо не только избежать встречи с ша'тесами, но и вернуться в Тол Атьян, чтобы выяснить, что происходит с Рубежом. Почему же мы идем на север?

Терис вздохнул.

– После побега Седэна гил'шары глаз не спустят с границ; перейти их без помощи мы вряд ли сумеем. И на контрабандистов надежды нет – здесь даже преступники не захотят связываться с гил'шарами, сколько им ни заплати.

– Верно, – признал Вирр, – но что толку двигаться к Триндару?

– В Триндаре состоится Песня Мечей, – напомнил Терис. – До начала праздника еще неделя. Там будет королевское посольство из Андарры, причем Дезриель позволил включить в кортеж несколько одаренных. Если мы сумеем попасть в город, я добьюсь приема. Замешавшись в свиту, мы легко проскользнем через границу.

Пару секунд все молчали.

– Не выйдет, – бросил Вирр.

– Это наша единственная надежда, – возразил ему Терис. – Гил'шары будут исходить из того, что Седэн бросится напрямик к границе, а есть ли у него сообщники, им неизвестно. И уж точно они не заподозрят беглеца в связях с андаррской делегацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.